

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Том 18
№ 1

Санкт-Петербург
2026

Редколлегия:

Ирина Ильинична Елисеева, чл.-корр. РАН, д. э. н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ, гл. н. с.
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН / СПбГЭУ) — главный редактор;

Михаил Федорович Черныш, чл.-корр. РАН, д. соц. н., профессор,
директор Института социологии ФНИСЦ РАН;

Нина Владимировна Агабекова, д. э. н., профессор
(Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь);

Сания Исааковна Бояркина, к. соц. н., доцент
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ));

Константин Александрович Галкин, к. соц. н., старший научный сотрудник
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Геннадий Викторович Каньгин, д. соц. н., вед. н. с.
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Наталья Владимировна Колесник, к. соц. н.
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург) — ответственный секретарь;

Михаил Валентинович Масловский, д. соц. н., профессор,
ведущий научный сотрудник
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Инна Борисовна Назарова, д. э. н., главный научный сотрудник
(Институт социологии ФНИСЦ РАН / РУДН);

Марина Юрьевна Сурмач, д. мед. н., профессор
(Гродненский государственный медицинский университет,
Республика Беларусь);

Елена Валериевна Тыканова, к. соц. н., зам. директора по научной работе
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Жанна Владимировна Чернова, д. соц. н., ведущий научный сотрудник
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Ye Qing, PhD, профессор
(Центр исследований модернизации Китайской академии наук /
Университет Китайской академии наук).

Сборка выпуска — *Дарья Анатольевна Рябчикова* (СПбГЭУ);

Размещение на сайте ПСС — *Юлия Александровна Яшина* (Институт социологии
ФНИСЦ РАН);

Размещение в РИНЦ — *Николай Иванович Карбаинов*, н. с. (СИ РАН —
филиал ФНИСЦ РАН).

Editorial board:

Irina I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, Corr. Member of RAS
(Sociological Institute of FCTAS RAS /
Saint-Petersburg State Economic University) —
Editor-in Chief;

Mikhail F. Chernysh, Doctor of Sociology, Professor, Corr. Member of RAS,
Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;

Nina V. Agabekova Doctor of Economics, Professor
(Belarusian State University of Economics,
Minsk, Republic of Belarus);

Sania I. Boyarkina, PhD, associate professor
(Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU));

Konstantin A. Galkin, PhD, senior researcher
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Gennady V. Kanygin Doctor of Sociology
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Natalia V. Kolesnik, PhD
(HSE University, SPb) — Executive Secretary;

Mikhail V. Maslovsky, Doctor of Sociology, professor
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Inna B. Nazarova, Doctor of Economics
(Institute of Sociology of FCTAS RAS / RUDN University);

Marina Yu. Surmach, Doctor of Medicine, Professor
(Grodno State Medical University, Republic of Belarus);

Elena V. Tykanova, PhD, Deputy Director for Research
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Zhanna V. Chernova, Doctor of Sociology, Leader Researcher
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Ye Qing, PhD, Professor
(China Center for Modernization Research
Chinese Academy of Sciences (CAS) /
University of Chinese Academy of Sciences (CAS)).

Issue assembly — *Daria A. Ryabchikova* (UNECON);

Publishing on the PSS website — *Yulia Aleksandrovna Yashina* (Institute of Sociology of FCTAS RAS);

Publishing in the Russian Science Citation Index — *Nikolay Ivanovich Karbainov*, researcher (Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation).

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

EDN: RJOWYZ

*Научное периодическое издание
«Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года.
Периодичность: четыре номера в год (до 2023 г. — два номера в год).
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Регистрационный номер СМИ: ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.*

ISSN 2308-3166

© Авторы статей, материалов, 2026
© ФНИСЦ РАН, 2026
© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

In Memoriam

<i>Докторов Б. З.</i> Горшков М. К.: «...Пути в социологию — исповедимы»	8
<i>Буравой М.</i> Проблема классов в современной социологии. Интервью Майкла Буравого с Эриком Олином Райтом	51
<i>Ярошенко С. С.</i> Публичная социология для профессионалов, или почему современные социологи (не) говорят о классах? Комментарий к интервью М. Буравого с Э. О. Райтом	73

Данные, методы, методология

<i>Симонова В. В.</i> Эксперимент с субъективным восприятием времени в контексте семейного культурного потребления (опыт учебного проекта)	82
--	----

Очерки, эссе, зарисовки

<i>Щёлкин А. Г.</i> Любовь и препятствия на пути к ней: подлинность и мнимость человеческой интимности	96
--	----

Научная жизнь

<i>Сурмач М. Ю.</i> Международная научно-практическая конференция «Здоровьесбережение в преемственности поколений»	115
<i>Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В., Егорова С. В.</i> Развивая традиции: участие студенческого научного общества социологического факультета Самарского университета в научном семинаре «Новые горизонты в исследованиях труда. Научный и практический опыт»	121

CONTENTS

In Memoriam

<i>Doctorov B. Z.</i> Gorshkov M. K.: “...The Paths to Sociology Are Professed”	8
<i>Burawoy M.</i> The Problem of Class in Contemporary Sociology. Michael Burawoy’s Interview with Eric Olin Wright	51
<i>Yaroshenko S. S.</i> Public Sociology for Professionals, or Why Contemporary Sociologists (Don’t) Talk About Class. Commentary on M. Burawoy’s interview with E. O. Wright	73

Data, Methods, Methodology

<i>Simonova V. V.</i> An Experiment on the Subjective Perception of Time in the Context of Family Cultural Consumption (A Teaching Case Study)	82
--	----

Essays and Sketches

<i>Shchelkin A. G.</i> Love and the Obstacles to It: The Authenticity and Illusions of Human Intimacy	96
---	----

Scientific Life

<i>Surmach M. Yu.</i> International Scientific and Practical Conference “Health Preservation in the Continuity of Generations”	115
<i>Bocharov V. Yu., Vaskina Yu. V., Egorova S. V.</i> Developing Traditions: Participation of the Student Scientific Society of the Faculty of Sociology of Samara University in the Academic Seminar “New Horizons in Labor Research: Scientific and Practical Experience”	121

IN MEMORIAM

Первый номер журнала «Петербургская социология сегодня» 2026 г. открывается републикацией интервью Бориса Зусмановича Докторова с Михаилом Константиновичем Горшковым (29.12.1950–24.11.2025)¹. Это интервью хорошо известно, оно относится к 2014 г. и вошло в книгу об М. К. Горшкове. Тем не менее члены редколлегии сочли, что это давнее интервью наиболее близко нам. Оно передает ощущение живого общения. Кончина М. К. Горшкова — огромная утрата отечественной социологии. Академик Горшков — выдающаяся фигура среди российских социологов. Он воплощал в себе довольно длительную стадию возрождения отечественной социологии как инструмента управления, поиска новых рычагов влияния на трудящиеся массы. Совсем молодым человеком М. К. Горшков вошел в состав руководства Академии общественных наук при ЦК КПСС, а затем Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). Ему доверяли, и это доверие совпало с потребностями времени. Благодаря Михаилу Константиновичу Горшкову из инструмента бюрократии российская социология переродилась в академическую социальную науку и включилась в мировые социологические исследования. М. К. Горшков сочетал государственность мышления с глубиной научного анализа, с сущностной интерпретацией получаемых результатов. Он любил эмпирику, организовывал масштабные проекты, оставаясь при этом социальным философом-теоретиком. Для нас Михаил Константинович Горшков — мыслитель, стратег, организатор и руководитель, умеющий видеть и создавать будущее.

*Редколлегия журнала
«Петербургская социология сегодня»*

¹ Печатается с разрешения автора, Б. З. Докторова.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.8xse-md45

EDN: PTMDNC

УДК 316(092)

БОРИС ЗУСМАНОВИЧ ДОКТОРОВ

Независимый исследователь

Горшков М. К.:
«...ПУТИ В СОЦИОЛОГИЮ — ИСПОВЕДИМЫ»

Аннотация. 24 ноября 2025 г. не стало Михаила Константиновича Горшкова, большого ученого, академика, прекрасного коллеги, который внес огромный вклад в развитие российской социологии, был первым директором ФНИСЦ РАН. Воспроизводимое интервью с Михаилом Константиновичем 2014 г. явилось частью уникального биографического проекта о российских ученых. Из диалога двух социологов воссоздается картина многолетней работы Михаила Константиновича, чья биография, в типологии автора, принадлежит к «старшей части четвертого поколения» ученых, в которой просматриваются не только типичные, но и уникальные черты.

Ключевые слова: М. К. Горшков, ученый, социология, наука, биография, поколение

Ссылка для цитирования: Докторов Б. З. Горшков М. К.: «...Пути в социологию — исповедимы» // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 8–50. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.8xse-md45; EDN: PTMDNC

Текст интервью воспроизводится с любезного разрешения Бориса Зусмановича Докорова по изданию: Горшков М. К. «...Пути в социологию — исповедимы». — М.: Весь Мир, 2015. — С. 357–397.

Введение

Горшков М. К. окончил Стоматологический институт имени Н. А. Семашко, директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, главный редактор журналов ИС РАН «Социологическая наука и социальная практика» и «Вестник Института социологии». Основные области исследования: теория, методология, методы, история; образ жизни, качество жизни, власть, социальные институты, структура; идеология, общественное мнение, массовая коммуникация, прикладная социология.

Путь Михаила Константиновича Горшкова (1950 г. р.) в социологию и его многолетняя работа в науке интересны для историко-биографического исследования. В рамках развиваемого мною поколенческого подхода к строению нашего профессионального сообщества он принадлежит к старшей части четвертого поколения, но в траектории его становления как ученого четко просматриваются элементы событий, характерных для других поколений советских / российских социологов, и совсем необычные «вкрапления». Оригинальна стартовая позиция — продолжая семейную традицию, он поступает в Стоматологический институт имени Н. А. Семашко, на лечебный факультет. Подобное начало — уникально. Затем — активная комсомольская деятельность в институте и районном комитете комсомола. Такой вариант досоциологической деятельности часто встречается в биографиях двух первых поколений социологов, но уже не типичен для третьего. Стремление Горшкова поглубже понять психологию молодежи и больших социальных общностей, знакомство с книгами В. Шляпентоха «Социология для всех» и Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире» подвели его к прикладным социологическим исследованиям и породили в нем желание разобраться в природе общественного мнения. Таким маршрутом в социологию проходили представители пятой и шестой когорты. Неоднократно перед ним открывались возможности стать партийным функционером высокого уровня, но каждый раз он предпочитал оставаться диагностом (медицинское образование) и аналитиком (полученное позже философское образование) социальных процессов. Его уход из партийной науки и создание крупной независимой научно-исследовательской

структуры — еще одна сингулярность. Продолжать нет смысла, я лишь излагаю сказанное в тексте интервью.

Академик М. К. Горшков — директор института социологии РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, член Союза писателей России, автор большого числа книг, редактор нескольких периодических изданий — публичный человек. Он часто и обстоятельно рассказывает журналистам печатных и электронных СМИ о развитии важнейших социальных институтов страны и о состоянии российского общества в целом.

Эти темы затронуты и в данном интервью, но все же в нашей беседе, состоявшейся 17 апреля 2014 г. в Москве, я стремился как можно больше задавать моему собеседнику вопросы биографического характера. И в этом отношении мне представляется, что рассказанное М. К. Горшковым принципиально расширяет наши представления о механизмах становления сообщества российских социологов и характере межпоколенных связей внутри него.

Борис Докторов

Б. Д.: Мой первый вопрос такой: к настоящему моменту в моем историко-биографическом проекте, касающемся социологов разных поколений советского и современного российского периодов, приняло участие более шестидесяти человек. Однако, должен заметить, ни у одного из них нет медицинского образования. Скажи, пожалуйста, твой выбор медицинского образования — это семейная традиция или давняя детская мечта? Что это было?

М. К.: Выбор образования в советское время, конечно, не отрицал наличия инициативы того, кто его совершал, хотя в значительной степени основывался на влиянии родителей, среды общения и воспитания. Поскольку моя мама была талантливым врачом-стоматологом, то она меня, как помню, не сразу, но с третьего-четвертого раза убедила, что надо поступить в Московский медицинский стоматологический институт имени Н. А. Семашко. Тем более тогда в нем, наряду со стоматологическим факультетом, был открыт и лечебный факультет по всем основным направлениям медицинской специализации. Образование нового факультета должно было решить задачу подготовки врачей для Москвы, которая в конце 60-х годов уже начала испытывать дефицит ряда врачебных специальностей. К тому же, поступая на стоматологический факультет, можно было в течение срока обучения,

но не позже, чем за два года до выпуска, окончательно определиться с той медицинской специальностью, которую студент получал в стенах института. Убежденность в том, что медицинское направление само по себе замечательно, а также возможность выбора специализации, после того как немножко «мозги утрясутся» и профессиональная ориентация устоится, побудили меня поступать в медицинский.

Б. Д.: То есть у тебя был интерес не столько к обществу, сколько к самому человеку, так можно сказать.

М. К.: Ну какой осознанный интерес мог быть у выпускника десятого класса советской школы конца 60-х годов? Речь может идти скорее о первичной профессиональной ориентации.

Б. Д.: Но все же ориентации на человека, а не на технику... Интерес к человеку, да?

М. К.: В этом смысле, конечно, так получилось, что меня всегда интересовал человек. В начале — его физическая, а в дальнейшем — социальная, духовная субстанция.

Б. Д.: Действительно, на самом деле медицина и социальная реальность — явления пересекающиеся. В одном случае больше человека, в другом — больше социальной реальности, но в общем, по большому счету, все это люди...

М. К.: Скажу больше. Мой личный опыт (может быть, не очень скромно будет сказано) высвечивает будущее социологического образования, которое не должно носить только социогуманитарный характер. Поскольку объектом социологической науки является социальное, но изначально, корнями своими, связанное с биологическим и физиологическим и в синтезированном виде выраженное в человеке и в его взаимодействии с другими людьми, профессиональная подготовка социолога не может игнорировать хотя бы базовый объем знаний о биофизиологической природе и структуре личности.

Поэтому скажу то, в чем не признавался еще ни в одном интервью. Мне очень повезло в жизни прежде всего благодаря получению двух видов образования — медицинского и социогуманитарного (философского). Сначала я получил возможность понять физиологическую материю человека, способы и методы выявления и преодоления его физических недугов. А потом перешел к пониманию того, что есть духовная составляющая человеческого (шире — общественного) организма, как ставить социальный диагноз различным состояниям человека, группы, общества в целом и какие средства излечения социальных недугов рекомендовать. Соединение воедино этих двух уровней понимания природы человека и общества — чрезвычайно интересная

вещь, позволяющая мне быть точнее в своих оценках и интерпретациях результатов социальных исследований.

Б. Д.: Я так и понял. Действительно, это очень редкое сочетание образовательных специальностей. У меня это вообще первый случай.

Поскольку ты человек публичный, год рождения твой — 1950-й — известен, данных о тебе в сети, в прессе и т. п. довольно много, поэтому я некоторые детали пропущу.

В твоих биографических справках отмечается, что в 1973–1976 гг. ты работал заведующим отделом студенческой молодежи Свердловского райкома комсомола. В моей классификации социологических поколений ты относишься к четвертому поколению (мы с Францем Шереги — к третьему) отечественных социологов. Для первых трех поколений движение в социологию через освобожденную комсомольскую и партийную работу — не редкость. Вспомним хотя бы Б. Фирсова, И. Левыкина, Ж. Тощенко, В. Ядова. Для моего поколения это уже редкость, а для твоего — редкость еще бóльшая. И все-таки ты прикипел к оргработе в институте или работа с людьми, молодежью тебя еще в школе привлекала?

М. К.: Комсомольским активистом я стал в вузе. Все началось с того, что в период летних каникул, после первого и второго курсов, по направлению комитета ВЛКСМ института работал пионервожатым в детском лагере «Светлячок» Министерства здравоохранения СССР. А потом был избран членом факультетского бюро комсомола, секретарем факультетского бюро ВЛКСМ, а на четвертом курсе — заместителем секретаря комитета комсомола всего института, комсомольская организация которого насчитывала почти пять тысяч комсомольцев.

Помимо текущей комсомольской работы в течение учебного года, в летние каникулы после третьего и четвертого курсов пришлось освоить и функции командира студенческого строительного отряда. Отряды, которые я возглавлял, работали в Ступинском районе Московской области и в Хакасской автономной области Красноярского края.

Б. Д.: То есть вас не использовали как будущих врачей?

М. К.: В качестве врачей в стройотрядах других вузов работали наиболее успешные студенты старших курсов нашего медвуза. Большинство же студентов первого и второго курсов трудились на строительных и уборочно-полевых работах.

В каждом из стройотрядов, которыми мне пришлось руководить, работало по сто студентов и студенток. И, признаться, нервно-психологического напряжения в мои 20 лет я хлебнул сполна. Когда периодически узнавал сводки о трагических ЧП в других отрядах, сердце, что

называется, оказывалось не на месте. Поэтому день начинал с линейки в семь утра и заканчивал отбоем с обходом всех спальных мест с тем, чтобы лично убедиться — все на месте.

Перед выпуском из мединститута, на комиссии ректората по распределению, мне предложили место в аспирантуре. Я, разумеется, с благодарностью согласился, но попросил, чтобы это место было выделено не по клинической, а по одной из теоретических кафедр, а именно по кафедре биологии. К этому времени я заинтересовался изучением философских проблем существования и развития биологических форм жизни. Ректора института А. И. Белоусова мой выбор немало удивил, хотя он и пообещал сделать запрос на целевое место аспирантуры по кафедре биологии. И, действительно, такой запрос в Минздрав СССР был сделан. Однако практически одновременно в аппарате Свердловского райкома комсомола, в состав которого входила комсомольская организация нашего института, оказалась вакантная должность заведующего студенческим отделом. И меня вызвали в партком института, где доходчиво объяснили, что место в аспирантуре за мной сохранится, а годика два-три надо бы поработать в райкоме, куда меня и порекомендовали. Учитывая, что еще на четвертом курсе я был принят в ряды КПСС, отказаться от предложения по понятным причинам я не мог, о чем, в общем-то, никогда не жалел.

Б. Д.: И что, для тебя это оказалось интереснее аспирантуры?

М. К.: Дело оказалось в другом. Как со временем выяснилось, это принципиально изменило мои творческие, познавательные предпочтения.

Чем больше я втягивался в работу с молодежью, тем все интереснее становилось познавать глубины молодежной психологии, больших социальных общностей в целом. Я стал понимать, что только через канал обычного человеческого общения до сути интересующих меня вещей дойти сложно. Начал читать научную литературу по проблемам молодежи — В. Т. Лисовского, С. Н. Иконникову (ленинградские исследователи). Социальная проблематика становилась все более интересной после того, как в руки попала книга В. Шляпентоха «Социология для всех». Появилось углубленное желание узнать, что такое прикладные социологические исследования и как они проводятся. Дошел до анализа опыта работы Института изучения общественного мнения «Комсомольской правды», которым руководил Борис Грушин, а когда прочитал его книгу «Мир мнений и мнения о мире», я понял, что изучение общественного мнения, механизмов его формирования и функционирования — это мое.

И тут в пору опять благодарить судьбу. В период моих творческих исканий, работая заведующим студотделом Свердловского РК ВЛКСМ, я познакомился с Владимиром Соколовым — в тот период старшим научным сотрудником Академии общественных наук при ЦК КПСС, который проводил среди молодежи Свердловского района г. Москвы социологическое исследование. На его предложение — подключиться к проведению последнего — я откликнулся без всяких раздумий. И приобрел первый опыт организации и проведения прикладного социологического исследования. Это было тем более интересно и важно для меня, поскольку Владимир Михайлович Соколов вел и продолжает вести исследования в области нравственности и морали. Я считаю, что лучше работ на стыке теории и прикладных аспектов анализа морали в советском и российском обществах, чем у него, нет до сих пор. Кстати, Соколов — ученик А. Г. Харчева. Он же меня с Харчевым и познакомил в бытность того главным редактором журнала «Социологические исследования». После окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС (куда можно было поступить только с номенклатурной должности) В. Соколов защитил в этом учреждении диссертацию и был направлен в исследовательский отдел, специально созданный в академии для анализа конкретных прикладных проблем. В течение нескольких лет этот отдел возглавлял Жан Терентьевич Тощенко, который был направлен в АОН при ЦК КПСС из Красноярского крайкома КПСС.

Общаясь с Соколовым, я понял, что в данной области проводится очень много исследований, однако собственно молодежным проблемам посвящены лишь немногие из их числа.

Б. Д.: Михаил, а как в дальнейшем сложились твои отношения с Соколовым?

М. К.: Когда он обнаружил у меня минимальные знания в области социальной, в том числе молодежной, проблематики, социологическую начитанность, и когда я начал выговаривать термины, которых от комсомольского функционера мало кто мог ожидать — «выборочная совокупность», «репрезентативность», «операционализация основных понятий», «корреляция» и т. п., он посмотрел на меня и спросил: «Ты какой вуз оканчивал? Мне говорили, что ты медик?» Я ответил утвердительно, на что в ответ услышал: «А не подумать ли тебе о том, чтобы заняться научной работой, причем в стенах АОН, в недавно созданном исследовательском отделе социологической направленности?» Я подумал, а почему бы нет, хотя понимал, что из райкома

комсомола в столь статусное научное учреждение КПСС попасть не так-то просто. Ведь в образовательные и научные учреждения КПСС, главной задачей которых являлась подготовка высших партийных кадров, в аспирантуру можно было поступить только с очень высокой партийной или комсомольской должности. Но поскольку речь шла не о поступлении в аспирантуру, а о работе в исследовательском отделе младшим научным сотрудником, то один шанс из сотни у меня все-таки был, так как все упиралось в решение не приемной комиссии, а непосредственно руководства академии. И надо представить сцену, о которой мне рассказали потом. Когда Соколов докладывал мою анкету ректору АОН (члену-корреспонденту АН СССР М. Т. Иовчуку), он, прочитав строчку об образовании, посмотрел суровыми глазами на Соколова и воскликнул: «Нам еще медиков, да к тому же стоматологов, не хватает в Академии общественных наук». Объяснения Соколова, что речь идет не о поступлении в аспирантуру АОН, а о научно-исследовательской работе в должности младшего научного сотрудника, судя по всему, не убеждали ректора академии.

На мое счастье, за его спиной стоял Вячеслав Шестаковский — в тот период ученый секретарь АОН. «Зря вы этого молодого парня из комсомола обижаете, — заметил он. — Ведь под руководством В. Соколова он ведет исследовательскую работу по молодежной проблематике. А потом, что значит, “только медика не хватает”. Я сам оканчивал Львовский медицинский институт, и это не помешало мне защитить кандидатскую диссертацию по философской специальности и стать ученым секретарем Академии общественных наук при ЦК КПСС». После этих слов ректор АОН молча подписал приказ о моем зачислении в штат АОН. Правда, на следующий день вызвал к себе и довольно жестко произнес: «Будешь возглавлять комсомольскую организацию АОН (в ней тогда насчитывалось всего 150 человек, но каких...), а то в последнее время разболтанности стало много». Естественно, пришлось согласиться.

Таким образом, я стал младшим научным сотрудником ведущего в стране научного учреждения КПСС, причем в Отделе по исследованию эффективности партийной пропаганды и политической информации. Это произошло в октябре 1976 г. В тот момент отделом руководил С. Мосягин, ранее работавший секретарем Астраханского обкома партии. Потом он был избран секретарем парткома АОН. Его заместителем был Ж. Т. Тощенко, в то время уже успешно защитивший докторскую диссертацию. Именно ему было поручено провести беседу со мной первым и объяснить, в чем будут состоять мои научные

и научно-организационные обязанности. С тех пор, вот уже почти 40 лет, мы с Жаном Терентьевичем работаем и сотрудничаем в очень тесной творческой связи.

Не могу не сказать о том, что меня очень приветливо встретили в коллективе отдела. К моему приходу в нем уже работали широко известные в социологии специалисты, в том числе те, кто был причастен к этапу укрепления в стране социологии как самостоятельной отрасли социального знания. Прежде всего, я говорю о Геннадии Журавлеве и Артеме Кулагине, внесших большой вклад в развитие математических методов социологии. Активную и чисто человеческую поддержку оказал Мирослав Никорук — мастер подготовки социолого-аналитических материалов. И, конечно, Владимир Попов, выросший впоследствии в крупного социолога — социального психолога, который стал буквально опекать меня и с которым у меня сложились не только творческие, но и многолетние дружеские отношения.

Уже через полгода после начала работы в АОН я был направлен в командировку с задачей организовать проведение в Иркутской области, а затем в Приморском крае исследования общественного мнения по обнародованному весной 1977 г. проекту новой Конституции СССР. Во Владивостоке ко мне присоединился Володя Юматов — тоже м. н. с. нашего отдела и, как я позже узнал, любимый племянник широко известного советского актера Георгия Юматова. Социологическая профессия удерживала его недолго, в конечном счете сработали гены. С трудом, но он сумел вступить на актерскую тропу и в последующие годы играл и продолжает играть ключевые роли в самых громких российских детективных сериалах.

Работая вместе с местными социологами, я приобрел очень полезный опыт проведения массовых опросов и подготовки аналитических материалов по их итогам. По сути дела, этот опыт помог мне окончательно определиться с темой кандидатской диссертации. Я решил посвятить свои научные изыскания проблематике природы, механизмов формирования и проявления общественного мнения.

Мой выбор одобрил и В. М. Соколов, и его наставник, работавший тогда в АОН профессор Александр Константинович Уледов. Он и Борис Андреевич Грушин считались тогда главными знатоками того, что такое «общественное мнение».

Б. Д.: В каком статусе ты начал работать над кандидатской диссертацией — как соискатель?

М. К.: Именно так, другой возможности не было. Надо было писать научно диссертательный текст без отрыва от производства. Тема

диссертации была утверждена на специализированном совете при кафедре теории и методов идеологической работы, а моим научным руководителем был утвержден профессор А. К. Уледов, с которым (скажу, забегая вперед) меня связали многие годы творческого сотрудничества, что позволяет мне считать себя выходцем из философско-социологической школы Уледова — крупнейшего и, на мой взгляд, еще не оцененного в полной мере советского философа.

Конечно, я старался сильно не докучать своему научному руководителю. Фактически после утверждения плана диссертации я только два-три раза просил Александра Константиновича ознакомиться с подготовленными мною разделами диссертации.

Б. Д.: Как ты сдавал кандидатские экзамены?

М. К.: Сдавать их приходилось с группой аспирантов, обучавшихся на кафедре теории и методов идеологической работы. А для этого нужно было заниматься на всех семинарах для аспирантов и прослушать курс лекций, которые читали известные советские ученые — Г. Е. Глезерман, К. Х. Момджян, П. К. Курочкин, Д. А. Керимов и др. Такая двухлетняя образовательная подготовка в области социального знания стоила не меньше, а может быть, и больше пятилетнего институтского гуманитарного образования.

Б. Д.: Тема диссертации формулировалась так: «Формирование и функционирование социалистического общественного мнения». Если в нескольких словах (давно это уже было, ты защищал диссертацию в июне 1979 г.), что ты там обнаружил? Какую идею или вывод мог бы сегодня вспомнить?

М. К.: Сначала попытался вникнуть и представить свое понимание сущности общественного мнения. Внимательно проштудировал уже опубликованные работы по данной проблематике, в том числе таких авторов, как В. Коробейников, Б. Ерунов, В. Падерин, В. Комаровский, Ю. Замошкин, Р. Сафаров и др. При этом с удивлением обнаружил, что по количеству имеющихся дефиниций это явление можно считать рекордсменом. Только в отечественной литературе я обнаружил около тридцати определений общественного мнения. А специфику его формирования и функционирования рискнул вывести из уникальной роли, которую выполняет общественное мнение, будучи объединяющей связкой массового сознания и массового поведения. Речь идет о том, что, как оценочно-ценностное по своей природе суждение, оно способно не только определять духовное (вербальное) отношение людей к событиям, явлениям и процессам, но и влиять на практическую составляющую данного отношения.

Б. Д.: Это Тощенко использовал в таких случаях понятие «зрелое общественное мнение» или его еще Уледов применял?

М. К.: Уледов часто оперировал понятием компетентного мнения, а многолетняя дискуссия с Грушиным возникла на почве трактовки общественного мнения как монистического (Уледов) или плюралистического (Грушин) образования.

Б. Д.: Как я понял, первая глава твоей кандидатской носила теоретико-методологический характер. А вторая?

М. К.: Вся вторая глава диссертации была посвящена опыту изучения общественного мнения в Советском Союзе. Я использовал обширную базу данных исследований, которые проводились отделом АОН, в котором я работал. Причем результаты массовых опросов, ставшие предметом анализа в диссертации, были связаны не только с общественно-политической, но и с духовно-нравственной проблематикой. Здесь мне очень пригодился исследовательский методический опыт, переданный мне В. Соколовым, в частности, опыт использования в инструментариях опросов прожективных ситуаций.

Б. Д.: Выше ты упоминал фамилию Сафарова. По-моему, он предлагал в свое время дать специальное название науке об общественном мнении?

М. К.: Да, именно он предложил назвать эту науку *опинионикой*. В ряде публикаций Рафаэль Сафаров продвигал данный термин, но он так и не прижился. И все же его монография «Общественное мнение и государственное управление» считается значительным вкладом в разработку теоретических основ изучения данного феномена. В своей кандидатской и в последующих научных работах я не раз на нее ссылался. Это был очень интересный и оригинально мыслящий ученый, общение с которым всегда вызывало у меня творческое и просто человеческое удовлетворение.

Б. Д.: Ты защищал кандидатскую в июне 1979 г., но, судя по твоей служебной справке, в твоей трудовой биографии произошли существенные перемены?

М. К.: Действительно, незадолго до защиты меня пригласили к ректору Академии общественных наук, которая годом ранее была реорганизована путем объединения бывшей АОН, ВПШ и заочной ВПШ при ЦК КПСС. Новым ректором АОН был назначен доктор экономических наук, профессор Вадим Андреевич Медведев, ранее работавший зам. заведующего отделом пропаганды ЦК партии. Разговор был недолгим. Он полистал автореферат моей диссертации, поинтересовался имеющимся у меня опытом проведения социологических

опросов и предложил стать референтом ректора АОН при ЦК КПСС. Мог ли я тогда предположить, какое определяющее воздействие на мою профессиональную и творческую судьбу окажет эта встреча? Но в то время все мысли были о предстоящей защите, которая, несмотря на то что я защищался не в статусе аспиранта АОН, а в качестве соискателя, прошла успешно. Через несколько месяцев я получил диплом кандидата философских наук по специальности 09.00.02 — научный коммунизм; социологических специальностей в то время, как известно, не существовало.

Б. Д.: Насколько я знаю, АОН являлась не только высшим научным, но и учебным учреждением КПСС. Удалось ли тебе, наряду с научной, освоить и педагогическую деятельность?

М. К.: В структуру АОН, помимо Отделения аспирантуры, входило Отделение слушателей, на которое также принимались статусные партийные, государственные и комсомольские чины. Но срок обучения в нем, в отличие от трехлетней аспирантуры, был два года, после которых надлежало защитить диплом.

В первый год работы референтом ректора АОН было не до преподавательской деятельности: все время уходило на освоение многопланового содержания референтских обязанностей. Однако по прошествии адаптационного периода сам В. А. Медведев посоветовал мне подключиться по совместительству к преподавательской работе на одной из кафедр АОН. Я выбрал кафедру теории и методов идеологической работы, которую в новой академии возглавил Ж. Т. Тощенко, и стал выполнять обязанности и. о. доцента по этой кафедре. За мной для чтения одного из спецкурсов закрепили постоянную группу слушателей и двух потенциальных дипломников.

Конечно, у меня было определенное волнение по части преподавательской деятельности, поскольку на тот момент мне было 30 лет, а большинству слушателей — от 35 лет и выше. К тому же в годы моей работы слушателями АОН были ставшие уже в новое время известными политическими и общественными деятелями Г. Зюганов, Е. Лахова и др.

Б. Д.: Мы как-то бегло упомянули Уледова. Хотелось бы вернуться, чтобы вспомнить о нем более обстоятельно.

М. К.: В процессе становления и развития АОН нового образца по инициативе ректора академии В. А. Медведева стали создаваться новые кафедры, к руководству которых пришли такие известные ученые, как Л. И. Абалкин, Р. А. Белоусов, Ю. А. Красин, Л. Н. Москвичев, Д. А. Керимов. Одну из новых кафедр, а именно кафедру социологии и социальной психологии, возглавил А. К. Уледов. В процессе

формирования научно-преподавательского состава он предложил мне стать заместителем руководителя кафедры по науке и курировать социологическую составляющую учебной и научной работы кафедры.

Б. Д.: Но при этом ты еще оставался референтом ректора АОН?

М. К.: Да, продолжая выполнять функции референта ректора, я совмещал работу в должности заместителя руководителя кафедры. Составлял планы учебной работы, разрабатывал спецкурсы, программы социологических опросов, сам вел спецкурс по прикладной социологии в аспирантских группах. Во всем этом я постоянно ощущал поддержку А. К. Уледова.

Б. Д.: Уледов был психологом по образованию?

М. К.: Уледов был философом. До АОН он работал на философской кафедре МГУ. Его очень сильная сторона — теоретико-методологические обоснование исследований общественных явлений и процессов, установление их причинно-следственных связей. Ему принадлежит авторство первой в СССР книги по общественному мнению. Она вышла в 1963 г. и называлась «Общественное мнение советского общества». Далее была книга, которая и в настоящее время остается классической, — «Структура общественного сознания» (1968). Обидно, но как-то незаметно в нашей общественной науке прошли две другие его книги — «Социологические законы» и «Духовная жизнь общества». На мой взгляд, он был редким мастером взаимосвязи научно-теоретического и логического и остается не до конца оцененным как один из наиболее ярких представителей советской философско-социологической школы. Я горжусь тем, что могу считать себя выходцем из этой школы. И, конечно, я был очень рад тому, что А. К. Уледов согласился стать научным консультантом по моей докторской диссертации. Он сразу же поддержал мою идею положить в основу работы реконструкцию социально-исторических типов общественного мнения и тех функций, которые оно выполняло в условиях различных общественно-экономических формаций начиная с первобытнообщинной.

Б. Д.: Но ведь, по представлениям многих, общественное мнение есть только там, где функционируют средства массовой информации, которых на ранних стадиях развития человеческого общества, естественно, не было.

М. К.: Извини, но это неверные представления.

Б. Д.: Ты их оспариваешь?

М. К.: Я оспариваю утверждение о якобы принципиальной невозможности существования разных социально-исторических типов

общественного мнения без участия масс-медиа. Например, в родовой общине оно не охватывало сотни тысяч, и тем более миллионы его носителей, однако реально существовало и оказывало влияние на жизнь общины, пусть и численностью в несколько сотен человек.

Б. Д.: Но жизнь родовой общины могла определяться и ее традициями.

М. К.: А традиции как складывались и кем поддерживались? Через общественное мнение, через исторически складывающееся единое отношение к правилам совместной (коллективной) жизни. Все, что закреплялось в общем мнении и поддерживалось силой его авторитета, утверждалось в дальнейшем в нормах, традициях. Другое дело, что в процессе исторического развития множилось количество факторов, воздействующих на формирование общественного мнения. И чем шире становился его субъект, тем все более всеохватывающими становились средства, определяющие состояние общественного мнения. Вот так и пришли к тому, что зачастую оно в значительной степени оказывается масс-медийным по своему происхождению.

Б. Д.: Об этом обстоятельно писал Б. Грушин, исследуя природу массового сознания. А как складывалось твое общение с ним? Как его «вечный» оппонент А. К. Уледов смотрел на ваши отношения?

М. К.: А. К. Уледов воспринимал их вполне конструктивно, поскольку видел, что я стремлюсь разобраться в наиболее дискуссионных теоретико-методологических вопросах сущности общественного мнения. А познакомился я с Грушиным в конце 1970-х гг. на учебе комсомольского актива, на которой мы выступали по вопросам методики и практики изучения общественного мнения, в том числе в молодежной среде.

После первого знакомства, когда он узнал, что я всерьез начинаю заниматься докторской по проблематике общественного мнения и что, по сути, разделяю позицию Уледова относительно монистической природы данного социального явления, мы много раз дискутировали по данному поводу. Это позволяло полнее понимать, в чем, собственно, состоят принципиальные расхождения в уледовской и грушинской концепциях. Но главное, что в конечном счете я пришел к выводу: надо не противопоставлять, а взаимодополнять подходы Уледова и Грушина. На стадии зарождения и формирования общественное мнение отличается множественностью суждений (Грушин), а на стадии функционирования — монистическим, внутренне единым характером (Уледов). Именно от такого понимания я отталкивался, выдвигая в своей докторской *динамическую концепцию общественного мнения*.

Б. Д.: Как ты познакомился и начал работать вместе с нашим общим другом Францем Шереги?

М. К.: Это знакомство произошло в 1978 г., накануне XVIII съезда ВЛКСМ, и очень сильно отразилось на овладении мною знаниями и навыками в области прикладной социологии. В тот момент в АОН при ЦК КПСС и в ВКШ при ЦК ВЛКСМ (где работал Франц) пришла директива о проведении среди советской молодежи ширококомасштабного опроса, посвященного предстоящему комсомольскому съезду. Каждый из нас получил подобное поручение по своему ведомству. Помню, мы встретились на Садово-Кудринской, дом 9, в старом здании АОН, и после краткого знакомства обсудили возможные варианты осуществления массового опроса молодежи. И уже в конце определения программы наших действий нам пришла идея провести не один, а три опроса: «Молодежь накануне съезда», «Молодежь во время работы съезда», «Молодежь после съезда». Это стало первым методическим опытом изучения общественного мнения в динамике. Конечно, мне это сильно пригодилось в работе над кандидатской диссертацией и в дальнейшем изучении мнений и настроений в контексте их развития, изменения, проявления.

Б. Д.: И с тех пор почти уже сорок лет вы дружите и проводите совместные исследования.

М. К.: Именно так. Количество совместно проведенных исследований давно перевалило за сотню. Но немало было и опубликованных в соавторстве научных статей, методических пособий и учебников по прикладной социологии. Все началось с выпуска в центральном партийном издательстве «Политиздат» книги «Как провести социологическое исследование», в которой, кстати сказать, разделы по методам почтового опроса и наблюдения написаны тобой. Причем книга вышла как методическое пособие в помощь идеологическому активу (который в то время заболел социологией) первым тиражом в 90 тыс. экземпляров и вторым — в 50 тыс. экземпляров (1989 и 1990 гг.). Сегодня такие тиражи социологической литературы и представить невозможно! А до первого издания книги ее разделы, посвященные отдельным темам подготовки сбора, методов сбора и анализа социологической информации, печатались в одном из главных партийных журналов — журнале «Политическое самообразование», выходившем тиражом более 1 млн экземпляров. Вот и слушай после этого сказки о том, что в советское время социологию зажимали.

Б. Д.: Теперь вот что меня интересует. В какой мере твоя концепция советского общественного мнения распространяется на природу современного российского общественного мнения? Все ли концептуально переносится или в силу многих обстоятельств оно стало иным?

М. К.: По своей фундаментальной сущности оно такое же. По содержанию и механизмам формирования, конечно, изменилось. Институты влияния на него совсем иные, условия образования и проявления качественно изменились: отношение к восприятию реального стало более острым и оперативным, чем тогда... Расширился предмет его интереса. В нем меньше искусственных наслоений, оно более прозрачно, чем в советское время, когда можно было четко разделить «публичное мнение» и мнение «в рабочей курилке или на домашней кухне».

Б. Д.: Ты думаешь, что сейчас оно более естественное?

М. К.: Полагаю, что да. В настоящее время с первого социологического замера можно получить отражение реального состояния российского общественного мнения.

Б. Д.: В этом смысле я понял. То есть ты даешь свою оценку с точки зрения интерпретации состояния общественного мнения. Сегодня объяснять его проще и легче, чем в советские годы, тогда надо было додумывать?

М. К.: Не совсем так. С точки зрения выявления реального состояния общественного мнения все проще, яснее. А вот с точки зрения его интерпретации — это многоуровневый процесс. И он протекает гораздо сложнее, чем раньше, хотя бы по причине необходимости многофакторного анализа, которым и занимается наш академический институт. Перед такими известными российскими центрами, как ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, подобного рода задача не стоит. Они работают по принципу фабрики по производству оперативной и описательной информации, выполняя важные функции прикладной социологии.

Б. Д.: Они же полстеры, а ты и твой научный коллектив — социологи. Они сегодня фиксируют это, а завтра — это, и так далее.

М. К.: В отличие от таких центров, наша задача — работать в аналитическом жанре, производить главным образом аналитическую социологическую информацию, дающую понимание причинно-следственных связей, которые определяют природу и особенности проявления исследуемых социальных явлений и процессов. Иными словами, мы стремимся понять, почему данное явление в жизни возникло, через какие этапы своего развития оно прошло, и чем это обернулось для реальной жизни общества, социальных групп, индивидов, и во что может превратиться завтра. Согласись, если ответить только на два первых вопроса, будет уже немало.

М. К.: Подобный подход связан с разделением труда внутри исследовательского сообщества. Грушин тоже работал как академический ученый, в полном смысле этого слова, и не как полстер. Но он не был

бы услышан, если бы о нем говорили, что он подходит к изучению общественного мнения субъективистски, что он изучает общественное мнение, как и американцы. Нет, Грушин являл собой фигуру классического социолога.

М. К.: Согласен. Все фундаментальные научные труды Грушина, посвященные природе общественного мнения и массового сознания, — это академические труды.

Б. Д.: После защиты докторской диссертации в АОН ты был переведен на партийную работу в аппарат ЦК КПСС и всего за два года прошел статусные должности — инструктор, заведующий сектором отдела науки и учебных заведений, помощник члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС (В. А. Медведева). А в сентябре 1990 г. ты стал первым заместителем директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Сегодня ты один из немногих, кто знает кухню работы с данными об общественном мнении в высших эшелонах партийной власти и нынешней России. Ты помнишь ту и знаешь эту. На твой взгляд, что изменилось, кто больше доверял данным, старался учитывать их в процессе выработки важных политических решений? Вообще, каково отношение прежней и нынешней властной элиты к результатам социологических исследований?

М. К.: Честно говоря, каких-то принципиальных различий я не наблюдаю. И тогда, и в 1990-е, и в нынешние годы сказываются сущностные факторы, определяющие характер отношения власти к социологическим данным, особенно к тем, в которых отражается оценка населением деятельности властных структур в разных сферах общественной жизни. Я имею в виду, что никогда и никакая власть не питала особой любви к социологии. Причем существует устойчивый стереотип, что все неприятности у отечественной социологической науки начались при Сталине. Это не так. При нем они возобновились. А коренная, так ее можно назвать, реакция власти на социологию проявилась еще в досоветское время, при Николае II. Это выразилось в его отношении к созданной по инициативе Максима Ковалевского и его единомышленников в Париже в 1904 г. первой Русской высшей школе общественных наук, слушателями которой оказались многие впоследствии известные политические оппозиционеры царского режима. Так вот, Николай II потребовал закрытия этой школы (что случилось в 1906 г.) под угрозой лишения ее слушателей российского гражданства.

А вот что касается практического использования социологии, то здесь, безусловно, выделяются 70–80-е годы прошлого века, когда во всех региональных партийных комитетах и на крупных промышленных

предприятиях работали социологические службы, по результатам деятельности которых принимались политико-управленческие решения, разрабатывались планы социально-экономического развития. В тот период социологические данные активно использовались в аналитическом плане и в аппарате ЦК КПСС. Правда, моя служебная записка о создании системы изучения общественного мнения в партии (в масштабах всей КПСС), направленная, по предложению В. А. Медведева, Горбачеву, «потерялась», а несколько позже оказалась в сейфе одного из тогдашних помощников Михаила Сергеевича. Это как раз яркий пример того, что в перестроечные времена было названо механизмом торможения.

В современных условиях, если исходить из собственных впечатлений, социология и ее данные еще как-то востребованы в регионах, в том числе в органах законодательной и исполнительной власти. Что касается центра, то здесь все последние годы ставка делается на оперативно работающие социологические службы и на кулуарное использование данных опросов. Исследования академического, фундаментального характера федеральными ведомствами финансируются очень слабо, да и то через тендеры, которые в силу известных обстоятельств выигрывают далекие от настоящей науки структуры. Что же касается Российской академии наук, а теперь — Федерального агентства научных организаций (ФАНО), то по их линии финансирование социологических, как, впрочем, и других научных исследований, не осуществляется. В сметы расходов академических институтов заложены только две статьи — на заработную плату и на коммунальные платежи.

Б. Д.: Да, прямо скажем, не густо. А может быть, ты вспомнишь про Российский независимый институт социальных и национальных проблем, который ты возглавил после распада СССР, ликвидации КПСС и всех ее научных и учебных структур? Как он возник, что вы успели осуществить за десять лет его функционирования? Это очень сложный и противоречивый период, и институт, созданный тобой вместе с твоими коллегами, интересный.

М. К.: Сначала небольшая предыстория. Дело в том, что летом 1990 г., после очередного и, как выяснилось позже, последнего съезда КПСС, состав руководящих органов КПСС сильно обновился, и такие члены Политбюро ЦК КПСС, как А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, перешли на работу в Госсовет в качестве советников Президента СССР. В. А. Медведев предложил мне войти в аппарат Президента СССР, в группу его консультантов. Я размышлял недолго и выразил желание вернуться на научную работу. Тогда были две вакансии, которые могли

быть мне предложены исходя из моего статуса: Академия общественных наук — проректор по научной работе, и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — первый заместитель директора института. Учитывая, что несколько последних месяцев директор ИМЛ академик Г. Л. Смирнов настойчиво предлагал мне перейти к нему первым замом, я выбрал ИМЛ. А утром следующего дня было подписано решение Секретариата ЦК КПСС о переводе меня на эту должность.

Практически сразу после нового назначения я взял отпуск, а в начале сентября вышел на работу в ИМЛ, которая продолжалась ровно год — до начала сентября 1991 г. Причем год моей работы в высшем научном и идеологическом учреждении ЦК КПСС, которым считался ИМЛ, можно поделить на два периода: с сентября 1990 г. по март 1991 г. и с марта по август 1991 г. Первые полгода в качестве первого заместителя директора института я курировал ряд отделов, в том числе Отдел современных проблем социализма, который возглавлял известный социолог А. Г. Здравомыслов (переехавший тогда из Ленинграда в Москву), а также Центральный партийный архив, входивший в структуру ИМЛ, его международные связи и издательскую деятельность.

В первые месяцы своей новой работы, помимо уже упомянутого Здравомыслова, я тесно познакомился и стал активно сотрудничать с такими крупными учеными-обществоведами, как М. Мчедлов, Г. Багатурия, Э. Баграмов, В. Выгодский, В. Горбунов и др. Наряду с этим, очень интересно и творчески насыщено стали складываться отношения с учеными молодого и среднего по тем временам поколений (а ныне довольно известными социологами и политологами) — А. Андреевым, Б. Славиним, В. Петуховым, Н. Тихоновой, А. Чепуренко, Е. Виттенбергом и др. Все более полно и глубоко входя в дела института, я знакомился с его уникальной историей, берущей начало в 1922 г., когда был создан Институт Маркса и Энгельса, преобразованный в дальнейшем в Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и, наконец, в Институт марксизма-ленинизма (который стал лично курировать главный советский идеолог Михаил Андреевич Сулов). Но и это оказалось не последней страницей его истории. В марте 1991 г. решением Секретариата ЦК КПСС Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был преобразован в Институт теории и истории социализма ЦК КПСС (ИТИС ЦК КПСС). Поскольку за месяц до этого директор ИМЛ академик АН СССР Г. Смирнов перенес тяжелую операцию, исполняющим обязанности директора вновь образованного института был назначен я (всего-то при сорока

годах от роду). Помню, вопрос на заседании Секретариата ЦК КПСС докладывал А. С. Дзасохов (тогда секретарь ЦК КПСС по идеологии, а впоследствии Президент Республики Северной Осетии — Алании). В прениях по данному вопросу выступили секретари ЦК Е. Лигачев, В. Ивашко, В. Фалин. На мое сообщение о том, как я вижу работу нового института, было отведено ровно десять минут.

Передо мной была поставлена задача (если опустить детали) придать ИТИСу (который без приставки «при ЦК» приобрел статус Отдела ЦК КПСС) современный облик, развернуть, наряду с фундаментальными исследованиями истории социализма, разработку актуальных проблем современного социализма, сократить количество штатных сотрудников нового института до 400 единиц (было свыше тысячи), сделать ставку на кадровое обновление и омоложение научного коллектива.

Б. Д.: Ну да, там еще, наверное, были сотрудники, которые Георгия Димитрова помнили?

М. К.: Может быть, и были, поскольку в институте трудилось много лиц пенсионного возраста. Так или иначе, тогда я принял для себя очень важное решение — не рубить с плеча, а действовать при формировании нового научного коллектива по принципу слияния молодости и опыта. Уже к лету штатная численность ИТИС стала составлять немногим более 400 человек, безо всяких конфликтов и скандалов начал складываться действительно новый и, как мы тогда считали, перспективный научный коллектив. Но... Грянули события августа 1991 г., которые перевернули все наши планы, в том числе заставили поставить точку в подготовке нашего первого научного и идеологического труда — декларации «За гуманный демократический социализм», которую планировалось вынести на обсуждение очередного съезда КПСС.

Б. Д.: И что же стало с ИТИС ЦК КПСС после ликвидации всех структур КПСС в соответствии с известными указами Б. Ельцина?

М. К.: Как и все другие партийные научные и учебные заведения КПСС, он был упразднен, а мне было предписано не предпринимать никаких действий без согласования с ельцинской администрацией и ожидать той участи, которая позднее может коснуться коллектив ИТИС и меня лично. Причин для подобного указания было как минимум две. Одна, безусловно, была связана с комплексом зданий, в котором в годы Великой Отечественной войны находился аппарат Коминтерна (Третьего Интернационала) и его руководитель Георгий Димитров. Мог ли когда-нибудь предположить, что буду работать в кабинете бывшего руководителя Коминтерна площадью свыше 100 кв. м? Кстати сказать,

и территория комплекса довольно уникальная — отведенная часть земли ботанического сада на ВДНХ.

Б. Д.: Помню, помню твои масштабные рабочие пенаты на улице Вильгельма Пика. Вспоминаю и портрет, который висел у твоего рабочего стола, с надписью «Здесь работал выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров».

М. К.: Вторая причина особого внимания к нам — это высококвалифицированный состав научного коллектива, который, конечно же, надо было постараться использовать в интересах новой власти. Хорошо понимая это и собрав группу коллег (о них я говорил выше), готовых к нестандартным, но обдуманным и решительным действиям, я предложил не дожидаться, когда новые власть имущие начнут решать за нас нашу судьбу, и самим учредить научный институт нового типа. Предложение было поддержано. Осталось провести учредительное собрание с участием тех ученых, которые выразят готовность идти на рискованное существование. Так мы и поступили: на собрании исследователей-энтузиастов был учрежден первый в России негосударственный многопрофильный институт по социогуманитарным наукам, получивший название Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП). Я был избран его генеральным директором. Далее события развивались стремительно. Пользуясь тем, что после провала ГКЧП всем было не до нас (по крайней мере, в сентябре-октябре нас никто не трогал, никаких предложений не делал), мы отправили учредительные документы в Межведомственную комиссию Моссовета, которая обладала правовыми полномочиями учреждать общественные объединения. А именно эту правовую форму мы для созданного РНИСиНП поначалу и выбрали. В конце октября 1991 г. у нас в руках уже были утвержденные документы. Последовал вызов меня в Администрацию Президента РФ. Руководитель Администрации Ю. В. Петров резко отчитал меня за несогласованные и несанкционированные действия. Приговор был короткий: «Пойдешь объясняться к вице-президенту РФ А. В. Руцкому». Тот принял меня настороженно, но, как показалось, с любопытствующим взглядом. Первый вопрос: «А чем собираетесь заниматься в новом институте?» Я стал объяснять, какие направления научной работы хотелось бы сделать основными: проблемы теории и практики трансформационных процессов в России, различные аспекты ее социально-политической истории, изучение межнациональных и межконфессиональных отношений, социологические исследования динамики массового сознания, в том числе развитие такой новой для наших условий отрасли социологии,

как электоральная социология, и т. д. «А на что жить будете? Бюджетных денег вы не получите!» Я отвечаю: «Попробуем заинтересовать кого-нибудь своей научной и издательской продукцией. Дайте нам хотя бы какое-то время, а там...» — «Ну ладно, — снисходительно произнес А. В. Рущкой, — даем шесть месяцев. Вы живите, работайте дальше. Будете загибаться — помогать не будем!» Петров одобритительно кивнул головой, добавив: «Контролировать буду лично, но не забывайте, что вам еще надо закрепить за институтом помещения, в которых ранее размещался ИМЛ, а затем и ИТИС».

Слова «еще надо» прозвучали не случайно. Это было посложнее учредительства РНИСиНП. Такой исторически известный комплекс, да со столь живописной территорией. Памятуй о том, что «нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики», мы мобилизовали все возможные (и невозможные) наши ресурсы, чтобы добиться официальной передачи институту помещений, с которыми многие из нас уже сроднились ранее. Не буду раскрывать всех тайн, но в начале 1992 г. вышло подписанное Б. Н. Ельциным распоряжение Президента РФ о передаче РНИСиНПу в долгосрочную аренду сроком на 20 лет комплекса зданий по адресу г. Москва, улица Вильгельма Пика, дом 4.

Через неделю после выхода этого безусловно исторического для нас документа я уже находился в кабинете руководителя Госкомимущества РФ, которым в то время являлся А. Б. Чубайс. Предстояло определиться с ценой аренды за 1 кв. м и оформить долгосрочный договор. Чубайс со свойственной ему до сих пор хитровой улыбкой всматривался в меня, задавал, надо сказать, довольно серьезные вопросы о наших творческих планах и согласился на самые-самые льготные по тем временам ставки арендной платы, которые мы вполне могли потянуть. Долгосрочный договор аренды был подписан, и можно было начинать серьезно заниматься научными делами.

Б. Д.: Наверняка идей было громадье, но сроки для самоутверждения были ограничены, да и проблемы стартовых финансовых средств существовали. Как же вы выкручивались?

М. К.: С трудом, зачастую с большим напрягом, но все же двигались по намеченному пути. Решение первоочередных финансовых вопросов взял на себя наблюдательный совет РНИСиНП, в который вошел ряд предприимчивых людей. Дирекция института определила главные приоритеты научной и издательской деятельности. Франц Шереги помог провести два первых массовых опроса с использованием общероссийской выборки (1500 человек) в апреле и июне 1992 г. Активную работу по подготовке ряда издательских проектов развернула группа

политических историков института, и, прежде всего, В. Журавлев, А. Ненароков, В. Шелохаев, А. Сорокин и др. М. Мчедлов, наряду с разработкой теоретических проблем переходных состояний в обществе, приступил к религиоведческим исследованиям. Группа Э. Баграмова начала отслеживать сложные и противоречивые процессы, которые стали происходить в национальных республиках России.

Первые результаты работы РНИСиНПА не заставили себя долго ждать. Все началось с того, что на рабочий стол руководителя Администрации Президента РФ Ю. В. Петрова стали ложиться аналитические записки по итогам наших массовых опросов. Результаты, которые там приводились, показывали, что уже к лету 1992 г. отношение населения к реформам Ельцина — Гайдара стало меняться, причем не в лучшую сторону. А рейтинг доверия первому Президенту РФ приобрел тенденцию к снижению. Реакция Ю. Петрова на записки была краткой и эмоциональной: «Вы, конечно, молодцы! Материал серьезный, но как я буду его докладывать Борису Николаевичу?». Не знаю судьбу наших социологических записок, но зато очень хорошо знаю и помню реакцию на наш первый документально-издательский проект. Я имею в виду выпущенную издательством «Терра» книгу «Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния». Как мне тогда рассказывали, Ельцин одаривал этой книжкой всех своих официальных коллег на территории СНГ, а Горбачев при первой же после ее выхода встрече сетовал на то, что при подборке документов, опубликованных в ней, общий баланс оценочных положений, дающих понять, кто из оппонентов больше прав, оказался не в его пользу (что, конечно же, было не так).

Б. Д.: Я не видел эту книгу. Удивляюсь, как вы смогли подготовить ее так быстро.

М. К.: Без опытных политических историков, которые имели высочайшую квалификацию, накопленную ранее в ИМЛ в работе с документами, это было бы невозможно. Кстати сказать, вскоре книга была переведена на китайский и японский языки.

Б. Д.: И что же было потом? Вам же давали ограниченный срок для самоутверждения?

М. К.: После наших первых творческих деяний, о том, быть РНИСиНПУ или не быть, уже никто в Администрации Президента не вспоминал. А мы наращивали темпы, объемы и качество наших исследований и изданий. На основе документов (в том числе малоизвестных) вышли такие книги, как «Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?», «Красное или белое? Драма августа-91». Начал выходить ежегодник РНИСиНП «Обновление России: трудный поиск решений».

Продолжали при участии Центра социального прогнозирования и маркетинга, созданного в те годы Ф. Шереги, проводить ежеквартальные мониторинговые социологические опросы. Одновременно периодически отбивались от разного рода лиц, положивших свой глаз на помещения, которые занимал институт. Самым наглым в этом отношении оказался Сергей Станкевич — в тот период заместитель председателя Московского совета и Советник Президента РФ по политическим вопросам. Если выбирать, с кого писать портрет бывших завлабов и младших научных сотрудников, ставших в условиях ельцинских реформ властными распорядителями, так он — один из самых ярких персонажей.

К нашему комплексу зданий у него был особый интерес, так как в него входила бывшая библиотека Коминтерна (после Октябрьской революции 1917 г. по поручению Ленина ее еще Рязанов начал собирать). В этой библиотеке находились подлинники уникальных изданий. Например, один из дошедших до наших дней томик Кампанеллы «Город солнца», полное собрание белогвардейских мемуаров, коллекция большевистских листовок. В эту библиотеку были переданы и все книги из личной библиотеки Сталина с его пометками. И все это вместе с нашими помещениями Станкевич пожелал забрать под свою коммерческую структуру, сначала отсудив их у РНИСиНПа. Но трижды заседавший по данному вопросу Арбатский суд принял решение в нашу пользу.

Б. Д.: Надеюсь, подобные нештатные ситуации не сильно отразились на исследовательской работе РНИСиНПа?

М. К.: Нервы, конечно, помотали, но с научного ритма не сбили. Тем более приближались президентские выборы 1996 г. и открывалась возможность отработать методологию и методику электоральных опросов, а вместе с этим и поддержать создание в российской социологии самостоятельного направления — электоральной социологии. Тем более, что на этом поприще начинал работать Нугзар Бетанели, возглавлявший тогда социологическое подразделение ФАПСИ.

Б. Д.: Да, да, он раньше работал у Э. Шеварднадзе в ЦК КП Грузии, проводил опросы общественного мнения.

М. К.: Верно, но в 1987 г. по моему предложению его перевели в АОН при ЦК КПСС на кафедру социологии и социальной психологии. Однако надо сказать, что в середине 1990-х гг. к электоральной социологии примерялись и другие центры — ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР. Но что примечательно: чем чаще мы проводили опросы электората, тем больше я убеждался в необходимости придавать их результатам публичный характер. Так возникла идея сотрудничества с «Независимой газетой»,

главным редактором которой в те годы был Владислав Третьяков. Он многие годы сотрудничал с Б. Грушиным, знал толк в социологии, поэтому сразу оценил предложение печатать в преддверии президентских выборов социолого-аналитические материалы в формате целой газетной полосы. Так, появились мои статьи в «НГ»: «За четыре месяца до выборов», «За три месяца до выборов» и т. д. Последняя статья, «За две недели до выборов», содержала прогнозы РНИСиНПа возможных результатов президентских выборов. Причем в зависимости от уровня явки. Один из прогнозов оказался довольно точным.

М. К.: Но ведь электоральные прогнозы не были единственным направлением социологических исследований РНИСиНПа?

Б. Д.: Нет, конечно. В каждую программу опроса входили тематические блоки, которые позволяли ведущим исследователям института вести разработку актуальных проблем трансформирующейся России. Скажем, В. Петухов изучал состояние политического и гражданского участия, Н. Тихонова — качественно-количественные характеристики изменения социальной структуры постсоветского российского общества. Наряду с этим, группа Э. Баграмова анализировала ситуацию, которая складывалась в национально-государственных отношениях после известной ельцинской установки: «Берите суверенитета столько, сколько хотите!» Под руководством М. Мчедлова велось изучение религиозного сознания разных групп населения, а результаты этих исследований благодаря его высокому авторитету в Московской Патриархии я имел возможность дважды лично докладывать Патриарху Московскому и всея Руси Алексею II.

Б. Д.: Как вы сумели в статусе негосударственного института выйти на регулярное проведение общенациональных исследований крупных системных проблем нового общества?

М. К.: Это, как говорится, отдельная песня. Все коренится в том, что мы в РНИСиНПе сумели не только сохранить, но и преумножить наши творческие отношения с Представительством Фонда имени Ф. Эберта в РФ, которые были установлены еще в бытность ИМЛ при ЦК КПСС. Ничего странного здесь не было, если иметь в виду стремление М. Горбачева придать КПСС социал-демократическое развитие и знать, что Фонд имени Ф. Эберта является производным от Социал-демократической партии Германии. Обосновавшись в конце 1980-х гг. в Москве, а затем и в Ленинграде и Новосибирске, Представительство Фонда стало не только разворачивать традиционные формы работы — семинары, конференции, круглые столы экспертов и т. п., но и решилось на поддержку крупномасштабных социологических

исследований. Научная группа, которую я создал в РНИСиНПе для их проведения, оказалась для фонда основным и, как показало время, многолетним партнером. До сих пор сохраняется костяк этой группы, в которую в последние годы влилась талантливая молодежь. А тогда пошли наши первые исследования, которые могут составить хрестоматию по социологии становления постсоветского общества. Среди них: «Массовое сознание новой России: мифы и реальность», «Есть ли в России средний класс?», «Молодежь новой России: какая она? Как живет? К чему стремится?», «Отношение россиян к собственности и бизнесу», «Социальные неравенства и социальная политика» и многие другие. Забегая вперед, скажу, что за двадцать лет сотрудничества с фондом нам, находясь в разных институтах, удалось выполнить около тридцати социологических проектов, без которых, как признают многие эксперты, динамику и суть формирования постсоветского российского общества понять очень сложно.

Б. Д.: С некоторыми исследованиями и докладами по их итогам я знаком, что-то размещено на вашем сегодняшнем сайте, а что есть в книжном формате?

М. К.: Практически все основные проекты изданы отдельными книгами. Самая первая из них, вобравшая в себя шесть аналитических докладов по итогам исследований, «Россия на рубеже веков», вышла в издательстве «РОССПЭН» в 2000 г. Материалы последних пяти исследований изданы в формате научных монографий издательством «Весь мир». Среди них: «Готово ли российское общество к модернизации?», «О чем мечтают россияне: идеал и реальность», «Бедность и бедные в современной России».

Б. Д.: Есть такой институт — Российский институт стратегических исследований (РИСИ). Так вот, он выпустил доклад, в котором обвиняет ряд научных организаций и ассоциаций, мягко говоря, в непатриотическом характере их научной деятельности. В список этих организаций попал и Институт социологии РАН.

М. К.: Знаю про такой доклад. Чушь несусветная. Создается впечатление, что логика авторов этого доклада восходит к каменному веку: если какой-то научно-исследовательский проект финансируется с участием иностранной стороны (у нас, например, с Фондом имени Ф. Эберга правило примерно равного участия), то результаты и выводы его носят вредоносный характер. Если РИСИ претендует, судя по его названию, на стратегическое мышление, то ему лучше бы задуматься над вопросом о том, к каким стратегическим последствиям может привести отсутствие целевого государственного финансирования фундаментальных

социальных исследований для понимания состояния и перспективных направлений развития пореформенного российского общества.

Б. Д.: Ну, хорошо. А как получилось, что группа ученых независимого, то есть негосударственного, института, коим был РНИСиНП, стала лауреатами Государственной премии РФ в области науки и техники?

М. К.: Я думал, что ты не вспомнишь об этом.

Б. Д.: Почему же? Сей факт отражен в твоих биографических данных, но в них нет подробностей — когда, за что и т. п.

М. К.: Хорошо, коротко о подробностях. Выше я говорил о том, что в РНИСиНПе закрепилась группа бывших сотрудников ИМЛ — специалистов в области политической истории, причем ведущих в стране специалистов. Мы часто обсуждали вопросы, а чем еще удивить общественность после издания первых трудов документального характера, которые вызвали столь высокий интерес. И пришли к выводу: самое время взяться за подготовку и издание многотомной истории всех существовавших ранее в России политических партий (с конца XIX в. по начало 30-х годов XX столетия). Но была одна существенная загвоздка: большая часть необходимых для этого проекта архивных документов находилась в России, а еще одна часть (например, письма Мартова Ленину) — в зарубежных архивах известных научных и образовательных центров (Институт социальной истории в Амстердаме, Институт русской истории Колумбийского университета и архив Гуверовского института в США). Пришлось договариваться. Они нам — недостающие документы, а мы им — право издания подготовленных рукописей на английском языке. Так, в результате огромного труда в течение семи лет, потребовавшего подготовки небывалого по своему объему и сложности справочного аппарата, в издательстве «РОССПЭН» были выпущены 28 томов «Истории политических партий России». Ядро рабочего коллектива многотомника (восемь человек, в том числе ваш покорный слуга) было представлено в 1999 г. к присуждению Государственной премии РФ. Соответствующее решение состоялось в 2000 г. Свои дипломы лауреатов мы получали несколько позже в Кремле из рук тогдашнего Председателя Правительства РФ М. Е. Фрадкова.

Б. Д.: Очень интересно. А я и не знал, что тебе пришлось заниматься в РНИСиНПе не только социологией.

М. К.: Действительно, это так. Но я очень рад данному обстоятельству, поскольку те виды научного творчества, через которые пришлось пройти, очень помогли мне ощущать себя на всем пространстве социальной науки еще увереннее.

Б. Д.: Ну, хорошо. А как ты оказался во главе Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН)?

М. К.: Честно говоря, мысль о желательности трансформации независимого института в институт академический давно возникала и у меня, и у моих коллег. Но все как-то не до этого было. Подтолкнула ситуация наезда на нас, точнее, на помещения, в которых размещался наш институт. В один прекрасный летний день 2000 г. на территории РНИСиНПа нарисовалась компания по хозяйственному обслуживанию зданий с громким названием «Эфес» и предписанием высоких начальников, в котором говорилось о необходимости перевести наши помещения на баланс этой компании.

М. К.: И что же, пришлось пойти на уступки?

Б. Д.: Нет, пришлось действовать по-иному. Быстро оценив, что со статусом независимости (как бы он ни был хорош) подобную проблему не решить, мы подали прошение в Президиум Российской академии наук с просьбой ввести РНИСиНП в структуру РАН, преобразовав его в академический Институт комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН). Нашу просьбу поддержало Отделение общественных наук РАН, которое в то время возглавлял академик Б. Н. Топорнин, являвшийся одновременно директором Института государства и права РАН.

М. К.: А в Президиуме РАН? Неужели все прошло относительно спокойно?

Б. Д.: В ходе обсуждения нашего вопроса были тревожные моменты. Все дело в том, что РАН стояла на пороге сокращения количества академических институтов, а тут еще один... но очень помогла позиция вице-президента РАН академика В. Н. Кудрявцева, которому пришлось выступать дважды и убеждать, что речь идет о небольшом по численности, но очень творческом, высокопрофессиональном и работоспособном коллективе. В итоге создание ИКСИ РАН было одобрено, а его численность определена до 70 штатных единиц. С 2001 г. новый институт РАН приступил к работе, а РНИСиНП завершил свое десятилетнее существование.

М. К.: Ну, хорошо. Затронем другую тему. Ты наверняка знаешь, что в 2018 г. Институту социологии исполняется 50 лет. Как ты думаешь, в свете реформы РАН и создания Федерального агентства научных организаций (ФАНО) этот юбилей будет отмечаться как праздник российской социологии или как вечер воспоминаний о былых успехах института?

Б. Д.: Безусловно, это будет не вечер воспоминаний, а серьезное и общественно статусное мероприятие, обязательно с учетом того, какую роль социологическая наука призвана играть в современном обществе. Большое внимание будет уделено и тому историческому пути, который прошла отечественная социология. Конечно, на многие вещи придется взглянуть критически, реально оценить перспективы развития социологии в стране и в мире в предстоящие десятилетия. Я думаю, будет также уместным, поскольку этого не сделали ранее, развести ряд мифов, в частности, миф о первоначальном зарождении прикладной социологии в ряде стран Западной Европы и Северной Америки. На самом деле достаточно обратиться к опыту проведения опросов в России в начале XX в., и многое прояснится, а вообще-то, Борис, ты перешагнул по времени еще одну очень существенную юбилейную дату.

М. К.: О чем это ты?

Б. Д.: А о том, что в марте 2016 г. исполняется 100 лет образования Русского социологического общества, получившего имя одного из его инициаторов — крупнейшего отечественного социолога М. М. Ковалевского.

Б. Д.: Да, действительно, предстоит достойным образом отметить две юбилейные даты.

М. К.: Осенью текущего года мы планируем сформировать оргкомитет по подготовке научных мероприятий, посвященных этим датам. Надеюсь, ты не откажешься войти в его состав?

Б. Д.: Нет, конечно. Готов принять в его работе самое деятельное участие.

М. К.: Полагаю, что и недавно созданное Общество социальных наук проявит к этим юбилейным датам свое внимание.

Б. Д.: Ты имеешь в виду общество имени М. М. Ковалевского?

М. К.: Нет, Общество Ковалевского — одно из общественных объединений российских социологов, созданное на базе Санкт-Петербургского университета. А речь идет об учрежденном рядом ведущих университетских центров и академических институтов, в том числе Институтом социологии РАН, Обществе социальных наук, инициированном по примеру существующих (возрожденных и берущих свое начало еще в XIX в.) Русского географического общества, Исторического общества, Общества естествоиспытателей.

Б. Д.: Какие цели определило для себя это общество?

М. К.: Если говорить о главных, то их три. Во-первых, разработка и совершенствование образовательных программ в области социального

знания. Во-вторых, развитие в стране социальных исследований и включение их результатов в практику государственного управления. И в-третьих, пропаганда достижений отечественного социально-гуманитарного знания в кругах международной научной общественности.

Б. Д.: Серьезное поле деятельности. И для социологической отрасли социального знания на нем найдется достойное место.

М. К.: Именно поэтому, как мне думается, в рамках первого Общероссийского конгресса социальных наук можно было бы отдать должное 100-летию создания Русского социологического общества, а потом плавно перейти к социологическим мероприятиям 2018 г.

Б. Д.: Хорошие задумки, их обязательно надо реализовать. Теперь меня вот что интересует. 14 ноября 2012 г. в Москве отмечался праздник — «День социолога», и в своем докладе по этому случаю ты сказал: «С учетом конкретного исторического подхода к оценке места и роли социологии в обществе можно утверждать: в любые времена она переживала свои хождения по мукам, была вынуждена преодолевать обусловленные данным временем политические и идеологические противопоказания».

У меня такой вопрос: какие муки прежде всего вынуждена преодолевать российская социология сегодня?

М. К.: Хороший вопрос. На мой взгляд, нынешнее время не столько обуславливает муки социологии, сколько вынуждает ее существовать в весьма неприличной позе — позе вечно просящего, вечно доказывающего, вечно оправдывающегося.

Б. Д.: Что ты имеешь в виду?

М. К.: Что же еще можно иметь в виду, как не выпрашивание (пусть и в неявной форме), прежде всего академической социологией, государственных средств на проведение фундаментальных исследований? А кому из нас, профессиональных социологов, не приходится сегодня постоянно доказывать свою нужность и полезность государственным структурам, которые, реализуя управленческую деятельность, сами должны осознавать потребность в обращении к социологической информации? А поза оправдывающегося и вовсе нам не к лицу. Что толку объяснять, доказывать, что имеется в виду в оценках и выводах профессионально выполненных исследований, если их нередко судят по сугубо идеологическим и политическим основаниям?

Б. Д.: Не слишком жестко?

М. К.: Да нет, в самый раз. Другое дело, что нынешняя российская профессиональная социология не должна только жаловаться на недостаток внимания. Уровень востребованности ее возможностей в сфере

экспертной работы, научного управления обществом мы и сами должны поддерживать. И прежде всего высоким качеством своих исследований.

Б. Д.: И что, даже на региональном уровне сегодня нет каких-то ярких примеров взаимодействия власти и социологии?

М. К.: Почему, есть. Например, в Тюмени. Именно по инициативе региональных властей там регулярно проводится Тюменский социологический форум. Результаты исследований используются не просто для декора высоких речей (что чаще всего можно наблюдать), а для оценки эффективности управленческой работы, прогнозирования возможных последствий принимаемых решений, в особенности в социальной сфере.

Осенью прошлого года (2013 г.), как раз в дни работы Третьего социологического форума в Тюмени, я встречался с губернатором Тюменской области Владимиром Якушевым. Спрашиваю его: «А скажите, Владимир Владимирович, что окажется дешевле, а значит, выгоднее: наряду с принятием технико-экономического обоснования реализации какого-нибудь крупного проекта одновременно осуществлять его социогуманитарную, социологическую экспертизу или вкладывать деньги в исправление ошибок в процессе его продвижения прежде всего вследствие недооценки человеческого фактора?» Не раздумывая, он ответил: «Конечно, одновременная двойная экспертная оценка проекта».

Б. Д.: Что же произошло после вашего разговора?

М. К.: А то, что Тюменская областная дума рассмотрела на своем заседании договор о многолетнем сотрудничестве с Институтом социологии РАН и утвердила его. Вот после нашего с тобой диалога вылетаю его подписывать. Видишь, бывает и такое. Правда, еще нечасто.

Б. Д.: О каких направлениях, темах сотрудничества в этом договоре идет речь?

М. К.: Договор фиксирует общие принципиальные положения взаимодействия ИС РАН и региональных властей. А дополнительный протокол к нему оговаривает темы и сроки реализации конкретных проектов. Среди этих тем на ближайшие три года: формирование человеческого потенциала в Тюменском регионе, ресурсы формирования и укрепления среднего класса, социальные факторы освоения северных территорий, оценка эффективности правоприменительной практики и др.

Б. Д.: Выполнение этих проектов предусматривает участие в них тюменских социологов?

М. К.: Конечно! В Тюмени на базе Тюменского государственного университета усилиями Г. Ф. Куцева создана крепкая социологическая школа. И мы очень надеемся на самое тесное и активное

сотрудничество. Ведь кто, кроме местных социологов, может лучше знать особенности регионального социума...

Б. Д.: Согласен. А вообще для меня три главных города существуют в России. Это, естественно, Санкт-Петербург, Москва и Тюмень! Я очень много с Тюменью связываю, поэтому хорошо знаю этот регион. Когда я ездил в Тюмень, там губернатором был Л. Ю. Рокетский, а потом — С. С. Собянин.

И для реализации ваших совместных проектов в Тюмени будет создаваться отдельная структура?

М. К.: Скорее всего, да. Речь может идти о двух вариантах: о создании межвузовской социологической лаборатории (в Тюмени социологи работают не только в ТГУ) либо о создании в Тюмени филиала Института социологии РАН по примерам уже действующих — Южнороссийского, Приволжского и Башкирского филиалов нашего института.

Вообще, Борис, хотел бы заметить, что постановка вопроса о социологическом обеспечении экспертно-аналитической работы во властных структурах, причем самого высокого уровня, ведется уже не первый год. Я об этом не раз беседовал с Сергеем Михайловичем Мироновым в его бытность Председателем Совета Федерации, когда был создан научно-экспертный совет при нем (НЭС), а я вошел в его состав.

В настоящее время я являюсь членом Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации В. И. Матвиенко. В его состав входят более десяти действительных членов РАН, представляющих как социальные, так и естественные и технические науки. И вот только на днях я получил приглашение принять участие в очередном заседании НЭС, в повестке дня которого первым значится вопрос: «Социально-гуманитарная экспертиза проектов законодательных и нормативно-правовых актов в контексте модернизации социальной сферы регионов России». Как говорится, лед тронулся. Лучше поздно, чем никогда.

Б. Д.: Ну да, конечно. Теперь у меня вот такой вопрос: ты уже много лет занимаешься разработкой социологической теории массового сознания, динамической концепции формирования и функционирования общественного мнения, выявлением структуры российской идентичности. Какие, по твоему мнению, результаты достигнуты в этих областях российской социологической науки за последние полтора-два десятилетия? Как ты вообще оцениваешь сделанное? Есть ли здесь какой-то рывок, какое-то движение?

М. К.: О рывке, тем более теоретическом, говорить, на мой взгляд, оснований нет, да и вряд ли он в принципе может быть в условиях динамично трансформирующегося общества, динамично развивающихся

(изменяющихся) явлений и процессов, которые выступают объектом сегодняшних исследований. Глубокие и всесторонние обобщения долговременного значения возможны только в устойчивых общественных системах. Поэтому о научных наработках применительно к пореформенному российскому обществу речь вести, конечно, можно и нужно! Но также следует иметь в виду, что эти наработки имеют пока больше характер тенденций, чем сложившихся закономерностей.

Б. Д.: Значит, о каких-то тенденциях все-таки говорить можно, учитывая 20-летний период российских реформ?

М. К.: Применительно к тем областям, о которых шла речь в твоём вопросе, могу выделить следующее. Что касается массового сознания, то оно в еще более выраженной форме подтвердило свою ситуативную природу, изменчивость вслед за изменениями общественной ситуации. Вот почему «общественное сознание» и «массовое сознание» из разного категориального ряда, что зачастую не принимают во внимание многие исследователи. Речь о том, что если общественное сознание в своих устойчивых формах существования (нормы, традиции, обычаи и т. п.) отражает конкретно-исторический тип общественных отношений, то через состояния массового сознания (социальные умонастроения, социальные чувства, духовно-психологический климат и др.) фиксируется своеобразие периодически меняющейся общественной ситуации.

В свою очередь, мониторинговые исследования динамики общественного мнения дают основания говорить об усилении сдвига духовно-психологической природы этого специфического явления в сторону его духовно-практической сущности.

Б. Д.: Что ты имеешь в виду?

М. К.: А то, что усиливается роль общественного мнения как связующего звена между состоянием массового сознания и направленностью и формой проявления массового поведения. Да и сама социальная скорость трансформации общественного мнения как духовно-психологического отношения в отношении духовно-практическое и собственно практическое (массовая поведенческая реакция населения) явно набирает обороты (особенно в неординарных, критических, психологически взрывных и т. п. общественных ситуациях).

Претерпела изменения за двадцатилетие лет реформ и структура российской идентичности. Причем как в различных видах «Я-идентификация», так и особенно в структуре «Мы-идентификация». Во-первых, за время, прошедшее после распада СССР, в три раза (до 90–95%) возросла доля населения РФ, которая стала идентифицировать себя с понятием «россиянин». А во-вторых, на уровне личностной

идентификации явно проявилась тенденция относительного выравнивания значимости этнической и гражданской идентичности. На мой (и не только на мой) взгляд, это явный признак активизации процесса формирования общероссийской идентичности, которая не противопоставляется сохранению идентичности этнической.

Таков, если очень кратко, наш опыт использования социологии как средства социальной диагностики. В развернутом виде, к тому же на базе более чем тридцати общероссийских исследований, я представил его в своей книге «Российское общество как оно есть» (2011 г.). В настоящее время я завершаю подготовку ее второго издания (дополненного и обновленного). Безусловно, в нем найдут отражение процессы, связанные с консолидацией российского общества, укреплением общероссийской идентичности после воссоединения Крыма с Россией.

Б. Д.: В каком издательстве она выйдет?

М. К.: В издательстве «Новый хронограф». В нем же выходило и первое издание.

Б. Д.: Я знаю, да и по твоим комментариям в нашем диалоге можно понять, что у тебя накоплен многолетний личный опыт научно-организационной, исследовательской и издательской деятельности. Но то, что ты до сих пор рассказывал, относится к прежним руководимым тобою научным структурам. А как ты оказался директором Института социологии РАН?

М. К.: Случилось это в июне 2005 г. Данному событию предшествовала процедура под впечатляющим названием «Реструктуризация научно-исследовательских институтов РАН».

Б. Д.: Это что такое?

М. К.: На языке Минфина — сокращение бюджетополучателей. А если говорить простым, доходчивым языком — сокращение институтов РАН путем их объединения.

Б. Д.: Как же это связано с моим вопросом?

М. К.: Самым что ни на есть непосредственным образом. Общая установка, насколько я знаю, предполагала сокращение институтов РАН на 50–55 юридически и финансово самостоятельных учреждений. Из структур близкой нам научной области выбор пал на Институт социологии — директором являлась Л. М. Дробижева, Институт сравнительной политологии — директором являлся Г. Ю. Семигин, и Институт комплексных социальных исследований, которым руководил я. В результате их слияния и реорганизации должен был появиться один институт Российской академии наук (а у Минфина РФ — сократиться

число научных организаций, которым следует перечислять бюджетные деньги).

Естественно, при таком повороте событий в Президиуме РАН встал вопрос о руководителе и названии объединенного института. Л. М. Дробужева не могла выдвигаться по действовавшим тогда для директоров возрастным ограничениям (до 70 лет). Я дал согласие, оговорив при этом наличие поддержки научных коллективов и, прежде всего ИС РАН как головного академического социологического центра. А Г. Ю. Семигин заявил А. Н. Некипелову — академику, вице-президенту РАН, которому тогда было поручено заняться реструктуризацией учреждений в сфере общественных наук, что он в данной ситуации видит директором объединенного института только себя и ни на какие иные роли (например, роль первого заместителя директора) соглашаться не будет.

Б. Д.: Какой же из такого расклада вывод сделал А. Н. Некипелов?

М. К.: Ну какой мог быть вывод? Понимая, что основное значение в определении фигуры директора нового института принадлежит позиции ИС РАН, он провел ряд консультаций с его дирекцией ведущими учеными института, которые высказались в пользу поддержки моей кандидатуры. Название преобразованного института было решено не менять, поскольку и в России, и за рубежом оно было наиболее раскрученным. Так, появилось сначала распоряжение Президиума РАН о создании ИС РАН нового образца путем объединения ИКСИ РАН, ИСП РАН и прежнего ИС РАН и назначении меня и.о. директора объединенного института. А уже через полгода научный коллектив нового ИС РАН на своем общем собрании сотрудников института избрал меня директором сроком на пять лет. В 2010 г. я вновь был переизбран директором ИС РАН.

Б. Д.: Были проблемы в процессе объединения трех таких довольно непростых научных коллективов?

М. К.: Конечно, были. Решение таких задач, которые пришлось решать уже в первые месяцы, беспроблемным не бывает. Но главное, что все осуществлялось в спокойном, конструктивном режиме, без возникновения конфликтных ситуаций. Это относится даже к решению поставленной перед нами задачи сокращения штатных единиц объединенного института — с 450 до 350. Сам понимаешь, чем подобное могло обернуться, если рубить с плеча... Но в течение трех месяцев задачу решить удалось, причем без судебных разбирательств (в отличие от подобных ситуаций в других объединенных институтах). Выдержать установленные для ИС РАН параметры его численности помогли три обстоятельства: 1) наличие большого числа пенсионеров весьма

почтенного возраста (особенно в крыле политологов), которые, понимая ситуацию, подали заявления об увольнении; 2) готовность ряда научных сотрудников, в том числе достигших пенсионного возраста, озадаченных вероятностью не выдержать конкурентной борьбы с другими учеными института, уволиться (или перейти на другую работу) по собственному желанию; 3) согласие еще одной группы ученых перейти на 0,5 ставки, что также позволило сократить ряд полных штатных единиц. Еще через год численность ИС РАН была определена до 320 штатных единиц (в настоящее время 310).

Безусловно, и структура нового ИС РАН определялась не с кондачка и не путем административного нажима. Несколько раз обсуждали данный вопрос на заседаниях вновь образованного Ученого Совета института. В итоге пришли к выводу: оптимальным вариантом является организация научной работы института через образование в его структуре исследовательских центров. Выбор проблемно-аналитической направленности научной деятельности центров определялся как предшествующими наработками ранее функционировавших научных подразделений, так и выдвинувшимися актуальными проблемами последнего времени, получившими отражение в распоряжении Президиума РАН о создании качественно нового ИС РАН.

О направлениях, конкретных проектах работы каждого центра говорить не буду — все это представлено на портале ИС РАН, причем с приведением оценок и комментариев результатов их деятельности экспертным научным сообществом.

Б. Д.: Рискнешь выделить то, что, может быть, составляет изюминку нынешнего ИС РАН?

М. К.: Честно говоря, не вижу здесь большого риска, поскольку какие-то из, как ты выразился, изюминок — на поверхности, а какие-то отмечают сами эксперты социологической продукции, причем и российские, и зарубежные. Скажем, в прикладных исследованиях, проводимых по общероссийской выборке, нам удалось перенести центр тяжести на аналитический вид изысканий, отличающихся, как известно, от оперативных (зондажных) и описательных социологических опросов нацеленностью на выявление причинно-следственных связей изучаемого объекта. Отсюда возможность при анализе результатов таких исследований выходить на обобщения комплексного характера. Именно такими обобщениями и выводами отличаются аналитические доклады ИС РАН (а впоследствии и издаваемые на их основе монографии), которые довольно быстро привлекают к себе внимание не только научного, но и масс-медийного сообщества.

Вообще, хотел бы заметить, что публичной стороне своей научной деятельности новый ИС РАН стал уделять повышенное внимание. Ведь, согласись, если социология — наука об обществе, то результаты этой науки не могут находиться только на столах и в книжных шкафах ученых. Они непременно должны выходить в публичную сферу. Поэтому, начиная работу в новом ИС РАН, пришлось приложить немало усилий для того, чтобы понятие публичной социологии стало не просто ярким слоганом, но и одним из важных видов деятельности ведущих ученых института. Помню, ты сам не раз любил повторять такую формулу: если тебя нет на страницах газет и журналов, если тебя нет на радио и в телеэфире, в Интернете, то тебя нет вообще!

Б. Д.: Действительно, это моя непреложная установка.

М. К.: Вот и для нас она стала неотъемлемой частью деятельности. Поэтому сегодня ИС РАН считается одним из самых публичных академических институтов, имеет один из самых посещаемых сайтов среди всех институтов РАН и к тому же обладает одним из самых высоких индексов в РИНЦ.

И еще, в контексте твоего вопроса, хочу не без особого удовлетворения подчеркнуть, что в серьезных экспертных и политических кругах данные исследований ИС РАН оцениваются как наиболее объективные, надежные.

Б. Д.: Теперь хочу задать тебе вопрос, лежащий в несколько иной плоскости. Сколько времени ты уже находишься в составе РАН, если иметь в виду и твое членкорство, и звание академика?

М. К.: Членом-корреспондентом я был избран в 2006 г., а действительным членом РАН — в 2011 г. Получается, 8 лет.

Б. Д.: Уже порядочное время. Среди обществоведов ты, наверное, самый молодой академик?

М. К.: Получается, так, если иметь в виду сферу общественных наук.

Б. Д.: На тебе как на академике — действительном члене РАН — лежат какие-либо дополнительные функции?

М. К.: До реформы РАН дело обстояло следующим образом. Я, как и каждый член академии, состоял в одном из отделений РАН, а в структуре отделения входил в одну из его секций — секцию философии, социологии, психологии, права и политологии Отделения общественных наук (ООН) РАН. В его состав входит еще секция экономических наук. Периодически участвую в заседаниях секции, на которые выносятся вопросы как научно-отраслевого, так и междисциплинарного характера. А как член Бюро ООН принимаю участие в обсуждении текущих

и перспективных вопросов состояния и развития общественных наук и деятельности институтов, их представляющих.

В настоящее время еще трудно сказать, что после реформы РАН реально останется в сфере компетенции ООН и его секций. Судя по тому, как развивается ситуация, очевидно одно — связь институтов с РАН будет ослабевать.

Б. Д.: Так что, все руководство институтами фактически перешло к ФАНО?

М. К.: Да, это так. На нашей научно-исследовательской работе сие пока не отражается, если не принимать в расчет безумное количество разного рода справочных бумаг, которые чуть ли не ежедневно приходится отправлять курирующим ИС РАН чиновникам ФАНО. Однако помогает меньше думать о бюрократической возне большой объем научно-исследовательской работы.

Б. Д.: Как раз хотел спросить, а у вас есть какой-то постоянный механизм взаимодействия и сотрудничества, скажем, с Правительством РФ?

М. К.: Постоянного механизма нет. А есть практика, проверенная еще советским временем, выполнения разовых поручений, причем (как и в то время) на безвозмездных началах. Например, в недрах правительственного или какого-нибудь ведомственного аппарата подготовлен проект федерального значения. Он направляется в ИС РАН с предписанием его изучить и представить в соответствующий срок свои оценки, дополнения и рекомендации. Аналогичные целевые поручения исходят и со старой площади (из Аппарата Администрации Президента РФ).

Случаются и иные формы сотрудничества, когда возникает необходимость при разработке документов стратегического характера направлять в создаваемую для этого рабочую группу экспертов-социологов из нашего института. Один из таких наиболее ярких примеров последнего времени — участие ученых ИС РАН в подготовке правительственной Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ, известной под названием «Стратегия-2020». Первый заместитель директора ИС РАН П. М. Козырева даже была отмечена за участие в этой работе (в части обоснования моделей социальной политики) государственной наградой.

А бывают и такие случаи, когда академические ученые сами, что называется, напрашиваются на общении с властью своими инициативами.

Б. Д.: Что ты имеешь в виду?

М. К.: Хотя бы последний случай, который закончился встречей с Президентом РФ В. В. Путиным в его резиденции «Ново-Огарево».

Б.Д.: Что-нибудь об этом сказать можешь, или о таких встречах не принято распространяться?

М.К.: Ну почему же? Об этой встрече было много сообщений и на президентском сайте, и в федеральных СМИ, и в соответствующих комментариях, которыми всегда сопровождаются подобные встречи. Поэтому коротко отмечу следующее. Поводом для такой встречи послужил подготовленный в инициативном порядке доклад группы академиков РАН, посвященный перспективам экономического и социального развития России на ближайшие 10–15 лет. Экономические разделы доклада готовили ведущие ученые экономических институтов РАН, а разделы о социальном положении населения и предпочтительных вариантах социального развития общества — специалисты ИС РАН.

Интрига ситуации состояла в том, что в это же самое время со своими сценариями текущего, среднесрочного и долгосрочного социально-экономического развития страны, в которых предлагалось ориентироваться на весьма скромные показатели роста ВВП как на ближайшие годы, так и на отдаленную перспективу, выступило Минэкономразвития РФ.

Встреча с Президентом РФ состоялась 19 февраля 2014 г. Со стороны РАН на ней присутствовало 10 человек, главным образом экономисты — академики РАН А. Некипелов и В. Ивантер (руководители рабочей группы по подготовке доклада), Е. Примаков, О. Богомолов, член-корреспондент РАН Г. Кляйнер и др. Единственным социологом оказался я. На противоположной стороне большого овального стола расположились В. Путин, И. Иванов — руководитель Администрации Президента РФ, А. Белоусов — помощник Президента РФ, А. Улюкаев — министр экономического развития РФ, А. Силуанов — министр финансов РФ, Э. Набиуллина — председатель Центробанка России и академик РАН С. Глазьев — советник Президента РФ по экономическим вопросам.

М.К.: Обстановка оказалась весьма располагающей, демократичной. У каждого была возможность кратко выступить с обоснованием своей позиции. Например, В. Ивантер убежденно и аргументированно объяснял, как и за счет чего можно поднять темпы роста ВВП до 6% и даже до 8% в год. А. Некипелов сделал акцент на возможности использования для этого кредитно-денежной политики. Г. Кляйнер попытался увязать экономический рост и экономические стимулы, в частности, превращения работника в собственника предприятия и т. п.

Б.Д.: О чем удалось сказать президенту страны тебе? Ведь понятно, что такая возможность появляется крайне редко, может быть, один раз...

М. К.: Именно поэтому пришлось выбирать: либо говорить о нас любимых, имея в виду собственно наши «страдальческие» социологические проблемы, либо исходить из общего контекста разговора, акцентируя внимание на возможностях социологии вести систематический анализ роли неэкономических факторов (социокультурных, психологических, нравственных, политических, информационных и др.) достижения экономического роста страны. Выбрал второе.

Встреча длилась более трех часов. Разговор был довольно оживленный, президент многим выступающим задавал вопросы и нередко давал свои комментарии.

Б. Д.: И что в итоге?

М. К.: Трудно сказать. Обычно после таких встреч, к тому же в подобном составе, итог в снятом виде сразу не определяется, нужно время. А потом последовавшие вскоре украинские события по понятным причинам резко переключили внимание руководства страны на иную группу вопросов. Но, разумеется, то, что обсуждалось у президента, в повестке дня осталось. Более того, с учетом экономических санкций Запада, приобрели еще большую актуальность.

Б. Д.: Михаил, задам еще три вопроса, без которых я не могу считать наш диалог завершенным. Одним из главных критериев эффективности научной деятельности институтов считается деятельность издательская. Но как вы можете обеспечивать эту самую эффективность, если, как ты отмечал выше, у института РАН только две статьи расходов — зарплата и коммуналка?

М. К.: А это, судя по всему, мало кого интересует. Ощущение такое, что те, кто определяет, как и на что должна существовать в нашем Отечестве социальная наука, исходят из установки: захочешь печататься — найдешь на что. Основные «находки» к нынешнему периоду сводятся к следующему. Это может быть издательский грант по линии РГНФ. Но его надо еще выиграть в конкурентной борьбе с другими желающими издать свои научные творения. Это может быть финансовое участие самого научного института РАН, но выделяемые им средства должны иметь внебюджетные источники (например, деньги от сдачи в аренду излишков занимаемых им помещений, если, конечно, они есть). Это может быть заинтересованность издательства в выпуске предлагаемой научной рукописи. Однако подобное с научной литературой случается редко, поскольку издательские структуры преследуют, как правило, коммерческие цели или хотя бы стремятся окупить свои затраты. Это может быть и издание по договору (заказу) с какой-либо

организацией, чаще всего общественной. Наконец, когда для автора (авторов) все названные и иные источники не срабатывают, он (они) сами идут на издательские расходы. Но подобное имеет место в самых редких случаях.

Что касается научных изданий ИС РАН, то чаще всего они выходят в свет благодаря грантам РГНФ, по договорам сотрудничества с Фондом им. Ф. Эберта, за счет исследовательских грантов, в смету которых можно включить статью на издательские расходы, и, наконец, на основе авторского самофинансирования. В последние годы ученые института стали активно практиковать издание своих научных работ на дисках, что значительно снижает затраты. Те же скромные внебюджетные средства, которыми располагает сам ИС РАН, аккумулируются главным образом для издания ежегодника и журнальных изданий института: «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии» (электронная версия), «Социологический журнал», «Социология: 4м».

Б. Д.: Предпоследний к тебе вопрос такой: как ты думаешь, сохранится ли в России двухступенчатая система научных степеней — кандидат и доктор наук?

М. К.: Трудно однозначно ответить на этот вопрос после того, как за годы реформ в сферах образования, науки и аттестации научных кадров принимали много необдуманых решений. Мы еще не до конца осознаем, чем отзовется для нас в более отдаленной перспективе вхождение России в Болонское соглашение. Поэтому я бы не торопился отказываться от испытанной десятилетиями в нашей стране модели двухступенчатого восхождения к статусу высококачественного ученого-исследователя. По крайней мере, для меня и многих моих коллег, довольно часто принимающих участие в различных международных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, разница в уровне российского доктора наук и доктора западного («одноступенчатого») очевидна.

Думаю, что после ряда принятых ВАКом России решений последнего времени, направленных на резкое повышение уровня требований к выносимым на защиту диссертациям (особенно докторским), подобные различия станут еще более очевидными, а очереди на защиту в спецсоветах резко поредеют. Например, количество желающих защищаться в диссоветах ИС РАН и в свете повышенных требований, и в силу высокой требовательности наших спецсоветов резко поубавилось.

Б. Д.: В заключение нашей беседы скажи, пожалуйста, а помимо руководства институтом ты возглавляешь в нем какое-либо научное подразделение?

М. К.: Не вижу в этом необходимости. Ведь, наряду с руководством институтом, я являюсь председателем его Ученого Совета, председателем докторского специализированного совета, главным редактором журналов ИС РАН «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии», ответственным редактором институтского ежегодника. Кроме того, по сложившейся еще в РНИСиНПе и в ИКСИ практике работы, выступаю научным руководителем наиболее крупных общеинститутских социологических проектов. А вот для регулярного нахождения в творческой форме я действительно тесно связан с одним из научных подразделений института, но не в качестве его руководителя, а в качестве совместителя по штатной ставке главного научного сотрудника. Речь идет о моем участии в проектах НИР Центра комплексных социальных исследований. Как правило, эти проекты направлены на изучение довольно острых и сложных проблем: экстремизм в молодежной среде; социальные факторы коррупции; эволюция политико-мировоззренческих взглядов россиян; гражданская культура и гражданское участие в пореформенном российском обществе и др. При этом мне импонирует, что и опытные, и молодые ученые центра используют при разработке научных проблем междисциплинарный, комплексный подход.

Б. Д.: Большое тебе спасибо, Миша. По-моему, у нас состоялась очень бурная, интересная беседа. Признаюсь, что узнал вещи малоизвестные, а то и вовсе мне неизвестные. Думается, для многих, кто знает тебя только по публикациям, твой путь в профессиональную социологию станет откровением.

М. К.: Возможно. В таком случае можно считать, что, в отличие от других путей, пути в социологию — исповедимы.

Сведения об авторе

Докторов Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, bdoktorov@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 27.12.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 09.01.2026;
принята к публикации: 14.01.2026.

BORIS Z. DOCTOROV

Independent Researcher

**Gorshkov M. K.:
“...THE PATHS TO SOCIOLOGY ARE PROFESSED”**

Abstract. On November 24, 2025, Mikhail Konstantinovich Gorshkov, a great scientist, academician, excellent colleague who made a huge contribution to the development of Russian sociology, was the first director of FCTAS RAS, passed away. With the kind permission of Boris Zusmanovich Doktorov, an interview with Mikhail Konstantinovich, which was part of a unique biographical project about Russian scientists, is reproduced. From the dialogue between the two scientists, a picture of the long-term work of Mikhail Konstantinovich is recreated, whose biography, in the typology of Boris Zusmanovich, belongs to the “older part of the fourth generation” of scientists, in which not only the typical, but also the unique can be seen.

Keywords: M. K. Gorshkov, scientist, sociology, science, biography, generation.

For citation: Doktorov B. Z. Gorshkov M. K.: “...The Paths to Sociology Are Professed”. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 8–50. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.8xse-md45; EDN: PTMDNC

Information about the author

Doktorov Boris Z., Doctor of Philosophy, Professor,
Independent Researcher,
bdoktorov@inbox.ru

Received: 27.12.2025;
revised after review: 09.01.2026;
accepted for publication: 14.01.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.xc93-bd28

EDN: QHBDYG

УДК 316(092)

Майкл Буравой

*Международная социологическая ассоциация
(МСА)*

**ПРОБЛЕМА КЛАССОВ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ.
Интервью Майкла Буравого
с Эриком Олином Райтом***

Аннотация. Эрик Райт — профессор социологии Висконсинского университета (Мэдисон, США), в 1976 г. защитил диссертацию (PhD) и с тех пор работает в Висконсинском университете. Экс-президент Международной социологической ассоциации (МСА). Автор нескольких книг. Широко известен в западной социологии своими эмпирическими исследованиями классовой структуры в разных странах, работами в области марксистской теории и методологии социальных исследований. Интервью специально для журнала «Рубеж» взял профессор социологии, член редсовета журнала «Рубеж» Майкл Буравой.

* Публикуется к годовщине гибели М. Буравого (1947–2025) по изданию в журнале «Рубеж», 1995, № 6–7. Воспроизводится с любезного разрешения Марины и Владимира Ильиных, основателей журнала «Рубеж».

Ключевые слова: класс, марксизм, социология, современное общество, гендерные и классовые отношения

Ссылка для цитирования: Буравой М. Проблема классов в современной социологии. Интервью с Эриком Олином Райтом // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 51–72. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.xc93-bd28; EDN: QHBDYG

Б.: Эрик, почему ты так заинтересовался проблемой классов?

Р.: Первоначально мои интересы в области социологии концентрировались преимущественно вокруг проблемы государства и социальных изменений. Но по мере погружения в изучение этих вопросов я увидел серьезные проблемы классового анализа, которые показались мне неясными или, по крайней мере, недостаточно развитыми в широко понимаемой марксистской традиции. Я почувствовал настоятельную необходимость изучения классовой структуры современного капиталистического общества в связи с тем, что марксизм не имеет удовлетворительного объяснения современного так называемого «среднего класса». И я начал изучение классов через анализ этой проблемы, через проявление более широких фундаментальных теоретических вопросов. К сожалению, в течение последних 15 лет я был поглощен аспектами вопроса классовой структуры и не возвращался к более широким теоретическим проблемам, по крайней мере как к центральной теме моих исследований. Таким образом, в течение всего предшествующего периода я был занят изучением классов, особенно среднего класса.

Б.: Занимался ли ты в этот период разработкой теоретического каркаса для изучения классов?

Р.: Теоретическая разработка мной этой проблемы имела два широких аспекта. Во-первых, это задача, используя широкую концепцию класса, вторгаться параллельно во взаимосвязанные с ней концепции. Например, я потратил много времени на изучение отношений между классовой структурой, формированием и борьбой классов, стараясь понять, как можно эти три компонента широкого классового анализа соединить вместе. Во-вторых, необходимо реконструировать само понятие классовой структуры, восстановить его в первоначальном виде. И в этом контексте главное, что я сделал в своих работах, — это развитие понятия, обозначенного как противоречивая позиция (*contradictory class location*) внутри классовых отношений. Это особый способ понимания средних классов в классовой структуре, применимый не только к капитализму, но к любой классовой структуре.

Б.: Не можешь ли ты привести пример такой противоречивой классовой позиции?

Р.: Давай возьмем менеджеров в капиталистическом обществе. Они одновременно являются и капиталистами, и работниками. Они капиталисты, поскольку контролируют труд рабочих; они же и работники, поскольку отделены от средств производства и продают капиталисту свою рабочую силу. Менеджеры одновременно и капиталисты, и работники, и в этом смысле находятся в противоречивой классовой позиции.

Б.: Ты упомянул также средний класс. Кого включает средний класс капиталистического общества?

Р.: В целом я рассматриваю экспертов или высокооплачиваемых наемных работников также как часть среднего класса. Причины этого несколько отличны от тех, которые я привел относительно менеджеров. Я понимаю, что анализ экспертов или высокооплачиваемых наемных работников в качестве среднего класса требует введения дополнительной категории. Это категория эксплуатации. Другой подход к анализу среднего класса состоит в определении его особой позиции в классовой структуре: он эксплуатируется посредством одного социального механизма, но он же и эксплуатирует посредством другого. Таким образом, средний класс является одновременно эксплуатируемым и эксплуататором.

Квалифицированные работники, особенно высококвалифицированные специалисты, также могут быть эксплуататорами, поскольку высокая квалификация позволяет им присваивать для личного пользования часть общественного прибавочного продукта. Но они являются эксплуатируемыми, поскольку производят трудовой продукт, который присваивается другими, работодателями. Они являются одновременно эксплуататорами и эксплуатируемыми и в другом смысле. И с этой точки зрения они входят в средний класс.

Б.: Какие социальные группы относятся к среднему классу?

Р.: В американском контексте он включает большинство специалистов, врачей, юристов, инженеров, университетских профессоров, определенные категории высококвалифицированных рабочих, если их профессия достаточно монополизирована. Так, сантехники, электрики могут быть отнесены к среднему классу. Они способны монополизировать свою профессию до такой степени, что это позволяет им присваивать прибавочную стоимость. В техническом смысле они приобретают часть прибавочной стоимости или могут требовать этого как своего рода ренты через высокую зарплату.

Б.: Что ты подразумеваешь под эксплуатацией?

Р.: Это понятие в основном совпадает с классической идеей эксплуатации в марксистской традиции, то есть эксплуататор присваивает прибавочный продукт, произведенный кем-то другим. Это довольно приблизительное определение, и здесь появляются технические проблемы определения присвоения, прибавочной стоимости. Но есть случаи, где общего определения вполне достаточно, так как оно схватывает центральную идею. Главное в содержании понятия эксплуатации — это различное отношение социальных субъектов к прибавочной стоимости. Если люди постоянно различными способами присваивают прибавочный продукт, беря его у других и ставя под собственный контроль, то они находятся в позиции эксплуатирующих.

Б.: Считаешь ли ты, что классовая эксплуатация имеет место в обществе государственного социализма, например в бывшем Советском Союзе?

Р.: В моем понимании эксплуатация — это ситуация, при которой один социальный субъект находится в таком положении в системе власти, которое позволяет ему присваивать прибавочный продукт, произведенный другими...

Б.: И кто они?

Р.: Это высший слой государственного аппарата и партии и, возможно, высшие менеджеры. Есть разные слои эксплуататоров, находящиеся в разных социальных позициях, которые предполагают большую или меньшую степень участия в эксплуатации. Но в любом случае это социальные субъекты, которые способны контролировать, присваивать части прибавочного продукта, используя эти части в собственных целях — частично для собственного потребления, частично — для разного рода инвестирования. Их властная позиция позволяет им делать это. Но есть еще один трудный вопрос... Если мы обнаружили эксплуатацию, то является ли она классовой эксплуатацией? Возможно, что это эксплуатация иного характера. С моей точки зрения, при классовой эксплуатации присвоение прибавочного продукта обусловлено способом, которым различные социальные субъекты контролируют системы производства, оно так или иначе связано с организацией производства. Таким образом, эксплуатация — это прежде всего экономическая идея, если даже она обусловлена политическими и идеологическими условиями. Но не всегда эксплуатация будет классовой. Например, грабители на большой дороге, конечно, отбирают у людей прибавочный продукт, но это нельзя назвать классовой формой эксплуатации, хотя они являются эксплуататорами,

отбирающими прибавочный продукт, произведенный другими. Их способ эксплуатации не включает контроль системы производства.

Бюрократический государственный социализм является формой классовой эксплуатации в том смысле, что партийное руководство, номенклатура не просто присваивают прибавочный продукт, но делают это, фактически командуя системой производства. Это командование связано с контролем со стороны государственной власти, но государство здесь используется для контроля производства, что позволяет ему присваивать прибавочный продукт. И это оправдывает отнесение этой эксплуатации к классовой форме, а не просто к эксплуатации элитой, государством и т. п.

Б.: Таким образом, ты считаешь советское общество классовым обществом с классовой эксплуатацией?

Р.: Да, но это не капиталистическое классовое общество.

Б.: А в чем разница?

Р.: Это не капиталистическое классовое общество, потому что эксплуататоры связаны со средствами производства не посредством частной собственности, а посредством командного контроля со стороны государства. Государственная форма эксплуатации является классовой, потому что она предполагает контроль производства. Но это не капиталистическая классовая форма, поскольку основывается не на частной собственности на средства производства.

Б.: Это государственный способ производства?

Р.: Именно так я бы назвал его: государственный способ производства.

Б.: Итак, одним из способов анализа общества является анализ его классового характера. Позволяет ли классовый подход проследить траекторию развития общества? Если да, то позволял ли он предвидеть, например, дезинтеграцию Советского Союза?

Р.: Если ты спрашиваешь, предвидел ли я это, то, конечно, я отвечу, что нет.

Б.: Но можешь ли ты это реконструировать в пределах классовой теории, объяснить с ее помощью крушение Советского Союза?

Р.: Это интересный вопрос, потому что в работах классиков марксизма есть материал для этого. Есть идеи, позволявшие предвидеть крах Советского Союза и восстановление чего-то похожего на капитализм. Действительно, если вы возьмете ортодоксальный, доленинский взгляд исторического материализма, особенно как он был разработан Марксом в «Критике политической экономии», то там вы увидите предсказание, что попытка разрушить частную собственность и установить

социалистические производственные отношения на основе отсталых производственных сил потерпит крах и тотчас же капитализм будет восстановлен. Это было обоснованное предсказание классической ортодоксальной теории. Но я не считаю, что крах советской экономики и потенциальное восстановление капитализма есть следствие классической теории, так как последняя предсказывала на основе неверных аргументов. Хотя то, что случилось, и показывает верность классического прогноза, но было бы неоправданно утверждать, что и основания для этого предсказания были верны.

Одной из характерных черт марксистской традиции является ее попытка разработать на основе классового анализа динамическое объяснение исторической траектории. Но я должен признать, что это стремление является чрезмерным. Я не вижу доступных средств в современном классовом анализе ни Советского Союза, ни современного капитализма, которые придали бы достаточный смысл предвидениям такого типа. Но мы можем, делая своего рода жест в сторону этой теории, взять ее в качестве ключа. Поскольку развитие основных способностей человека (производительных сил, по крайней мере, технических) имеет кумулятивный характер, то производительные силы, будучи однажды развиты, имеют тенденцию не регрессировать. Их развитие имеет определенные направления. В той мере, в которой классовые отношения трансформируются вслед за развитием производительных сил, можно говорить, что развитие классовых отношений также имеет определенное направление развития, связанное с развитием производительных сил. Но, как я уже сказал, это лишь жест в сторону этой теории, так как у нас нет достаточных оснований для предвидения того, какая конкретная форма производственных отношений возможна при высоком уровне развития производительных сил и какая форма действительно возникнет.

Б.: Это очень общее утверждение в духе метатеории, поскольку предсказание в отношении Советского Союза распространяется не только на вопрос, почему он необходимо должен был рухнуть, но и почему он так долго существовал?

Р.: Дело в том, что даже в тех классических работах, где идеи четко и просто сформулированы, нет измерения во времени. У Маркса не было временной шкалы для процесса, который он предсказывал. Поэтому там, где он говорит о тенденциях и контртенденциях, об усилении противоречий, нет измерения во времени. Отнюдь не обязательно это рассматривать как признак ущербности теории. Нередко хорошие теории не имеют этого измерения.

Б.: Многие люди восприняли позицию Джиласа¹, согласно которой в советском обществе сформировался новый класс. Что ты думаешь об этой теории?

Р.: Я не думаю, что это фундаментальная ошибка — рассматривать высший эшелон партийно-государственного аппарата, находящуюся у власти интеллигенцию как новый класс. В своей основе это верный подход. Но я не согласен с тем, какие группы составляют этот класс. Я думаю, что то, что он называет классом, — это просто властвующая элита.

В анализе Джиласа выделяются группы, которые я бы тоже назвал классом, но причины, по которым он называет их классом, иные, чем те, по которым я определяю их как класс. Его определение класса — это, в сущности, определение правящей элиты. Быть классом — это значит иметь возможность эксплуатировать других благодаря контролю процесса производства прибавочного продукта. Он не характеризует эти группы как эксплуататоров. Этот вопрос не стоит в центре его анализа. С его точки зрения, они господствуют. Но я не думаю, что господство — это достаточное условие для конституирования этих субъектов как класса. В определенном смысле я согласен с тем, что Джилас определяет эту группу субъектов как класс, но я не согласен с его объяснением, почему они составляют класс.

Б.: Очень хороший ответ. Давай пойдем дальше. Если мы не могли предвидеть крах Советского Союза, то что можно сказать с позиций твоих теоретических построений относительно будущего России после краха Советского Союза, в последовательности переходов? Если смотреть отсюда, из Калифорнии, как, по-твоему, идет развитие в современной России?

Р.: Информацию о развитии классовой структуры бывшего Советского Союза я получаю в основном от моего товарища, Буравого, сделавшего анализ возникновения торгового капитализма...

Б.: Торгового капитала².

¹ *Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. — New York: Frederick A. Praeger, 1957.*

² Торговый капитал — прибыль, создаваемая в торговле, а не в результате трансформации советского производства и перехода к индустриальному капитализму. Подробнее о применении данного понятия к анализу ситуации в России 1990-х годов см.: *Burawoy M., Krotov P. The soviet transition from socialism to capitalism: Worker control and economic bargaining in the wood industry // Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P. What about the workers? Workers and the transition to capitalism in Russia. — London: Verso. — P. 56–90. — Примеч. С. Ярошенко.*

Р.: Да, торгового капитала... Анализ, ныне дополненный изучением банковской системы. Я думаю, что новые классы возникают в России, в бывшем Советском Союзе. По крайней мере приватизированные частные предприятия начали развиваться. И соответственно, начинают развиваться мелкая буржуазия, самостоятельные хозяева. Это люди, которые зарабатывают свой доход благодаря собственным средствам производства и продаже товаров на том или ином рынке. Я предвижу, что по мере все большего ослабления контроля за рынком труда, который начнет функционировать так же, как на Западе, в России у высокопоставленных людей, фактически осуществляющих контроль, имеющих высокий уровень квалификации и образования, будет появляться все больше существенных характеристик западного среднего класса. Все это позволит характеризовать их как эксплуататоров. И этот сегмент среднего класса имеет в России потенциал роста. В прошлом он был ограничен в своем развитии, так как контроль, осуществляющийся специалистами высокого уровня, не вел сам по себе к высоким доходам, к возможности присвоения прибавочного продукта. Это имело место только в том случае, когда функции контроля сочетались с элитными позициями в государственном аппарате, в номенклатуре и т. д. Только тогда их высокий уровень контроля прибавочного продукта вознаграждался. Я думаю, что средний класс западного типа должен возникнуть в России, хотя и не столь быстро в нынешних экономических условиях. Возникнет и капиталистический класс того или иного вида. Но что менее ясно, так это судьба старого правящего класса, старого эксплуататорского класса, чья власть основывалась на государственном контроле. Исчезнет ли он быстро? До сих пор он сохраняется как класс. И это еще не новый капиталистический класс, так как он контролирует прибавочный продукт через позиции в государственном и административном аппарате. Экономический же аппарат сочетается с государственным. Сейчас очень подвижная ситуация. И старый эксплуататорский класс сосуществует с новым.

Б.: Не является ли здесь основной проблемой: государственный или капиталистический способ производства?.. Один из них...

Р.: Нет, это будет гибрид.

Б.: Гибрид, который, вероятно, будет нестабильным.

Р.: Нет. Если использовать аналогии из химии, то я бы сказал так: я не верю, что смесь, состоящая из чистых элементов, должна быть нестабильной. Например, западный капитализм приобрел стабильность

именно благодаря своей гибридности. Для Запада характерен своеобразный гибрид капитализма и этатизма. Капитализм является в нем господствующим способом производства, но он соединен в значительной мере с элементами государственного способа производства. Гибридная форма делает Запад более стабильным, чем это имело место при чистом капитализме. Как отмечал Шумпетер, чистый капитализм быстро разрушил бы себя. Только нечистый капитализм может выжить. Некоторые люди утверждают, что одна из причин неудач советской экономики состоит в том, что она была слишком чисто этатистской. Смешанный этатизм мог бы выживать более успешно, чем чистый этатизм. Инновации, допускающие нечистый этатизм, появились слишком поздно, поэтому поиск жизнеспособного гибрида оказался значительно более трудным.

Б.: Ты думаешь, что гибрид может сделать Россию более стабильной?

Р.: Да. В принципе я думаю, что это возможно. Но очень трудно представить, как в обозримом будущем существующая в России экономика сможет избавиться от сильных этатистских элементов. Мне кажется, что на повестке дня там должен стоять прежде всего вопрос, как заставить государство работать лучше и промышленность заставить работать так же, как работает частная капиталистическая промышленность. Это важная часть процесса реформ, так же как избавление государства от излишних функций. Но я не думаю, что можно избавиться сейчас от этих государственных функций, так как они будут возвращаться к государству из-за отсутствия частных субъектов, способных так организовать экономическую активность, чтобы позволить простым людям выжить.

Б.: Еще один важный вопрос. Ты все еще веришь в концепцию социализма? Что изменилось после крушения Советского Союза?

Р.: Я нахожу невероятным утверждение, что экономическая система, основанная на частной собственности на средства производства, где прибыль является центральной ценностью общества и вдохновляет экономическую активность, а эксплуатация является движущей силой экономического развития, — это высшая и последняя форма человеческой цивилизации. Основная идея социализма состоит в том, что можно организовать такое общество, где капиталистическая эксплуатация не является определяющим принципом организации и заменена такой формой организации производства, в которой простые люди (назовем их непосредственными производителями или рабочими) демократически контролируют распределение основных

ресурсов, инвестирование и развитие. В этом смысле социализм — это основательная демократизация социального контроля экономической активности общества. Социализм в этом смысле совместим с рынком. Я думаю, что рынок может быть приемлем для такого типа общества. Он также совместим с определенными формами частных предприятий при условии, что активность и устремления этих предприятий ограничены демократическим контролем ресурсов так же, как демократия ограничена частным контролем производства. Социализм для меня — это, во-первых, и прежде всего, демократия и, во-вторых, демократический контроль основных контуров общественного производства. И я думаю, что это возможная и жизнеспособная форма общества. Это достижимая форма в том смысле, что исторически возможны такие преобразования отношений собственности и демократического контроля. Но как на практике этого достичь, я не имею ни малейшего представления.

Б.: Ты не думаешь, что опыт Советского Союза имеет негативное или позитивное влияние на возможность становления таких институтов?

Р.: Конечно, надо убедить людей сразу и навсегда, что авторитарная, бюрократическая и антидемократическая форма собственности не может привести к идеалу социалистической формы общества, экономической жизни, классовым отношениям. Но как негативный пример, показывающий, как не надо делать, — это полезный, хотя и болезненный исторический опыт. Этот исторический опыт многие люди признали еще до крушения Советского Союза. Большинство западных марксистов моего поколения не были привязаны к Советскому Союзу и в 60–70-е гг. Поэтому, в сущности, судьба социализма не была подорвана крахом Советского Союза, так как мы никогда не рассматривали его как какую-то модель социализма. Поэтому я думаю, что Советский Союз — это негативный пример, полезный для социалистической теории.

Б.: Мы рассмотрели теоретические аспекты. Теперь я бы хотел сфокусировать обсуждение на эмпирической работе. Может быть, ты расскажешь об эмпирических работах, проводившихся в последние двадцать лет? Особенно о сравнительных исследованиях России и Соединенных Штатов.

Р.: Мои эмпирические исследования классовой структуры начались еще в годы работы над магистерской диссертацией. Я провел изучение связи между классами и неравенством доходов в Соединенных

Штатах. После этого я решил, что было бы полезно обобщить мои собственные данные (диссертация основывалась на вторичном анализе уже собранных данных), усовершенствовав вопросы для опроса в Соединенных Штатах и еще в одной-двух странах и собрав данные о классовом неравенстве, классовом сознании, классовой биографии и ряде других тем. Эти данные затем могли бы быть систематически использованы в классовом анализе марксистского типа. В работе, которую я опубликовал до этого нового исследования, всякий раз, когда мои результаты не соответствовали моей теории, я мог сказать: «Да, увы, данные были собраны в соответствии с категориями, вытекающими из теории». Это давало мне удобный способ объяснения, почему анализ данных не работает так, как я хотел бы. И я чувствовал, что было бы хорошо собрать мои собственные данные, что не давало бы мне возможности так оправдываться.

Первоначально проект предполагал сравнительный анализ классовой структуры, классового сознания и классовой биографии в Соединенных Штатах, Швеции и еще в одной-двух странах. В ходе медленного и слабо регулируемого процесса ряд других стран попросили присоединиться к этому проекту. И на первой фазе исследования мы получили данные идентичных опросов в 11 странах: Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Соединенном Королевстве, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Западной Германии и Японии... Да, и Новой Зеландии. Этот этап был завершен к 1985 г. с точки зрения сбора данных.

Тогда ко мне подошли русские социологи и спросили, не заинтересован ли я в распространении этого проекта и на Советский Союз. В это время у меня не было возможности эту идею реализовать. Но она показалась мне очень интересной. В 1986 г. Майкл Буравой и я поехали в Москву для изучения возможностей распространения американского проекта на Советский Союз. После первого визита мы оба укрепились в нашем убеждении, что русский проект никогда не состоится из-за состояния советской социологии и последних дней старой советской системы. Однако после серии наших визитов в Москву и визита группы русских социологов в Соединенные Штаты в конце концов в 1988 г. соглашение о совместном проекте было достигнуто. Было решено провести новое американское исследование одновременно с русским опросом. Некоторые части вопросника были изменены, чтобы сделать вопросы уместными в специфических условиях российского общества и более интересными с точки зрения сравнения России и Соединенных

Штатов. Исследование было проведено в основном в 1991 г. Анализ же данных продолжается до сих пор.

Б.: Что ты думаешь о главных методологических проблемах проведения таких сравнительных международных опросов? Это исследование, кажется, до сих пор остается уникальным в мировой социологии?

Р.: Я не нахожу его уникальным. Я просто, наверное, один из тех людей, которые особенно заинтересованы этой проблемой. Основная проблема любого сравнительного исследования, будь то опрос или какой-то иной способ собирания данных, состоит в том, чтобы сделать свои наблюдения в разных контекстах достаточно сравнимыми. То есть, когда вы сравниваете наблюдения, данные, вы должны знать, что сравниваются сходства и различия в мире, а не сходства и различия в способе проведения наблюдений. Таким образом, основная проблема состоит в том, как обеспечить такой инструментарий для сравнительного наблюдения. Если вы собираете данные посредством этнографического исследования, то эта проблема еще более серьезна, чем при проведении массового опроса. Вы сталкиваетесь с проблемой прямо и непосредственным образом при составлении вопросника. Тут вы должны задавать: «Означает ли он одно и то же в стране “А” и в стране “Б”, чтобы люди, сталкиваясь с вопросом, отвечали при этом на один и тот же вопрос».

Б.: Эрик, как вы можете конструировать ответ, не будучи хотя бы немного этнографами?

Р.: Я думаю, можно. Только необходимо привлечь к конструированию вопросов аналитика, искушенного в вопросах культуры. Иногда ты можешь делать это и сам, беря вопрос и проверяя в ходе наблюдений в процессе полевого исследования, означает ли он везде одно и то же. При проведении такого исследования первая проблема состоит в том, чтобы иметь набор вопросов, которые, будучи поставленными в разных странах, будут означать одно и то же, не будут в разных странах разными вопросами.

Другая не менее важная проблема, которую очень трудно решить, — это перевод уже согласованных вопросов на разные языки. Например, вопросов, составленных на английском языке, — на русский. Вы должны быть уверены, что в процессе перевода вопросник не изменился, что там сохранился согласованный контекст. В большинстве проектов на этой стадии имели место небольшие изменения, вносимые разными исследовательскими командами уже после достижения согласия по поводу вопросника. Обычно люди рассматривали это как невинное

улучшение вопросников. Но результатом таких маленьких улучшений является подрыв совместимости вопросников, что делает анализ данных крайне трудным, а иногда и невозможным.

Б.: Если можно — несколько примеров...

Р.: Мы задавали вопрос относительно по крайней мере 15 видов экономической активности: от производства стали до школ, больниц, пожарной охраны, почты и т. д. В американском опросе мы задавали такой вопрос: «Относительно каждого из этих видов экономической деятельности ответьте, пожалуйста, должна ли она вестись главным образом правительством или главным образом частными предприятиями. Так, например, как Вы считаете: должно ли производство стали осуществляться главным образом правительством или главным образом частными предприятиями?» Мы не предлагали респондентам ответ «в равной мере», но если они отвечали так, то мы это фиксировали. В русском вопросе всех респондентов спрашивали: «Должно ли производство стали осуществляться главным образом правительством, главным образом частными предприятиями или сочетанием обеих форм?» Респонденту давалась особая категория «сочетание обеих форм». Это добавление в русский вопросник третьего варианта ответа делало американский и русский ответы уже несопоставимыми. Например, в России около 40 процентов сказали о больницах, что они должны быть в основном государственными, около 50 процентов отметили сочетание двух форм, 10 процентов указали, что — частными. В Соединенных Штатах около 50 процентов сказали, что в основном должны быть государственными и около 50 процентов — в основном частными. Как мы можем интерпретировать эти данные? Как их сопоставлять?

Я не говорю, что русский вариант вопроса был хуже американского. Могут быть веские аргументы в пользу того, чтобы дать респонденту выбор в форме «в равной мере». Видимо, использование категории «сочетание» не очень удачно. Стоило бы сказать: «в равной мере», так как в конце концов вариант «в основном правительством» также предполагает сочетание. Но дело не в этом. Русский вопросник, возможно, лучше американского. Но дело в том, что, если проводишь сравнительное исследование, ты должен подчиняться сопоставимому плану. Иначе подрываются возможности сопоставления как такового. К сожалению, в этом проекте есть несколько ключевых групп вопросов, в которых сопоставимость была поставлена под угрозу такими изменениями.

Б.: Часто говорят, что такие сравнительные исследования, как ты делаешь, проводить невозможно.

Р.: Я предпочитаю систематическую поверхностность глухоте. Но такие сомнения имеют основания, так как ты должен задавать различные вопросы в разных странах относительно одних и тех же идей. Это верно, но откуда ты знаешь, что это верно? Такие исследования позволяют тебе узнать о России что-то такое, что интересно в сравнении с тем, что ты узнал о Соединенных Штатах. Я предпочитаю такую поверхностность... Поверхностность в том смысле, что ты собираешь верхушки тех вещей, которые ты можешь собрать на поверхности. Я скорее предпочитаю поверхностное сравнительное исследование Соединенных Штатов и России (пусть максимально систематизированное), которое затем углубляется посредством этнографического исследования, чем встраивание в опрос этнографического исследования того или иного рода.

Б.: Но что первично: этнографическое исследование или массовый опрос?

Р.: Вероятно, надо делать и первое, и второе. Я имею в виду, что в определенном смысле каждый является этнографом своей страны. И когда ты организуешь сравнительное исследование, то ты собираешь людей, живущих внутри своей культуры, которые, будучи социологами, чувствуют ее и думают о мире, в котором они живут, способны увязать его с составляемым вопросником. И ты тратишь уйму времени на выяснение ограничений, которые накладывает этнография на вопросы, вносимые сторонами в конструируемый вопросник. Таким образом, ты в определенном смысле должен делать этнографическое исследование.

Б.: То есть часы, которые мы потратили в Москве и Беркли, представляли собой настоящую этнографическую работу.

Р.: Да, это была действительно этнографическая работа.

Б.: Как в случае с «дружбой». Что это за история с «дружбой»?

Р.: Русские участники проекта настаивали, что русские не имеют «близких друзей»... Не то чтобы совсем не имеют, но если есть, то один-два.

Б.: Они очень редки. «Дружба» в русском языке означает совсем другое, но мы тогда этого не поняли.

Р.: И слово, которое обычно переводится как friend (друг), имеет в русском языке гораздо более сильное значение. Таким образом, английские слова close friend при переводе обычным способом на русский будут означать очень прочные личностные узы. Проблема состояла

в том, что мы хотели спросить о друзьях не столь близких, но в то же время и не просто знакомых. Необходимо было найти в русском языке слово, означающее этот промежуточный тип личной связи: не предельно тесной, но и не чисто случайной. Я не помню нашего решения... Но пришли к какому-то решению.

Б.: Суммируя то, что ты сказал, можно утверждать, что вся подготовительная работа по созданию инструментария массового опроса была действительно важна. Она потребовала много времени, поскольку мы делали этнографическую работу, обменивались идеями для того, чтобы правильно сконструировать вопросы.

Р.: Быстрые и поспешные массовые опросы, кажется, совершенно никчемны. Быстрые и поспешные сравнительные опросы — особенно. Необходимо пройти через решение спорных задач.

Б.: Теперь еще один вопрос. Многие люди думают, что марксизм мертв и что крах Советского Союза означает крах и марксизма. Почему ты все еще продолжаешь работать в рамках марксистской теории классов?

Р.: Я хотел бы разбить твой вопрос на два. Первый: почему я изучаю класс в русле марксистской традиции; второй: в каком смысле я марксист. Это не идентичные вопросы.

Итак, первый вопрос. Изучать класс в русле марксистской традиции означает для меня исследование, отличное от веберовского классового анализа или обычного анализа класса в русле теории социальной стратификации (скажем, в американском контексте). Характерная черта марксистского подхода — связь классов и эксплуатации и понимание этой связи через призму организации общественного производства. И здесь важнейший вопрос — отношения классовой эксплуатации. Это сущность классового анализа. Она позволяет объяснить, почему конфликты, возникающие вокруг классов, не являются просто произвольными и случайными событиями. Почему конфликт интересов классов внутренне присущ самим классовым отношениям? Потому что это отношения эксплуатации, которые являются интенсивно антагонистическими, порождающими конфликт. Простое неравенство не обязательно порождает конфликт. Классовое неравенство является результатом отношений эксплуатации между субъектами. Поэтому благосостояние одного субъекта обеспечивается за счет благосостояния другого. Простое неравенство не имеет такой причинной связи. Здесь нет особой причины для порождения им конфликтов. Класс, понимаемый в контексте эксплуатации, внутренне связан с идеей

антагонистических интересов. Это делает категорию класса полезной для объяснения социальных конфликтов разного типа.

Б.: Отношения эксплуатации в действительности не являются прозрачными, видимыми для людей. Это значит, что многие люди видят только неравенство там, где ты видишь эксплуатацию.

Р.: Эксплуатация означает анализ механизма, порождающего неравенство. Однако неравенство может быть случайным. Даже объекты эксплуатации отнюдь не обязательно понимают эксплуататорский характер их неравенства, хотя в действительности вовлечены во взаимодействие с эксплуататором, порождающее неравенство. Таким образом, рабочий может не использовать категорию эксплуатации в смысле присвоения прибавочной стоимости, однако будучи постоянно вовлеченным в отношения с капиталистом, он, конечно, видит, что они порождают неравенство, в котором он живет, и что интересы рабочего по сути своей являются противоположными интересам капиталиста. Когда я теоретически объясняю эти отношения как порожденные эксплуатацией, то это привносит в классовые отношения имманентно конфликтный элемент. Рабочие же объясняют эти отношения не через категорию эксплуатации, видя в них лишь производство различий, неравенства.

Поэтому, если я собираюсь анализировать класс с научной точки зрения, то я должен иметь представление, как в целом устроен мир. Это наилучший подход к проблеме класса.

Б.: Таким образом, в основе лежит научный, а не нормативный критерий?

Р.: Но, с другой стороны, есть и нормативная причина. Я считаю, что понятие эксплуатации не является невинным, ценностно нейтральным. Мы используем понятие эксплуатации как иное выражение понятия присвоения прибавочной стоимости, потому что мы хотим ликвидировать неравенство, порождаемое эксплуатацией, как нарушение норм справедливости, человеческого достоинства, хотим уйти от ценностей, тесно привязанных к долларам. Нормативная причина того, что я принимаю марксистский классовый анализ, состоит в том, что я хочу изучать классы с точки зрения необходимости уничтожения эксплуатации. Мне нужна критическая теория класса, которая борется против классового неравенства и классовой эксплуатации, а не просто дает описание, знание.

Б.: Это значит, что ты против эксплуатации, но не против идеи неравенства как такового?

Р.: Конечно. Я против неравенства, порождаемого эксплуатацией. Я могу быть и против других видов неравенства, но по другим причинам, на иной основе, не связанной с классовым анализом.

Таким образом, есть научные и нормативные причины, в соответствии с которыми я считаю, что марксистская традиция классового анализа остается аналитически наиболее мощной и морально оправданной. Все это является ответом на первую часть вопроса: почему я следую марксистскому классовому анализу.

Вторая часть вопроса: в каком смысле я являюсь марксистом? Этот вопрос более сложный, и мой ответ будет больше походить на попытку разобраться в этом. В свое время для меня было двусмысленным называть себя марксистом, поскольку я чувствовал, что марксизм — это не просто теоретически и морально обоснованный способ классового анализа, что марксизм создает цельный контекст для социальных наук и социальной критики как таковой. Марксизм — это общая парадигма социальной теории и социального анализа, а не частная теория, определенное измерение общественной жизни. Конечно, я могу проводить марксистский анализ пола, рас, поскольку изучаю классовый аспект этих проблем. И в действительности я это и делаю в моих исследованиях, поскольку это крайне ценный и важный аспект критической теории — изучать классовый аспект проблем всякого рода. Но я знаю и чувствую, что нет никаких оснований считать, что во всех случаях (например, при изучении проблем пола или расы) классовый анализ является универсальным и неизменно наиболее фундаментальным для их понимания. И в этих случаях я был бы удовлетворен анализом, который остановился у дверей марксизма. Например, в анализе пола мой анализ является в столь же мере феминистским, сколь и марксистским. Поскольку я верю, что марксистская концепция не обеспечивает все необходимые компоненты, необходимые для понимания природы половых отношений, противоречий, их воспроизводства, трансформации, то здесь я, вероятно, лишь частично, а не в основном, являюсь марксистом. Но в общей социальной теории, теории общества как целого, я бы назвал себя марксистом, сторонником марксистской концепции класса, которая, я думаю, не является просто идеей или группой идей внутри марксизма и которая может легко быть дополнена чем-то извне.

Б.: С первого взгляда кажется, что есть противоречия между двумя частями твоего ответа. В первой части ты говоришь, что тебя действительно впечатляет аналитическая сила концепции эксплуатации,

объясняющая неравенство. Но во второй части ты говоришь о вещах, которые она слабо объясняет. В первой части ты подчеркиваешь моральный компонент эксплуатации. Но здесь же ты касаешься других форм неравенства, от которых надо избавиться и которые столь же важны, как и классовое неравенство.

Р.: Я не думаю, что здесь столь большое противоречие, как ты полагаешь... Я нахожусь под впечатлением аналитической силы концепции эксплуатации в классовом анализе.

Б.: То есть когда ты используешь понятие класса, то прибегаешь к марксистскому понятию.

Р.: Но это не главное во второй части ответа. Не для всех проблем классовый анализ кажется достаточным, но я действительно верю, что при изучении всех проблем, о которых я думаю, которыми интересуются левые радикальные интеллектуалы (особенно социальные изменения, ценности свободы, равенства, справедливости), классовый аспект играет важную роль...

Б.: Некоторые люди, изучавшие проблемы разделения труда между полами, повернули от марксизма к феминизму. Почему этого не сделал ты?

Р.: В анализе домашней работы я больше феминист, чем марксист, так как в изучении этих проблем я обнаружил особый круг вопросов, не входящих в число тех, которые хорошо объясняются марксистской теорией. Например, я не думаю, что она хорошо объясняет процесс межличностных переговоров между мужчиной и женщиной в сфере частного домашнего хозяйства. Она не очень хорошо объясняет, почему результаты этих переговоров схожи в большинстве домашних хозяйств. Она может быть более успешна в объяснении, почему объем выполняемой мужчинами домашней работы, вероятно, увеличится в последующие 50 или 20 лет в результате усиления роли женщин в составе рабочей силы. Она может хорошо объяснить, почему удельный вес женщин в составе рабочей силы капиталистических стран постоянно растет, начиная со Второй мировой войны. Но классовый анализ недостаточен для понимания микрополитики борьбы полов в домашнем хозяйстве...

Я на сто процентов являюсь марксистом в вопросах классовой эмансипации, примерно на 80 процентов — в классовом анализе, примерно на 40 процентов — в теории истории... Я не считаю, что всякая эмансипация классовая. И я на сто процентов являюсь феминистом при нормативном подходе к проблеме пола.

Б.: Таким образом, ты бы не подписался под позицией классического марксизма, гласящей, что ликвидация классово́й эксплуатации будет означать автоматическую ликвидацию и других форм господства?

Р.: Моя позиция по вопросу взаимосвязи различных форм господства состоит в следующем. Уничтожение или радикальное уменьшение классово́й эксплуатации усиливает позиции в борьбе против других форм угнетения, так как ликвидация иных форм угнетения требует концентрации больших социальных ресурсов. Чтобы уничтожить половое неравенство, требуется перемещение больших ресурсов на повышение качества ухода за детьми. Однако на пути к этому стоят капиталистические отношения, поэтому уничтожение капиталистических отношений создает условия для борьбы за изменение отношений полов. Но верна и обратная связь. Потенциал сокращения капиталистической эксплуатации зависит от солидарности различных угнетенных групп...

Б.: Как на твои взгляды повлиял крах коммунизма в период 1989–1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе?

Р.: Я не думаю, что на мои взгляды основательно повлияли сами события. Первая причина этого состояла в том, что я не считал Советский Союз воплощением социалистических и марксистских идеалов. Моя первая реакция на крах Советского Союза: «Наконец-то марксизм освободился от бремени». Для нас на Западе было обременительно сталкиваться с фальсифицированными марксистскими идеями и объяснять каждому, почему мы не хотим рассматривать Советский Союз как воплощение наших идеалов. С крахом этой системы мы избавились от этого бремени.

Однако в более широком смысле эти события, конечно, имели существенное влияние на интеллектуальный климат. На меня — нет, но на большинство марксистов, я думаю, они повлияли. Уровень скептицизма относительно возможности какой-либо альтернативы капитализму резко повысился в среде левых, среди людей, которые критически относились к эксплуатации, к угнетению, загрязнению окружающей среды, империализму и всем другим порокам капитализма. Их критичность относительно этих явлений уменьшилась, а скептицизм относительно возможности альтернативы капитализму, возможно, неоправданно вырос, поскольку Советский Союз никогда не был серьезной альтернативой, к которой кто-то где-то стремился. Тем не менее рост этого культурного скептицизма имел эффект. Даже разговаривая с людьми, которые разделяют твои ценности и идеалы, ты сталкиваешься с глубоким скептицизмом относительно возможности альтернативы.

Это заставило меня переосмыслить мою первоначальную реакцию на крах советской экономики («наконец-то этот глупый авторитарный режим перестал быть каким-то бременем для марксизма»). Однако была и обратная сторона. Советский пример стал подтверждением тезиса о том, что капитализм является единственно возможной формой развития, что капитализм не может иметь альтернативы. Когда был Советский Союз, такие радикалы, как я, могли говорить о том, что его недостаток — это отсутствие демократии. Однако этот пример демонстрировал возможность альтернативного развития общества и мира. Это была практическая демонстрация альтернативы. Кроме нее, мир никогда не имел практических примеров некапиталистической, посткапиталистической или антикапиталистической системы организации производства. Это делало возможность альтернативного пути предметом обсуждения. А недостатки советского общества могли быть устранены посредством демократизации всех его институтов.

Б.: А твой скептицизм относительно возможности более желательной альтернативы капитализму усилился?

Р.: Я бы не сказал, что мой скептицизм усилился. Я стараюсь приручить, окультурировать мой скептицизм. Я стараюсь думать об истинных причинах скептицизма, об институциональных формах, моделях альтернатив, что подрывает этот скептицизм. Особенно интересна теоретическая проработка вопроса об институциональных формах реализации социалистического идеала и ухода от того пути, который мы наблюдали в Советском Союзе.

Б.: Используешь ли ты при этом классический марксизм, его проект?

Р.: Это интересная проблема негативного отношения к социалистическому проекту Маркса. Я думаю, что у него был интереснейший проект альтернативы капитализму. Но в конце концов Марксово время — это иное время. Тогда не было действующей практической модели, ни одного общества, организованного на посткапиталистических принципах, которые Маркс мог бы проанализировать, если не считать Парижскую Коммуну. С тех пор мы имели опыт общественной реорганизации. В связи с этим встает вопрос, как вы можете убедить массу людей, попытаться с помощью революционной борьбы, чрезвычайно больших рисков, перестроить общество?

Маркс нашел прекрасное решение этой проблемы. Он попытался показать, что в конечном счете настанет время, когда капитализм сам перестанет быть подходящим типом общества, то есть в конце концов он разрушит себя сам. И это неизбежно. Внутренне присущее

капитализму противоречие между частным характером производственных отношений и все усиливающимся общественным характером производительных сил, противоречие, воплощенное в погоне за прибылью, делает капитализм неустойчивым. С другой стороны, наряду с этим будут усиливаться социальные субъекты, заинтересованные в альтернативе капитализму. Если будут два этих условия, тогда нетрудно поверить, что альтернатива возможна. Но Маркс не разработал работоспособной модели. Он только показал, что настанет время, когда капитализм не будет работать, тогда революционный рабочий класс, если он захватит власть, путем эксперимента сможет создать работоспособные институты.

Б.: В твоей интерпретации звучит так, что у Маркса это был просто риторический прием, научная идиома. Но в своей основе это была стратегия превращения социалистической альтернативы капитализму в реальную возможность.

Р.: Я думаю, что наука включает риторику. Но я не считаю, что моя интерпретация Маркса звучит таким образом. Хотя, действительно, Маркс стремился сформулировать научную теорию таким образом, чтобы показать невозможность дальнейшего развития капитализма.

Б.: Какую форму марксизма можно ждать в будущем? Что ты думаешь о возможности постмодернистского марксизма?

Р.: Я думаю, а не является ли тот марксизм, который я предлагаю, постмодернистским, поскольку он не претендует на унификацию (to totalize)? По крайней мере половина марксизма — это постмодернизм, отрицающий унифицирующую теорию. Но я также отвергаю и унифицирующий марксизм. Я не отвергаю реалистическую науку, этнологию...

Б.: Большое спасибо за интервью.

Пер. с англ. В. И. Ильина

Сведения об авторе

Буравой Майкл, доктор философии, профессор социологии, экс-президент Международной социологической ассоциации (МСА)

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 05.02.2026;
принята к публикации: 09.02.2026.

MICHAEL BURAWOY*International Sociological Association (ISA)*

THE PROBLEM OF CLASS IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY.

Michael Burawoy's Interview with Eric Olin Wright

Abstract. Eric Wright is a professor of sociology at the University of Wisconsin (Madison, USA). He received his PhD in 1976 and has been at the University of Wisconsin since then. Former president International Sociological Association (ISA). He is the author of several books. He is widely known in Western sociology for his empirical research on class structure in various countries, as well as his work in Marxist theory and social research methodology. This interview was conducted exclusively for Rubezh magazine by Michael Burovoy, professor of sociology and a member of the Rubezh editorial board.

Keywords: class, Marxism, sociology, modern society, gender and class relations

For citation: Burawoy M. The Problem of Class in Contemporary Sociology. Michael Burawoy's Interview with Eric Olin Wright. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 51–72. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.xc93-bd28; EDN: QHBDYG

Information about the author

Burawoy Michael, PhD, Professor of Sociology,
former president International Sociological Association (ISA)

Received: 29.01.2026;
revised after review: 05.02.2026;
accepted for publication: 09.02.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.d47x-ns95

EDN: KEOZGH

УДК 316(092)

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ЯРОШЕНКО

Независимая исследовательница

Санкт-Петербург, Россия

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ, ИЛИ ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИ (НЕ) ГОВОРЯТ О КЛАССАХ?

Комментарий к интервью М. Буравого с Э. О. Райтом

Аннотация. Интервью, взятое М. Буравым у Э. Райта, приглашает к размышлению о классовой структуре общества в марксистской традиции, предлагая разные варианты социологического решения. Догматическое прочтение классических работ марксистской парадигмы продолжает оставаться барьером для критического осмысления и тщательной эмпирической проверки проблемы классов отечественными социологами. В предлагаемом комментарии к интервью М. Буравого сделан акцент на трех ключевых моментах: причинах интереса к классам современного общества; противоречивых классовых позициях тех социальных групп, которые, будучи эксплуатируемыми, эксплуатируют других; значимости взаимодействия классовых и гендерных отношений.

Ключевые слова: класс, марксизм, социология, современное общество, гендерные и классовые отношения

Ссылка для цитирования: Ярошенко С. С. Публичная социология для профессионалов, или Почему современные социологи (не) говорят о классах? Комментарий к интервью М. Буравого с Э. О. Райтом // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 73–81. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.d47x-ns95; EDN: KEOZGH

В ответ на просьбу редколлегии журнала «Петербургская социология сегодня» подготовить мемориальные статьи о Майкле Буравом я предложила переиздать с моими комментариями несколько избранных текстов, которые можно отнести к жанру публичной социологии. Они были впервые опубликованы в альманахе социальных исследований «Рубеж» — журнале, создаваемом и развиваемом усилиями Владимира и Марины Ильиных более десяти лет, с 1991 по 2003 г., в Сыктывкаре. Для меня такая повторная публикация — это не только восстановление

«памяти» или возвращение забытых и, возможно, даже непрочитанных материалов широкой аудитории читателей другого социологического журнала, в другом российском регионе. Скорее моя задача заключается в том, чтобы попробовать их актуализировать в текущем контексте, в рамках явной или скрытой дискуссии внутри русскоязычного социологического сообщества о перспективах социальных изменений и роли социологов в них.

Тексты — уникальные, но отнюдь не канонические, устанавливающие некий образец или правила для профессионалов. Напротив, их авторы приглашают к размышлениям, раскрывая противоречия в классической марксистской традиции, предлагая разные варианты их социологического решения, проверяя теоретические положения в ходе проведенных ими эмпирических исследований, развивая полученные результаты в дискуссиях с коллегами и сомневаясь, что такого обсуждения достаточно. В то же время они отражают следующий виток развития академической социологии в ответ на очередной кризис марксистской традиции и вызовы западному марксизму, новым социальным движениям с неожиданной стороны: концом реального государственного социализма — того, что «было навсегда, пока не кончилось» [1], скепсисом относительно альтернатив капитализму, появлением неопитов с наивными интерпретациями классов, классовой борьбы и изменений в обществе.

Родовая травма российской социологии — догматическое прочтение классических работ, боязнь или страх их критического осмысления и тщательной эмпирической проверки — по-прежнему беспокоит и проявляется в разных форматах, вплоть до отказа от чтения неугодных, а потому еще и скучных работ. Для одних социологов выходом становится эклектический или постмодернистский синтез разных концепций, а для других — междисциплинарное смешение, где социология занимает второстепенные позиции. Однако необоснованное бегство в другое теоретическое направление или иное дисциплинарное поле с такими же предубеждениями и установками не позволяет стать профессиональной и преодолеть уничижительное отношение как к теоретическим достижениям предшественников и коллег, так и к смыслам, которые вкладывают в свои действия так называемые «обычные люди». Похоже, наступать на те же грабли стало привычным делом. При таком подходе и переход к изучению повседневных практик выглядит не прорывом, а лишь повторением ошибок прошлого, изобретением велосипеда и обретением синдрома Остапа Бендера, когда за плохую память лучше корить «классиков», а не самих себя. Так что, на мой взгляд, остаются неосвоенными уроки необходимости разворота к обществу, друг к другу,

к различным теоретическим подходам, позволяющим формировать профессиональную социологию в России и за ней. Это долгий путь в разных направлениях, одно из которых — актуализация устаревших работ. Выбранные мною тексты касаются ряда дискуссионных вопросов, важных для российских социологов: как стать профессиональными, стоит ли обращаться к «классу» и каким образом его определять, что изучать — потоки или места, как проявлять свою позицию... Поскольку в первую очередь интерес редакторов журнала вызвал лишь один из предложенных текстов, то я остановлюсь именно на нем.

В интервью Майкла Буравого с Эриком Олином Райтом, состоявшемся в середине 1990-х гг.¹, обсуждаются проблемы классов и особенности классового анализа в марксистском ключе. Будучи социологами-марксистами, оба довольно ответственно подошли к проверке своих любимых теорий в проводимых ими социологических исследованиях. Они прекрасно дополняли друг друга: один фокусировался на отношениях в процессе производства², а другой — на отношениях по поводу производства³, — проверяя возможности как этнографии, так и опросов в этом сложном деле. Поэтому интервью интересно тем, какие вопросы поднимает «интервьюер», как на них отвечает «респондент», какие темы становятся сквозными и дискуссионными. Я затрону только три важных момента.

Классы и классовая борьба

Причины интереса к классам современного общества Эрик Райт связывает с необходимостью разработки альтернативной концепции классовой структуры, которая определяет классовый конфликт и концептуализация которой необходима для создания проверяемой на практике теории социальных изменений.

В итоге Э. Райт около пятнадцати лет разрабатывал теоретический каркас «классовой структуры». Он исходил из того, что споры вокруг потенциала рабочего класса как коллективного агента, способного продвигать преобразования в обществе, во многом определяются

¹ Впервые русский перевод данного интервью опубликован в журнале «Рубеж» за 1995 г., № 6–7. Интервью печатается повторно с любезного разрешения Марины и Владимира Ильиных. Я признательна им обоим, а также благодарю редакторов журнала «Петербургская социология сегодня» за содействие в его подготовке к печати.

² См., например: *Burawoy M. Manufacturing consent.* — Chicago: University of Chicago press, 1979; *Burawoy M. The politics of production.* — London: Verso, 1985.

³ См., например: *Wright E. O. Interrogating inequality. Essays on class analysis, socialism and Marxism.* — New York: Verso, 1994; *Wright E. O. Class counts. Comparative studies in class analysis.* — Cambridge: University press, 1997.

различными представлениями о классах и разными способами их определения. Поэтому он потратил немало времени, чтобы доступно изложить особенности марксистских определений классов, зафиксировать их общие и отличительные черты с другими подходами, в частности веберовским, чтобы надежно укоренить марксистский классовый анализ в социологической концепции классовой структуры и решить затем вопрос о том, как его привязать к изучению индивидуальных характеристик классового положения.

Райт стремился развить классовый анализ таким образом, чтобы сделать «класс» независимой переменной и изучать его воздействие на различные социальные феномены. В своих изысканиях он четко обозначил несколько базовых положений марксистской концепции классов. *Во-первых*, классы определяются через отношения друг к другу, а не просто через градицию материальных условий. *Во-вторых*, классы характеризуются с точки зрения социальной организации экономических отношений и того, как люди распоряжаются экономическими активами (assets), или ресурсами. *В-третьих*, классы устанавливаются в процессе производства, а не обмена. *Наконец*, ключевое слово — «эксплуатация». В интервью он подробно поясняет, почему оно важно.

После стольких лет Эрик Райт по-прежнему настаивал на связи марксистской концепции класса с антагонистическими классовыми отношениями, но их противостояние проявляется не в поляризации классов, а в конкретном способе формирования материальных интересов⁴ людей: эксплуатации, связанной с отношениями исключения и доминирования. Так что при изучении классов сегодня необходимо учитывать то, как и при каких условиях «активы» (ресурсы) накапливаются или распределяются на разных уровнях⁵. И социальная организация классовых отношений, влияющая на накопление капиталов у индивидов или групп, довольно запутанна.

⁴ В 1990-е гг. он трактовал материальные интересы довольно широко как баланс трудовых усилий, потребления и отдыха (Wright 1997: 5). В своей последней работе «Как быть антикапиталистом в XXI веке» он уточнял, что интересы также относятся к тому, что делает жизнь лучше, исходя из измерения, важного человеку. См.: *Wright E. O. How to be anti-capitalist in the 21st century.* — New York: Verso, 2019. Ch. 6.

⁵ Например, в совместной статье с Татьяной Лыткиной мы рассматривали практики природопользования в Северном регионе и отношение местных жителей к природным ресурсам. См.: *Лыткина Т. С., Ярошенко С. С.* Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы // *Экономическая социология.* 2023. Т. 24, № 5. С. 93–127. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-93-127. Дальнейший анализ доступа местных и коренных жителей к материальным и социальным средствам, необходимым для благополучия, см.: *Лыткина Т. С.* Дефицит локальной гражданственности и миграционный отток севера // *Мир России.* 2026. Т. 35, № 1. С. 81–105. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-81-105.

*Средние классы
и противоречивые классовые позиции*

Обращение Э. Райта к средним классам является развитием более сложного представления о классах и поиском причинных механизмов в классовых отношениях, влияющих на формирование классовой идентичности, материальных интересов и классового сознания. Это и реакция на исторические изменения в мире работы, и попытка придать «теоретический статус» непролетарским работникам в классовой структуре. Тем самым он выходил за рамки поляризованного представления о классах при капитализме с ясным убеждением, что именно классовая структура является основанием индивидуального действия и общественного развития.

К трем основным классам: капиталисты, наемные работники и мелкая буржуазия, — добавляются промежуточные позиции. Исходя из этого Эрик Райт разработал понятие *«противоречивых классовых позиций»* тех, кто тяготеет к разным классам: менеджеров, высокообразованных профессионалов и автономных работников (самозанятых), а также наемных работников непроектной сферы. Все они напрямую связаны с оплачиваемой работой, занимают двойственное положение «эксплуатируемых» и «эксплуатирующих». Его интересовал вопрос о том, при каких условиях люди, находящиеся в таком промежуточном положении, встают на сторону рабочего класса.

По мнению Майкла Буравого, он никогда не рассматривал такие средние классы в качестве исторической силы [2]. И все же, на мой взгляд, результаты его исследования средних классов, реализующих возможности восходящей мобильности, поднимают важную проблему оснований для формирования коллективных акторов. Однако изучать бедных, особенно тех, кто вытесняется из общества, у Райта не было возможности, и он сам обращал внимание на ограничения доступных статистических и опросных данных. Тогда как наши исследования среди испытавших нисходящую мобильность рабочих и зарегистрированных бедных в северном российском регионе показывали, что ситуация ухудшается, круги исключения расширяются и что для понимания наблюдаемой социальной динамики необходимо развернуться к изучению трудящихся и прежде всего рабочего класса, вынужденного продавать рабочую силу в условиях снижения статуса [3].

Немаловажно также подчеркнуть, что концепция противоречивых классовых позиций не только усложняет классовую структуру, но и усиливает внимание к индивидуальным характеристикам классового положения.

Класс и гендер

Значимость взаимодействия классовых и гендерных отношений при формировании индивидуальной идентичности является следующей важной темой, поднимаемой в интервью. Довольно схематично, но весьма убедительно Райт раскрывает свой вариант учета индивидуальных характеристик в классовом анализе протекающих социальных процессов⁶. На этот раз в фокусе его анализа вовлечение женщин в рынок труда и наличие двух работающих в домохозяйстве. Он задается вопросом о том, как влияет и влияет ли классовое положение (class location) на субъективное определение индивидом своей классовой позиции. И решение он находит через концептуализацию «опосредованной классовой позиции» при определении классовой идентичности замужней женщины.

Э. Райт утверждал, что прежде всего социальные отношения внутри семьи представляют собой важный механизм непрямой (опосредованной) связи с классовой структурой: поскольку семьи — единицы потребления, то классовые интересы акторов частично проистекают из совокупных материальных и социальных ресурсов, контролируемых не только лично, но и другими членами семьи. По его мнению, измерение классовой структуры путем введения разделения на «прямые» и «опосредованные» классовые отношения позволяет связать марксистский классовый анализ с анализом гендерных отношений без подчинения одних отношений другим.

В ходе анализа данных опросов выяснилось, что шведские замужние работающие женщины по сравнению с американскими вносят больший вклад в семейный доход, но в обеих странах размер вклада женщин в семейный бюджет не влияет на их классовую идентичность. Кроме того, оказалось, что опыт оплачиваемой работы имеет значение, но это верно для шведских, но не американских женщин: чем больше времени шведские женщины проводят на рабочем месте, тем выше вероятность их идентификации с рабочим классом. Для Райта это стало аргументом в пользу утверждения о том, что при формировании классов в шведском обществе большую значимость имеет опыт, полученный на рабочем месте. В неформальном обсуждении результатов сравнительного исследования Майкл Буравой предложил развернуть это утверждение, предположив, что центральный контраст между Швецией и США может быть между обществом, в котором класс оказывает в основном влияние через работу, и обществом,

⁶ Более подробно см.: *Wright E. O. Class counts. Part III: Class and gender.* — P. 239–369.

в котором класс преимущественно влияет через потребление. И, таким образом, учесть влияние национальных контекстов на формирование классового сознания. К сожалению, результаты опроса в России он не стал использовать в анализе, а в интервью подробно раскрываются причины тому... Но можно почитать то, с какими вызовами сталкиваются одинокие матери в России [4].

В целом объяснения различий между США и Швецией, согласно интерпретациям Э. Райтом результатов его эмпирических исследований в разных странах, находятся в ряду институциональных и исторических факторов: природа «политик производства» внутри различных обществ, в формах артикуляции глобальной политики на уровне цеха, степень коллективной организации рабочих, а также недооценка умений, необходимых для так называемой «женской работы».

Подводя краткий итог, можно сказать, что все три момента: особенности марксистской концепции класса с фокусом на эксплуатацию, появление противоречивых классовых позиций на рабочем месте, а также взаимосвязь классовых и гендерных отношений в домашнем хозяйстве, в формах самоорганизации и взаимопомощи — то, что волновало и будет волновать социологов при капитализме. Почему российские социологи об этом не говорят или говорят, избегая марксистскую интерпретацию класса, — это интересный вопрос, на который пока у меня нет однозначного ответа. Возможно, что это следствие упомянутой выше «родовой травмы», возможно, так отражается через поколения память о классовой борьбе в истории нашей страны. И, вероятно, это уже борьба парадигм⁷, на которую так надеялся Эрик Райт, мешая российским социологам говорить о классах, материальных интересах и классовой идентичности. Несомненно, оптика восприятия общества меняется, но результат этих изменений будет заметней, когда жизнь человека, своя жизнь и жизни других людей, будут в фокусе нашего внимания.

Источники

1. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева. — Пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.: ил.

⁷ О запросе на смену парадигм в социологии свидетельствуют, в частности, дидактические рассуждения о разных поворотах: прагматическом, интерсекциональном... См., например: Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008; Тёмкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 5. С. 15–38.

2. *Burawoy M.* A tale of two Marxisms // Burawoy M., Seidman G. (ed.). Engaging Eric Olin Wright. Between class analysis and real utopias. — New York: Verso, 2024. — P. 15–48.

3. *Лыткина Т., Ярошенко С.* Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России: Социология, этнология. — 2019. — № 28. — С. 101–123. — DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123> EDN: УУАННН

4. *Лыткина Т., Ярошенко С.* На пересечении гендера и класса: Как одинокие матери организуют повседневную жизнь в постсоциалистической России // Социологические исследования. — 2021. — № 11. — С. 61–72. — DOI: 10.31857/S013216250017574-4

Сведения об авторе

Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук, независимая исследовательница, Санкт-Петербург, Россия.
svetayaroshenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2301-9172,
SPIN: 7690-4451, Author_ID 121756,
ResearchID N-4603-2013

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 05.02.2026;
принята к публикации: 09.02.2026.

SVETLANA S. YAROSHENKO

Independent researcher

St. Petersburg, Russian Federation

PUBLIC SOCIOLOGY FOR PROFESSIONALS, OR WHY CONTEMPORARY SOCIOLOGISTS (DON'T) TALK ABOUT CLASS. COMMENTARY ON M. BURAWOY'S INTERVIEW WITH E. O. WRIGHT

Abstract. M. Burawoy's interview with E. Wright invites reflection on the class structure of society in the Marxist tradition, offering various sociological solutions. It is noted that a dogmatic reading of classic works within the Marxist paradigm continues to be a barrier to critical understanding and thorough empirical testing of the class problem by Russian sociologists. This commentary on M. Burawoy's interview emphasizes three key points: the reasons for interest in classes in

contemporary society; the contradictory class positions of those social groups that, being exploited, exploit others; and the significance of the interaction between class and gender relations.

Keywords: class, Marxism, sociology, modern society, gender and class relations

For citation: Yaroshenko S. S. The Problem of Class in Contemporary Sociology. An Interview with Erik Olin Wright and a Commentary “Public Sociology for Professionals, or Why Contemporary Sociologists (Do Not) Talk About Class?”. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 73–81. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.d47x-ns95; EDN: KEOZGH

References

1. Yurchak A. *It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation*. Foreword by A. Belyaev, Translated from English. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozrenie, 2014, 664 p., ill. (In Russ.)
2. Burawoy M. A tale of two Marxisms. *Engaging Eric Olin Wright. Between class analysis and real utopias*. Burawoy M., Seidman G. (eds.). New York, Verso, 2024, pp. 15–48.
3. Lytkina T., Yaroshenko S. Is Sociology Possible for the Working Classes Today? *Mir Rossii: Sociology, Ethnology*. 2019, no. 28, pp. 101–123. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123 EDN: YYAHHF. (In Russ.)
4. Lytkina T., Yaroshenko S. At the Intersection of Gender and Class: How Single Mothers Organize Everyday Life in Post-Socialist Russia. *Sociological Studies*. 2021, no. 11, pp. 61–72. DOI 10.31857/S013216250017574-4. (In Russ.)

Information about the author

Yaroshenko Svetlana S., Candidate of Sociology,
independent researcher,
St. Petersburg, Russian Federation.
svetayaroshenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2301-9172
SPIN: 7690-4451

Received: 29.01.2026;

revised after review: 05.02.2026;

accepted for publication: 09.02.2026.

ДАННЫЕ, МЕТОДЫ, МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.hs48-kb14

EDN: ZSBWED

УДК 303.6

ВЕРОНИКА ВИТАЛЬЕВНА СИМОНОВА

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Санкт-Петербург, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТ С СУБЪЕКТИВНЫМ ВОСПРИЯТИЕМ ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОГО КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (ОПЫТ УЧЕБНОГО ПРОЕКТА)

Аннотация. Социология и антропология времени стала классической сферой в социальных науках, однако эксперимент как способ получения новых данных о времени как о «социальном факте» (не психологическом) до сих пор не был оценен по достоинству. В статье представлены результаты социологического эксперимента, проведенного среди различных типов семей в Ботаническом саду Петра Великого РАН. Исследование показало, что семьи проводят в Ботаническом саду Петра Великого РАН больше времени, нежели им кажется. Разница между представлением и реальностью пропорциональна проведенному времени, не является фиксированной величиной. Результаты эксперимента открывают новые перспективы для фундаментального осмысления времени как социального опыта, а также могут быть практически применены при корректировке и планировании досуговых программ в Ботаническом саду Петра Великого РАН. По-видимому, результаты могут быть экспортированы в другие контексты культурного потребления.

Ключевые слова: время, социальное время, восприятие, культурное потребление семьи, социологический эксперимент,

Ссылка для цитирования: Симонова В. В. Эксперименты с субъективным восприятием времени в контексте семейного культурного потребления (опыт учебного проекта) // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 82–95. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.hs48-kb14; EDN: ZSBWED

Введение

«*Время — только особый вид пространства*», — сформулировал Герберт Джордж Уэллс в своем знаменитом произведении «Машина времени». Это произведение стало своеобразным «must have»¹ в библиотеке подростка поколения X и его родителей. Путешествия во времени завораживали, и массовая культурная индустрия отвечала на эту интеллектуально-развлекательную моду. Возможность попасть в прошлое или увидеть будущее была одним из ключевых трендов в фантастической литературе и кинематографии начиная с 1980-х (возникновение тренда произошло гораздо раньше).

Я впервые познакомилась с феноменом переживания прошлого как этноисторического наследия более двадцати лет назад. Мода на повседневное экспериментирование с прошлым этнокультурной группы, к примеру, стало частью повседневного восприятия этнокультурной идентичности изучаемых мной групп коренных малочисленных народов Севера [1]. Однако в современном мире тенденции размышлений о времени в общественном сознании изменились в сторону не путешествия во времени, но управления таковым, что отражается не только в индустрии культуры, но и в попытках уловить это явление.

Если путешествие во времени есть некое пассивное освоение времени как пространства, то управление временем — человекоцентричный процесс, где время подчинено чему-то другому. Не человек пребывает во времени (движение человека), но время пребывает в человеке (движение времени), а навык им управлять дает возможность более насыщенной жизни или же продленной молодости (приостановленной старости).

Именно эти изменения в массовой культуре в отношении времени как некоей координаты, как динамичной части природы человека, и натолкнули меня на мысль об изучении субъективного восприятия времени социологическим экспериментальным способом в Ботаническом саду Петра Великого БИН РАН².

Эксперименты со временем стали частью более масштабного социологического исследования, которое проводила команда исследователей и студентов департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук. Проект в целом был направлен на изучение практик культурного потребления семьи в Ботаническом саду Петра Великого

¹ Must have — пер. с англ. «обязательно должно быть», в английской версии стало крылатым выражением.

² Полное название: Ботанический сад Петра Великого Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН.

РАН и охватывал широкий спектр вопросов и методик. Моей задачей в рамках этого исследования было смоделировать социологический эксперимент, который бы позволил получить новое знание о субъективном восприятии времени семьей как единицей анализа в контексте культурного потребления особого толка: Ботанического сада Петра Великого РАН.

Время как предмет социальных наук

Время как фундаментальная категория человеческой жизни и как предмет интереса социальных ученых давно стало классикой. Существуют целые направления в социологии и социальной антропологии, известные как социология и антропология времени. Эти направления задают уникальный методологический вектор для научного осмысления различных социальных процессов и явлений. Социологическое понимание времени уходит корнями в классическую социологию и известно практически с момента возникновения этой области науки, точнее, с ее уверенного введения в поле академических дисциплин Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). Именно с этого момента время стало рассматриваться не просто как категория мышления, но как коллективное явление и «социальный факт» [2].

Георг Зиммель дал следующее определение времени как области социального: «Время представляет собой, вероятно, абстрактную форму сознания того, чем является жизнь в невыразимой, лишь переживаемой непосредственной конкретности. Время есть жизнь в отвлечении от ее содержания, поскольку лишь жизнь из вневременной точки настоящего по двум направлениям трансцендирует любую действительность и тем самым реализует временную длительность, т. е. само время» [3, с. 14]. Время, таким образом, становится социальной категорией, институтом социальной жизни и подчиняется ее законам.

Питирим Сорокин и его ученик, Роберт Мертон, рассматривают социальное время как нечто противоположное абсолютному ньютоновскому времени, определенному в работе «Математические начала натуральной философии» как существующее само по себе, вне отношений к чему-либо, протекающее само по себе и обозначенное иначе как длительность [4].

Помимо абсолютного времени, Ньютон выделял и относительное время — по своей сути меру, зависимую от наблюдателя (секунда, неделя и т. п.). Казалось бы, социальное время имеет больше общего с ньютоновским относительным, но это весьма иллюзорный вывод.

Социальность времени подразумевает зависимость времени от культуры, социальных норм и представлений, не в последнюю очередь верований и религиозных убеждений. Социальное время — реальность совсем иного порядка, которой подчинена реальность первого порядка — в нашем случае реальность ньютоновского времени. Качество социального времени отличается от качества времени абсолютного и относительного.

Латыпов и Дутова (2024) рассматривают социологические концепции времени в их приложении к осмыслению жизненного пути индивида. Ссылаясь на теоретиков социального времени, таких как Гурвич, Зерубавель, Урри, Адам [5, 6, 8, 9], они наглядно демонстрируют методологическую эволюцию социологии времени, которая проходит свой путь от типологии времен и их конфликтов на арене взаимодействия различных групп и исторических периодов [5] через отказ от логики дихотомий и перехода к временному плюрализму [6], который подчиняется следующей закономерности: последовательность, продолжительность, расположение во времени и частота повторения [7]. Наконец, авторы приходят к следующему выводу о методологии социального времени: «Современные исследования времени разнообразны. Они направлены на выделение глобальных темпоральных изменений в обществе и на прояснение более локальных и более конкретных темпоральных перспектив. Новые технологии порождают новые типы времени, изменяют возможности и ограничения мобильности, передачи информации. Время зависит от технологии подсчета, потому единого времени больше не существует, есть многообразие времен. Есть разные режимы времени, обладающие разнообразными потенциалами по преобразованию физического и социального мира» [7, с. 18]. Далее авторы приводят ключевую цитату Урри³ о том, как стоит методологически подходить ко времени: «Глобально Урри пишет о двух видах времени в современном мире: мгновенное время и время ледниковое [8, с. 179].

Понятие «мгновенное время» используется для описания интенсивности и скорости социальной коммуникации и передачи информации, которые связаны с развитием технологий. Линейная логика часового времени заменяется синхронностью, стираются границы между днем и ночью, работой и домом. Мгновенному времени Урри противопоставляет «ледниковое время», которое медленно, неповоротливо и больше соответствует «природной скорости». Изменения в этом времени

³ Урру — правописание фамилии ученого должно выглядеть на русском языке как Арри. Однако ошибка двух декад уже стала разделяться как норма, поэтому я следую общеузнаваемой тенденции письменного перевода фамилии ученого.

становятся видимыми порой через поколения. Это время связывается с экологическими и природными изменениями, в которых участвует человек, и в связи с которыми «человек должен проявлять терпение и осторожность» [8, с. 226].

В этой цитате загадочной остается «природная скорость», которая представляет собой весьма коварную ловушку. Сам Урри под этим подразумевает не столько «скорость», сколько «ускорение» движения информации, товаров, людей и вещей в целом. Однако, если мы сфокусируемся на ускорении как сокращении времени движения всего вышеперечисленного, то столкнемся с техническим явлением, уводящим нас от понимания времени как социальной категории. Если же мы рассмотрим «ускорение» как социальные трансформации институтов, зависимых от сокращения времени перемещений, то упустим основу понимания времени как социального факта.

Барбара Адам [9] в рамках общего подхода «экологии времени» предлагает концепцию «временных следов» [timeprints], которая является эквивалентом так называемых экологических следов [ecological footprints]. Эта концепция связана с другой ее концепцией — временного ландшафта [timescape]. Обе они предназначены для более осторожного подхода к научному знанию о том, как стоит операционализировать окружающую среду. Когда понимание нашего таймпринта применяется к экологическим вопросам и проблемам, то мы предпринимаем первые шаги по операционализации ландшафта времени и нашего будущего [9, с. 8]. Управление временем у Адам связано с управлением текущими концепциями будущего с учетом опыта управления другими концепциями будущего в прошлом путем анализа следов этих концепций, которые проявили себя в экологии и ландшафте.

Управление временем есть управление концепциями времени, следами опытов, опирающихся на концепции времени: операционализацию мгновения и «ледниковой стены». Коллективное осознание этого есть не что иное, как временная граница как социальный факт между социальными и этнокультурными группами. Машина времени в этом случае есть сам человек как часть группы, который генерирует время через субъективное восприятие и опыт. В нашем случае человек как часть семьи не маркирует свое время как черту особого рода, отделяющую его от других⁴, однако субъективно он ее переживает.

⁴ Например, в некоторых районах буряты пользуются исключительно лунным календарем и осознанно маркируют эту практику как отличную от других групп. Коллективный опыт времени становится маркером этнокультурной границы.

Результаты исследования

Основной исследовательский вопрос эксперимента заключался в поиске тенденции субъективного переживания времени в контексте культурного потребления экспозиций Ботанического сада Петра Великого РАН. Кратко поясним суть эксперимента.

Эксперимент как способ сбора новых данных является основным методом в естественных и точных науках, но в социальных его статус не так однозначен. Эксперимент обрел свой звездный час в социальной психологии с 1960-х, в частности, в знаменитых экспериментах Стенли Милгрэма [10] и других социальных психологов, изучающих влияние группы на поведение и реакции индивида. Однако в социологии и социальной антропологии эксперимент очень слабо распространен. Незаметность эксперимента объясняется в первую очередь этическими соображениями, а во вторую — сложностью его моделирования.

Создание сценария эксперимента означает огромную инвестицию в гипотезу конкретного ученого, инвестицию, которая может впоследствии не окупиться. Разумеется, всегда можно предложить модель на основе уже успешных экспериментов. Например, кризисные эксперименты Гарольда Гарфинкеля всегда будут работать [11]. Можно их корректировать по-разному, но суть останется прежней: мы нарушим устойчивый социальный порядок, чтобы посмотреть, как люди его усердно восстановят, и опишем способы, к которым они прибегнут. Мы, безусловно, получим огромное удовольствие от того, что социальная реальность на наших глазах будет разыграна как по нотам, сообразно научной концепции, и порядок этих нот мы выбираем сами. Это полезное упражнение для студентов, особенно на ранних курсах. Однако новое знание мы вряд ли приобретем. А это значит, что эксперимент в социологии и социальной антропологии воспринимается либо как образовательная игра, либо как рискованное предприятие.

В нашем случае эксперимент был рискованным предприятием, с самого начала выглядел как образовательная игра. Соответственно, риск потерь был сглажен, а шанс получить новое знание был весьма привлекателен. Мы не ставили слишком амбициозных задач: нашей основной целью стало определение тенденции (или ее отсутствия) в субъективном восприятии времени семьей в контексте культурного потребления Ботанического сада Петра Великого РАН.

Дизайн эксперимента выглядел следующим образом: мы распределили посетителей по типам семей / домохозяйств и присвоили каждому типу определенный цвет (табл. 1).

Таблица 1

Цветовая классификация карточек эксперимента по типам семей

Цвет	Описание
Красный	1 родитель + ребенок / дети
Оранжевый	2 родителя + 2 и более детей
Желтый	2 родителя + 1 ребенок
Зеленый	Межпоколенная семья (бабушки / дедушки)

Поясним, что под «родителем» мы понимали взрослых, сопровождающих ребенка или детей в данном посещении. Например, могла прийти мать с сестрой, но в нашей классификации эта семья попадала под тип нуклеарной (желтый). Фактически мать могла быть не замужем или жить в браке, но в данный момент отец / муж их не сопровождал. То есть тип семьи — это скорее тип сопровождения, который образовался в контексте культурного потребления в Ботаническом саду Петра Великого РАН ради досуга ребенка здесь и сейчас. По той же логике межпоколенная семья обязательно состояла из представителя старшего поколения, и не важно, была ли это родная бабушка или же пожилая тетя или возрастной друг семьи.

Эксперимент проводился в закрытых помещениях музея и оранжереи Ботанического сада Петра Великого РАН в марте 2025 г. Мы учитывали, что среднее время посещения музея и оранжереи отличается (музей занимает меньше времени, что экспериментально подтвердилось), и выстроили логистику эксперимента сообразно этому отличию (см. рис. 1).

Алгоритм эксперимента был следующим: к карточке определенного цвета прикреплялась короткая анкета-паспортчика. Посетителям предлагалось ее заполнить и пройти выбранный ими маршрут. После посещения музея или оранжереи карточку с анкетой возвращали. Ключевым фактом было выделение экспериментальной и контрольной групп. Экспериментальной группе говорилось «не смотреть на часы» во время движения, а контрольной не говорилось ничего. Каждая третья испытуемая семья попадала в контрольную группу. В конце маршрута интервьюер спрашивал: «Как вы думаете, сколько времени вы провели на маршруте?» Ответ фиксировался на анкете, и одновременно записывалось фактическое время пребывания семьи в оранжерее или музее. Всего в эксперименте участвовало 50 семей, из них оранжевых — 9, желтых — 12, зеленых — 10 и красных — 19 (рис. 2).

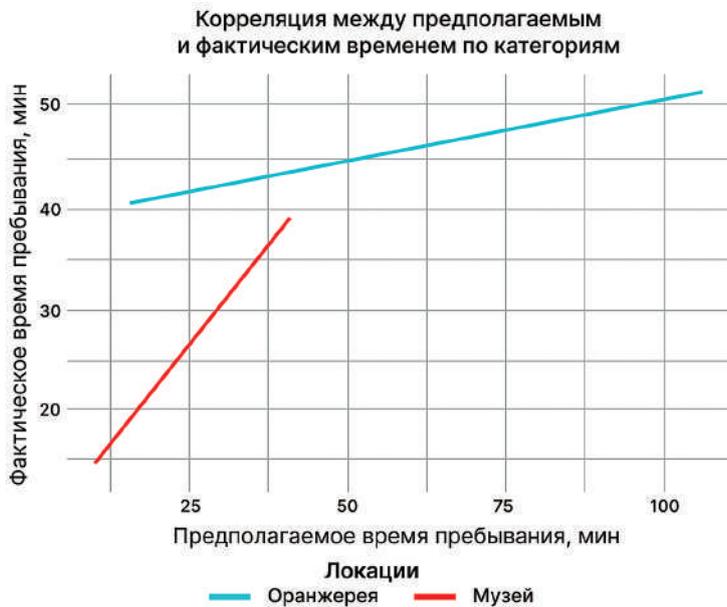

Рис. 1. Корреляция между предполагаемым и фактическим временем в минутах в музее и оранжерее Ботанического сада Петра Великого РАН (смоделировано А. Гильмутдиновым)

Рис. 2. Структура посетителей

Результаты эксперимента обнаружили несколько тенденций. Первая обозначена на рис. 3, где видна сильная положительная корреляция между предполагаемым (assumption) и фактическим (fact) временем пребывания на маршруте в Ботаническом саду Петра Великого РАН. То есть чем дольше семья была на маршруте, тем больше было предполагаемое время.

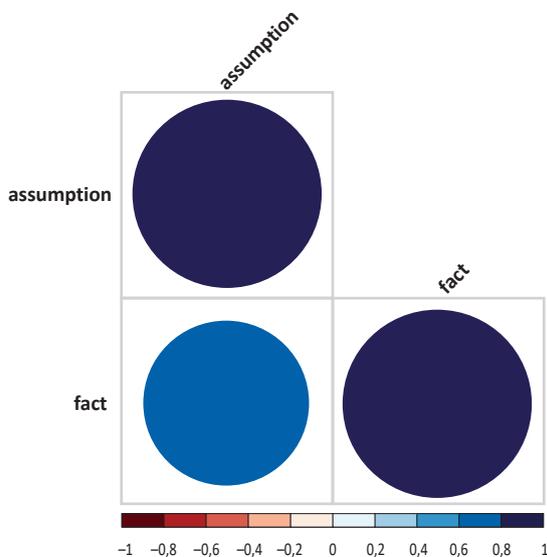

Рис. 3. Корреляция между предполагаемым и фактическим временем пребывания посетителей

Следующая тенденция продемонстрировала общую корреляцию между предполагаемым и фактическим временем, характерную для всех типов семей и групп: предполагаемое время пребывания на маршруте было меньше фактического. Ни один респондент не продемонстрировал обратного результата. Это значит, что мы имеем дело с абсолютной тенденцией, касающейся одной из фундаментальных сторон человеческого опыта — времени.

Далее, тенденция превышения фактического времени показала свойства пропорциональности. Предполагаемое время сокращалось не на конкретную единицу (например, на 10 мин.), но пропорционально фактическому. Например, в среднем, если семья проводила 40 мин. в оранжеее, предполагаемое время было 30 мин., если 20 мин. в музее,

то предполагаемое время было 15 мин.). В среднем речь идет об одной трети или четверти разницы затрат времени.

На рис. 4 видно, как экспериментальные и контрольные группы (слева) соотносятся друг с другом. К сожалению, оранжевый тип не попал в контрольную группу.

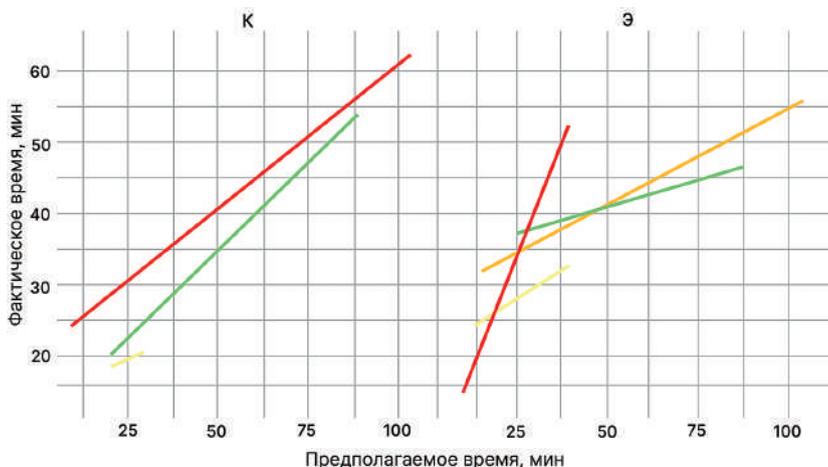

Рис. 4. Соотношение между предполагаемым и фактическим временем у экспериментальной (э) и контрольной (к) групп по типам семей⁵

Если мы посмотрим на красную линию, то увидим, что в экспериментальной группе она более резкая, а это значит, что с каждым предположением отдаляется от реального времени. То есть чем резче линия, тем больше «ошибка» в интерпретации информантов о длительности проведенного времени на маршруте.

Наибольший интерес на этом графике представляют межпоколенные семьи (зеленая линия): в экспериментальной группе линия имеет менее резкий наклон. Это значит, что субъективное и фактическое время семей с пожилыми сопровождающими ближе друг к другу, чем у остальных. Однако в контрольной группе этой разницы нет. Значит ли это, что просьба «не смотреть на часы» повлияла так, что пожилые решили слухавить, чтобы соответствовать норме, что в их понимании есть адекватное чувство времени, т. е. когда субъективное

⁵ Смоделировано А. Гильмутдиновым.

переживание сопоставимо с фактической длительностью, или дело еще в чем-то?

Так или иначе, эксперимент дал уникальный результат. Теперь мы достоверно знаем, что субъективное восприятие времени меньше реального. Стоит отметить, что во время презентации результатов исследования на научной конференции представитель Ботанического сада Петра Великого РАН отметила, что теперь ей понятны причины негодования части посетителей сада, которые жаловались на то, что экскурсии хорошие, но очень короткие, тогда как минимальное время экскурсии составляет 40–50 минут. Посетители воспринимали это время как короткое, соответствующее двадцати — двадцати пяти минутам.

Выводы

Итак, в нашем случае интеллектуальные инвестиции в эксперимент по изучению субъективного восприятия времени семьей в контексте культурного потребления в Ботаническом саду Петра Великого РАН дали свои плоды. Эксперимент продемонстрировал тенденцию в восприятии времени: люди думают, что проводят в среднем на треть (четверть) меньше времени, чем на самом деле. Мы имеем дело с фундаментальным принципом восприятия времени в контексте культурного потребления посетителей Ботанического сада Петра Великого РАН.

В ходе проведенного эксперимента цель достигнута: мы выявили тенденцию, описали ее, теперь нужно ее изучать, возможно, другими способами, а возможно, другим экспериментальным алгоритмом. Что эта тенденция может значить, является ли она зависимой от сезона, социальной группы или еще каких-либо факторов? Можем ли мы по восприятию времени изучать социальный порядок и иерархии именно в Ботаническом саду Петра Великого РАН и за его пределами? Возможно ли, что Ботанический сад является уникальной и прекрасной хронотопной лабораторией, в которой можно тестировать социальные процессы разного толка посредством изыскания восприятия времени разными людьми и группами? Все эти вопросы возникли благодаря тому, что эксперимент помог увидеть системность в восприятии времени в определенном контекстуальном срезе и принять ее как одну из фундаментальных частей социальной реальности.

Источники

1. Симонова В. В. Культура как машина времени: интерпретация пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2006. — Т. 9, № 3. — С. 110–128.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гоффмана; примеч. В. В. Сапова. — М.: Канон, 1996. — 432 с. — (История социологии в памятниках).
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. — М.: Юрист, 1996. — 607 с. — (Лики культуры).
4. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. и коммент. А. Н. Крылова. — М.: Наука, 1989. — 688 с.
5. Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. — Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1964. — 152 p.
6. Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. — Chicago; London: The University of Chicago Press, 1981. — 201 p.
7. Латышов И. А., Даутова Т. Е. Социологические концепции времени в исследованиях жизненного пути // Социологические исследования. — 2024. — № 10. — С. 15–24. — DOI: 10.31857/S0132162524100023; EDN: NVRUOP.
8. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с. — (Социальная теория).
9. Adam B. Of Timescapes, Futurescapes and Timeprints. 2008. — URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=57c02886201ab5de160be7461638b9c39cb66781> (access date: 06.05.2024).
10. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль : Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2025. — 316 с.
11. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. — 288 p.

Сведения об авторе

Симонова Вероника Витальевна, кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН Санкт-Петербург, Россия.
vvsimonova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1167-7589
SPIN: 4921-4981

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 02.02.2026;
принята к публикации: 04.02.2026.

VERONIKA V. SIMONOVA

HSE University,

Sociological Institute of FCTAS RAS,

St. Petersburg, Russian Federation

**AN EXPERIMENT
ON THE SUBJECTIVE PERCEPTION OF TIME
IN THE CONTEXT OF FAMILY CULTURAL
CONSUMPTION
(A TEACHING CASE STUDY)**

Abstract. Sociology and anthropology of time has become a classic field in social sciences at large; yet, experiment as a method to obtain a new data about time as a ‘social fact’ has been underestimated. This paper presents the results of a sociological experiment conducted among various family types within the context of their cultural consumption of the environment of the Botanical garden of Peter the Great. Finally we examined that families spend more time in the garden than they think they do. The differences between perceived and actual time is proportional, and is not a fixed value. This paper examines new perspectives for the theoretical and fundamental approach to time as a social experience and also allows a practical implementation: the results discussed can be employed for recreative program design in the Botanical garden and perhaps in other broader contexts of cultural consumption.

Keywords: time, social time, perception, cultural consumption of families, sociological experiment, Botanical garden of Peter the Great

For citation: Simonova V. V. The beautiful time machine: experiments with a subjective perception of time by families in the context of cultural consumption (case study project). St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 82–95. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.hs48-kb14; EDN: ZSBWED

References

1. Simonova V. V. Kul'tura kak mashina vremeni: interpretatsiya prostranstva [Culture as a time machine: Interpretation of space]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*. 2006, no. 9 (3), pp. 110–128. (In Russ.)
2. Durkheim É. *De la division du travail social*. Transl. from French by A. B. Gofman, comment. by V. V. Sapov. Moscow, Kanon, 1996, 432 p. (In Russ.)
3. Simmel G. *The View of Life. Selected Works*. Moscow, Jurist, 1996, 607 p. (In Russ.)
4. Newton I. *Philosophiae naturalis principia mathematica*. Transl. from Latin and comment. by A. N. Krylov. Moscow, Nauka, 1989, 688 p. (In Russ.)
5. Gurvitch G. *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht, D. Riedel Publishing Company, 1964, 152 p.

6. Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1981, 201 p.

7. Latypov I. A., Dautova T. E. Sotsiologicheskie kontseptsii vremeni v issledovaniiakh zhiznennogo puti [Sociological concepts of time in life course studies]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2024, no. 10, pp. 15–24. DOI: 10.31857/S0132162524100023; EDN: NVRUOP. (In Russ.)

8. Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. Transl. by D. Kravechkin. Moscow, HSE, 2012, 336 p. (In Russ.)

9. Adam B. *Of Timescapes, Futurescapes and Timeprints*. 2008. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=57c02886201ab5de160be7461638b9c39cb66781> (access date: 06.05.2024).

10. Milgram S. *Obedience to Authority: An Experimental View*. Moscow, Alpina non-fiction, 2025, 316 p. (In Russ.)

11. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1967, 288 p.

Information about the author

Simonova Veronika V., Candidate of Sociology,
Associate professor, HSE University;
Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation.
vvsimonova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1167-7589
SPIN: 4921-4981

Received: 08.12.2025;
revised after review: 02.02.2026;
accepted for publication: 04.02.2026.

ОЧЕРКИ, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.5nr6-ch35

EDN: YBYBDQ

УДК 316.6

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЩЁЛКИН

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия*

ЛЮБОВЬ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ К НЕЙ: ПОДЛИННОСТЬ И МНИМОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНТИМНОСТИ*

Но если и музыка нас оставит,
что будет тогда с нашим миром?
Н. Гоголь

Аннотация. Препятствия и помехи, мешающие человеческой любви реализоваться, могут быть как внешнего, так и внутреннего порядка. В первом случае это причины социальные, политические, экономические, религиозные и даже идеологические. Второй случай — это когда люди сами добровольно отказываются от любовной практики. Примером могут служить «асексуалы», принадлежащие к поколению зумеров. Бегство от романтической любви сопровождается эгоистическим равнодушием к публичной стороне жизни. Сосредоточенность на собственном «Я» принимает масштабы «эпидемии нарциссизма». В этой атмосфере любовь деградирует до сексуальной неприхотливости и избалованности: использование сексуальных роботов беспрецедентно выросло. В статье анализируется та экзистенциальная цена, которую человек платит за утрату своей «непосредственности» и «субъектности» на поприще «электронного интима». Вместе с тем автор обращает внимание на рост озабоченности и тревоги у социологов по поводу симптомов утраты «культы любви», роста психологии нарциссизма и политики противоядия этому тренду.

Ключевые слова: любовь, романтическая любовь, асексуалы, нарциссизм, «электронный секс»

* Статья продолжает тему. Начало см.: *Щелкин, А. Г.* Любовь. Социологическое эссе по поводу того, как «любовь победила брак» / А. Г. Щелкин // *Петербургская социология сегодня.* — 2025. — № 30. — С. 78–98. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.zecd-et62. — EDN HACZXV.

Ссылка для цитирования: Щёлкин А. Г. Любовь и препятствия на пути к ней: подлинность и мнимость человеческой интимности // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 96–114. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.5nr6-ch35; EDN: YBYBDQ

Введение

Казалось бы, в обществе «современного типа» с любовью все не так уж и плохо. После длительного исторического периода начинает доминировать мотив «романтической» любви. Это видно уже из массы социологических опросов. Молодые люди называют желание иметь в брачном союзе как раз именно этот тип «романтической» любви. В предыдущей статье, однако, автору, чтобы быть поближе к истине, пришлось сразу же оговориться. «Было бы наивно представлять этот пейзаж романтической любви в современном обществе как ее “триумфальное шествие”». В самом деле, у «романтической любви много старых и новых помех или скептиков, если хотите».

1

Самое простое, что приходит на ум, когда начинают говорить о «препятствиях», на которые обречена любовь, — это *препятствия*, так сказать, «*внешнего порядка*» — социальные, политические, экономические, религиозные и даже идеологические.

У Шекспир рассказал нам о том, как вражда двух крупных семейных кланов подвергла смертельному испытанию нежные порывы двух юных отпрысков.

О том, что власть пытается управлять подданными через их сексуально-интимные практики, — на этом относительно недавно настаивал М. Фуко [1].

Материальная нужда убивает любовь на корню. А. Солженицын на вопрос, зачем русские люди вступали в брак, ответил словами отечественных пословиц, отражающих реальность подавляющего населения крестьянской России: «*Для щей люди женятся, для мяса замужь идутъ*».

В любви, если любовь обменивается на любовь, то это и счастье. В браке — другие обмены. Брак может длиться и не за счет продолжительности любви. Горючего материала первоначальной любви может и не хватить для счастливого брака. И тогда эта любовь в дебюте брачного союза может поменяться на удручающую рутину каждодневного существования и, хуже того, на его бессмысленность. Не нашедший счастья в браке князь Андрей Болконский дает совет Пьеру Безухову

в духе уже упоминавшийся русской пословицы: «Женись за день до смерти — наживешься». В малоприглядной «несовместимости» брака с любовью итальянский фольклор отличился еще более впечатляющим «открытием»: “Il matrimonio è la tomba dell’amore”. Брак — это могила любви. На резюмирующий «пафос» могло бы претендовать, конечно, и наставление Сократа: «Женись, не женись — все кончается одним: разочарованием».

Отметилась своим «эмбарго» на человеческую, земную любовь и церковь, особенно в период своего римско-католического всемогущества. П. Абеляр в «Истории моих бедствий» поведал, каким изуверским истязаниям он был подвергнут средневековой церковью за свою любовь к Элоизе.

Даже высшая королевская (царская) власть не гарантировала представителю правящей династии свободного выбора брачного партнера. Выбор должен быть сделан из числа правящего или аристократического рода. Брак с человеком из простонародья назывался морганатическим и лишал династическую особу важнейшей привилегии — наследовать власть.

Любовь знала и абсурдные препятствия «идейно-политического» толка. Фр. Ницше иронизировал в своей издевательской манере над теми социально-недовольными «протестантами», тогдашними «социалистами», которые, по его мнению, требовали сделать «доступными всем, в том числе и трусам, все хорошие вещи — честь, богатство, красивых женщин». И в чем-то этот неумный критик современных ему веяний оказался не совсем уж и неправ. Известно, что с сексуальностью произвольно экспериментировала коммунистическая практика в середине двадцатых годов в послереволюционной России. Как пишут исследователи этого «сюжета», «первые годы после победы большевистской революции характеризовались невероятной даже по сегодняшним меркам свободой нравов. Сексуальная революция 60-х — бледный отсвет того пожара, что разгорелся на просторах весьма пуританской до той поры Российской империи. Сексуальная свобода была ключом... И некоторых товарищей заносило очень конкретно. [...] Нынешняя мораль нашей молодежи в кратком изложении состоит в следующем, — подводила итог (между прочим, и своего личного весомого вклада в дело морального и психофизиологического разложения общества) известная коммунистка Смидович в газете «Правда» (21 марта 1925 г.), — 1. Каждый, даже несовершеннолетний, комсомолец и каждый студент “рабфака” (рабочий факультет) имеет право и обязан удовлетворять свои сексуальные потребности. 2. Если мужчина вожделеет к юной девушке, будь она студенткой, работницей или даже девушкой школьного возраста, то девушка обязана подчиниться этому

вождедению, иначе ее сочтут буржуазной дочкой, недостойной называться истинной коммунисткой...» [2]. Остается сформулировать очевидное. Практика «сексуальной вседозволенности», этот «свальный грех» на почве идейной и даже политической доктринальности, не оставляет и близко места для романтической, т. е. настоящей любви. Это означает, что любовь запрещается. Именно этим эхом «Любовь запрещается!» отозвался примитивный сексуальный «эгалитаризм», который практиковался в студенческих коммунах США в 1960-е гг.

Так что романтическая любовь, в окружении наугад здесь перечисленных «препятствий и запретов», поневоле восходит на пьедестал человеческого восхищения. Юнна Мориц поэтически подытожила это не иначе как героическое присутствие влюбленных в мире «предложенных обстоятельств», которые так часто ополчаются на любовь молодых, известным вердиктом: «Нет слаще жизни, где любовь крамольна!»

2

Список этих «внешних препятствий» может быть продолжен, и он уже обсуждался в исследовательской литературе. Но при этом все-таки, как говорилось, ведущий тренд «истории любви» в современную эпоху по многим признакам несомненен. Он ориентирован на преодоление этих «внешних препятствий». В самом деле, «ЛЮБОВЬ ПОБЕДИЛА БРАК». И НЕ ТОЛЬКО БРАК. Да и в самом браке, когда нужда управляла любовью как суровая и полноценная хозяйка, народная мудрость инспирировала надежду — не фатальность и беспомощность, — а именно надежду: «стерпится — слюбится». Кто знает, тот знает, что любовь — это не только вакхическое дионисийство, «восторг и ликование», как неожиданно выразился старец (!) Зосима у Ф. Достоевского. Любовь — это еще и воля, выдержка и терпение, которые имеют смысл, когда есть обоснованная надежда на лучшее. Но вернемся к «препятствиям любви», которые возникают по «эту», «внутреннюю», сторону любви, — препятствия, идущие со стороны самого субъекта любви, — препятствия, устраиваемые и выбираемые чуть ли не добровольно самим человеком, оказавшимся на randevу с любовью.

«Не отрекаются, любя, ведь жизнь кончается не завтра», — выразилась поэтесса. — *Отрекаются. Еще как отрекаются.* На аукционе предложений идет своя игра. Дело не в том, что любовь перестала котироваться. Совсем наоборот. Ставки повышаются, но только на что? Оказывается — на «суррогаты любви». «Нелюбовь», «квазилюбовь»,

«прокси-любовь», путаница «любви» с «сексом» и прочие виртуальные «субституты» полноценной любви, застрявшей в банальной повседневности. Причем подмена эта происходит до такой степени «естественно» и «натурально», что обычный человек не замечает никакого самообмана.

Повседневность очень убедительна. «Суррогаты любви» не с чем сравнить. В «одномерной» ежедневности не просматривается оригинала — аутентичной любви. «“Жизнь” (в кавычках), — поиздевается в очередной раз Фр. Ницше, — очень даже правдоподобна». Поэтому похоже, что надо обладать заметной онтологической бдительностью, чтобы не стать жертвой вышеперечисленных «миксов», «qui pro quo» (по-латински) — «одно вместо другого».

3

Но прежде чем начать инвентаризацию *«внутренних препятствий»*, которые мешают любви реализовываться и удерживаться на своем «сущностном» уровне, вполне целесообразно остановиться на природе того предательства, когда человек начинает добровольно предпочитать подлинностям любви ее «заменители».

Можно для пользы дела, например, заметить, что подобное отступничество — вещь не уникальная. Один римский император (положение обязывает!) общался с любимой женой не иначе, как прорепетировав на бумаге тему предстоящего разговора. Знаменитый лирик тех же времен Овидий Назон, начав с поэмы «Наука любви», закончил заботливыми поучениями в книге «Лекарство от любви».

Новое время подарило нам иллюстрацию падения «культы любви», процветавшего когда-то в экзальтированной атмосфере королевского двора династии Бурбонов. Н. Карамзин в «Письмах русского путешественника» свидетельствовал, что в куртуазной обстановке Версаля времен Людовика XV придворные дамы с незатейливой непосредственностью могли первыми и игриво признаться в любви кавалеру с помощью фразы: «Я бы хотела иметь от вас ребенка». Но этот «культ любви» пал под ударами буржуазной прагматики быстро наступивших «новых времен». Стендаль в своем известном сочинении «О любви» пишет: «Любовь была всемогуща во Франции при Людовике XV. [...] Прошло пятьдесят лет, двора уже нет. [...] Женщины больше не в моде; в наших столь блестящих салонах двадцатилетние молодые люди рисуются тем, что не разговаривают с ними. [Они] предпочитают говорить о лошадях и вести крупную игру в клубах, куда женщины не допускаются. [Вот]

точное описание [...] ужасающей перемены, повергшей нас в нынешнюю скуку и сделавшую для нас непонятным общество 1778 года в том виде, в каком оно раскрывается в письмах Дидро к м-ль Воллан, его возлюбленной, или в “Мемуарах” г-жи д’Эпине. [...] Кичливость заменила у нас французскую веселость» [3].

Приходится, как видим, констатировать, что если «Песнь торжествующей любви» (так называется один знаменитый рассказ И. Тургенева) и крепнет, то платить за это «торжество» приходится рядом поражений и отступлений. По-видимому, что-то есть в этом экзистенциальном состоянии, именуемом «состоянием любви-влюбленности», — есть что-то такое, что «чарует» субъекта и в то же время... пугает. Требует от человека усилий, расходов внутренних сил, отказа от привычного образа жизни, «трансенса» — перехода в «иное» состояние. При этом остается только удивляться этим «страхам» и «фобиям» перед любовью. Ведь любовь, по своей онтологии, по своему определению, есть то, что «всегда бесплатно», то, что «дается даром», «без борьбы». Знакомое выражение «бороться за свою любовь» — это какое-то вымученное выражение, «фигура речи», причем ложная. Результатом «борьбы за любовь» всегда будет нечто, что любовью не является. Поэтому еще раз: любовь на самом деле — это то, что бесплатно, как воздух. И при этом — это тоже факт и реальность — есть не только отдельные группы людей, которых не прельщает неопределенность, таинственная глубина, шокирующая дерзость и сам хаос любви.

4

Размеры этого явления могут достигать масштабов целого поколения. Примером могла бы служить уже упоминавшаяся ранее современная генерация «асексуалов». Здесь же, по-видимому, достаточно будет сказать, что асексуалы пасуют перед очень непростой жизненной ситуацией, рожденной многими факторами. Здесь и нехватка средств и времени для поддержания привычных для них стандартов «общества потребления», и облегченное понимание целей и смыслов жизни в окружении плотной техноинформационной среды и проч. Они ведут скорее эскапистский образ жизни вместо того, чтобы принимать и полноценно реагировать на «жизненные вызовы», перед которыми они так или иначе оказываются. К таким «вызовам», по их мнению, относится то, что замечательный немецкий социолог У. Бек называл «нормальный хаос любви» [4].

Дезертирство зумеров (те, кто родился после 2000 г. и кому сейчас (в 2026 г.) порядка 20–25 лет) перед любовью в определенной степени — это продолжение «вероотступничества» и в других сферах жизни. Это поколение не сильно честолюбиво в карьерном плане. Они скорее предпочитают фриланс кадровому продвижению по службе. Внешне это выглядит как «потребность» в профессиональной свободе и индивидуальном творчестве, но фактически оборачивается желанием «расслабиться» и «уйти от проблем». Эскапизм, о котором когда-то заговорили первые экзистенциалисты, имеет не только свои негативные коннотации. Эскапизм в определенной степени — способ выживания, когда выживание «становится не под силу». Эскапизм зумеров перед лицом «нормального хаоса любви» совсем не относится к суровой необходимости. Иначе говоря, поколение, о котором идет речь, начало с добровольного «фальстарта», и как раз на том поприще, которое для этой молодежи могло бы означать эмоционально-человеческую подлинность юного существа. — Вспомним гетевское «Gefühl ist alles». — Чувство — это все. И сравним это с феноменом обеднения любовного романтизма и отступничеством от него у наших «героев» и «героинь». Там же, где они позволяют себе это сближение «Я и Ты», там они, по собственному выражению, образуют не «дуют», «не союз», а «пару». И такие «пары», как можно наблюдать, не только не готовы ринуться на встречу с «прекрасным и яростным миром» (А. Платонов), но и по-настоящему-то и на «слияние двух галактик во вселенную одну». Вот и получается, что с любовью опять «мимо». В этом плане, как выразился в интервью один словоохотливый зумер за остальных представителей этой генерации: «Мне кажется, для зумеров не очень важно будущее мира, им важно на самом деле свое будущее. Чтобы им было хорошо. Они не мыслят коллективными параметрами. С другой стороны, если тебе хорошо, то, по идее, и другим хорошо» [5]. Образцы подобного самосознания едва ли нуждаются в отдельном социологическом комментарии. Единственной реакцией может быть формула «No comment». Если в теперешнее политкорректное время обращаются скорее именно к подобному формату оценки, то другие времена, похоже, не знали таких ограничений. Вспоминается А. Блок, который в поэме «Возмездие» — не про зумеров, конечно, но по поводу поколения, аналогично дистанцировавшегося от «серьезности жизни», — сказал гораздо резче и откровеннее, сказал в эпоху современного ему отечественного декадентства: «Да, этим в жизнь — до смерти рано» (А. Блок).

5

При этом, конечно, приходится иметь в виду, что как бы ни был убедителен нормальный «идеализм любви», как он сохраняется в системе представлений классической культуры, однако в реальности и на практике мы можем наблюдать и не менее удручающую утрату этой нормальности. Имеет место инверсия. Любовь в своем «действительном» осуществлении всегда направлена искренне и самопожертвенно на «другое» существо. При «инверсии» вектор любви меняет направление на противоположное, предметом любви становится сам субъект. Это случай «нарциссизма» со всеми разрушительными последствиями этого явления. «Жизненная траектория» поколения зумеров — типичный пример такого нарциссизма. Z-поколение, вооруженное философией и психологией самовлюбленности и самореализации своего произвольного и капризного эго, вступает сегодня в свои права на широком ландшафте молодежной культуры современности. Интересный и конкретный анализ этой ситуации можно найти в работе двух американских авторов Дж. Твенге и К. Кэмпбелла «Эпидемия нарциссизма: жизнь в эпоху избалованности» (2009). Об этом подробнее ниже.

6

Но прежде, чем продолжить этот ход мысли — одно соображение, которое не помешает нам сориентироваться в социальном «окружении», или, лучше сказать, «сопровождении» феномена любви. Здесь все не так уж и сложно. Аналитически запутаться можно только при сильном желании заблудиться. Здесь события, как всегда, складываются дихотомично: либо независимо от воли субъекта любви, либо вполне по воле этого субъекта. Иначе говоря, первый случай — это когда просто «не до любви»: все усилия поглощены «борьбой за существование»; второй случай — когда вроде бы наступает время не борьбы за это существование, а собственно «существование», но потенциальный субъект любви выбирает «нелюбовь», выбирает «асексуальность». Печальная ирония, таким образом, состоит в том, что за периодом невозможности строить человеческие отношения (брак, например) на романтизме любви по причине, повторим, «не до любви», но вот странное дело — может начаться и даже через какое-то время начинается эпоха равнодушия к этому «вечному зову» чувств. Подобный вариант событий и приходится называть «препятствием» на дороге к нормальному счастью любви.

7

На свой «профессиональный» лад на обсуждаемую здесь тему заговорили с энтузиазмом и наблюдательные социологи. В российской газете «Известия» за 9 января 2025 г. размещен материал об «асексуальном» тренде в родном отечестве. Общий и удручающий вывод особенно не удивляет: «Современные молодые люди замкнуты в себе и склонны к эскапизму» [6]. Интереснее становится, когда эксперты обратили внимание, что «эскапизм происходит и в романтической сфере». Что это: блажь продвинутого человечества в лице «гостей из будущего» (назовем так поколение «зумеров»)? Все до обидного проще. Вот вердикт социологов, опубликованный в «Известиях»: современная молодежь — «цифровой» субъект. К этому определению мы еще будем неоднократно возвращаться, а пока немного симптоматичной феноменологии (конкретики) из жизни аксесуалов.

Диагноз здесь состоит в том, что если любовь в своей полноте означает не только быть прекрасной и долгожданной жертвой «чувств», но и пройти невыдуманную школу «воспитания чувств» (*éducation sentimentale*), — то асексуальность зумеров — это практика деградации любви. Это то препятствие на пути к романтизму в любви, о котором заговорила в последнее время группа серьезных авторов, таких как Э. Гидденс, С. Кунц и др., приводя ряд весомых аргументов и наблюдений.

Как тогда относиться к выводам того коллектива социологов, которые опубликовали свои оценки и прогнозы теперешнего асексуального феномена? О них надо тоже сказать, ибо они противоречат сами себе. Сначала асексуальность этой «цифровой генерации» характеризуется в критических и негативных терминах (эскапизм, предпочтение не заморачиваться в поисках своего «другого я» и проч.), а затем авторы сбиваются на знакомый и облегченный вывод в духе софистики, релятивизма и «спасительного» постмодернизма. Речь идет якобы о том суждении, что любовная романтика у зумеров все-таки «безусловно существует». Но вы-де ничего не поняли: это просто «ДРУГАЯ» романтика.

8

В связи с вышеприведенным типом аргументации мы сразу имеем право сказать: «Déjà vu!» К этому приему прибегают релятивисты всех времен и народов. Любой феномен (в том числе и чаще всего),

к подлинной действительности не имеющий никакого отношения, они (релятивисты) спасают от критики указанным приемом: это-де тоже подлинность, но только «другая». Поневоле хочется спросить, какое количество (множество) «других» реальностей может удовлетворить ненасытный аппетит «релятивистов». Старик Гегель как в воду глядел, предвидя эту софистику. Поэтому-то он и развел эти два выражения: (всякая) *реальность* (в том числе и вымышленная) и (подлинная) *действительность*. Остается только добавить, что первая (реальность) к «природе той или иной вещи» не имеет прямого отношения, разве что представляет собой конвенциональный способ посмотреть на «вещь» по кантианскому принципу «как если», т. е. как бы она выглядела в качестве «другой». И эта конвенциональность, разумеется, относится к субъективной стороне дела. В то время как вторая — (подлинная) действительность — характеризует именно «природу вещи», и как раз делает это именно с объективной стороны.

Итак, если вы считаете, например, — и справедливо, — что «цивилизация» — это то, что действительно обладает «цивилизационными», гуманистическими и подобными характеристиками, то релятивисты и постмодернисты вам объяснят, что «цивилизаций много» и «все цивилизации как таковые равноправны», включая и те, в которых практиковались, скажем, человеческие жертвоприношения (к примеру, Карфаген и «цивилизация ацтеков»). Так и «любовей» огромное множество: а ту «любовь», которую наш естественный язык скорее назвал бы «отклонением» и «патологией» любви, следует якобы рассматривать как «другой» тип любви. И таким приемом производится признание (легализация) «ненормального» как «нормального». Впрочем, не будем больше отвлекаться на релятивистов всех времен и народов. Есть что сказать и с нерелятивистской точки зрения.

9

В теоретических обоснованиях (а)сексуальных практик зумеровского поколения дело, надо признать, не доходит до того, чтобы прибегать к «спасительному» принципу «неприкосновенности границ “другого”». В зумеровском мире «другой» как сексуальный партнер тихо и недраматично исчезает. Его место занимает «технический», «искусственный», «виртуальный», «цифровой» элемент, «гаджетный» субъект. Эта подтасовка «естественного» на «искусственное» происходит тем более легко, что в продвинутых социологических «теоремах» уже давно задает тон футурология, где «ЧЕЛОВЕК» поменян — правильно! — на

«ПОСТЧЕЛОВЕКОВ и «ТРАНСГУМАНОИДОВ» (как уж сегодня без этих «пост...» и «транс...»?!). Скромные и нескромные успехи на поприще биотехнологии, фармакологии, нейрохирургии, искусственного интеллекта и проч. настолько дезориентировали «антроподизайнеров», что единственным и неотвратимым вариантом человеческой эволюции сегодня им представляется нечто подобное киборгу [7–8].

И что имеем как результат?

В таком стерильном и биотехнизированном мире «сексуальность в ее нынешнем виде становится архаичной и излишней» [6]. «Любовь» между постчеловеками — это, как сказали бы математики, «псевдопроблема». Остается прогнозировать, какой будет сексуальная практика у той части человечества, которая не идентифицирует себя как «киборгов», но остается в среде их обитания. Разброс мнений «экспертов» по данному сюжету довольно значителен. Но доминирует точка зрения, что нынешнее человечество не растеряется. Складывается уверенность, что «оргазм не будет прежним», как выразился один автор [9].

10

И то правда, чего предаваться унынию и страданию, когда можно даже совсем не по-буддистски, а чисто «цифровым» и компьютерным» способом стать «и сразу, и счастливым» — минуть и экономя на нем, на «счастье быть» (А. Галич).

Специалисты, сидящие на теме «электронный секс», могут рассказать с интригующими подробностями, как это происходит уже сегодня и какое «техносладоострастие» нас ожидает завтра. За неимением практики публично обсуждать эту пикантную тему предоставлю слово эксперту. В статье [9] автор перечисляет многочисленный репертуар возможностей «цифровой технологии на службе сексуальных отношений». — Теледильдоника: секс на расстоянии при помощи гаджетов. Оба получают искомое удовольствие совершенно безопасно (безопасность и экономия «превыше всего!»), не касаясь друг друга. — VR-очки: они позволяют усилить возбуждение через как бы участие в эротическом фильме. — Секс-роботы: здесь вообще острота тактильных ощущений стирает границу между «естественным» и «искусственным» интимом. И это еще не все. «Электронный секс» ограничен только возможностями «soft- и hard-цифры». А этот потенциал не имеет границ.

Такова «реальность» гаджет-девайсного секса, такова его фактура (от слова «факт»). А «факт», торопятся сказать «реалисты», — вещь упрямая. Но для понимания и оценки ситуации — это не всегда аргумент

большой убедительности. Многие факты, выражаясь простодушно, не имеют права на существование. Речь идет прежде всего о криминалитете. Но есть «факты» не столь «отрицательно»-очевидные и потому требующие более фундаментального (онтологического) понимания и такой же оценки. Похоже, что массовое распространение и увлечение «электронным интимом» предполагает «проверку» подобным онтологическим дискурсом.

Обычно в этом плане сталкиваются между собой две значимые точки зрения. Одна исходит из того, что ни «государство», «ни общество» не должны «совать свой любопытный нос» в практики добровольного интима, в том числе сопровождающиеся продукцией секс-индустрии. И точка! Другая позиция — более чем архаическая — сродни библейскому осуждению всего «неестественного» на этом поприще. По существу, это две несовпадающие точки зрения на одно и то же — на приемлемость и пределы допустимости «искусственных вещей» в делах человеческих. И при этом надо сказать, что это — старая история, которая умещается в насущный и более принципиальный вопрос: как далеко может завести общество субституция «естественного» на «искусственное». В самом общем виде эта проблема присутствует, например, в феномене ИИ. Сформулируем ее в пределах возможной корректности.

Вооружаясь «искусственными» средствами, инструментами, «вещами», человек не только становится могущественнее, но одновременно утрачивает нечто в своей собственной суверенности и исходной субъектности. Человек «потерян» и «заменен» «миром искусственных предметов / средств». Это точь-в-точь о том, о чем говорил старик Гегель в своем знаменитом рассуждении о диалектике «господина и слуги». «Господин» самопотерялся в том смысле, что потерял человеческие качества, когда между собой и миром, между собой и «другим» поставил «слугу» (читай: «средства»). То, что раньше было на полюсе «человека-господина» (счастье непосредственного контакта с миром, наполнение себя «смыслом» и «содержанием» через этот контакт и проч.), — все это ушло на полюс «слуги», которому «господин» отдал свою автономность, оставив себе то, что в нашем контексте может быть названо «нарциссизмом».

И похоже, что так: когда сексуальная любовь опосредована электронным инструментарием — последствия могут выглядеть печально аналогичными. Беспечный и не ожидающий подвоха субъект любви может быть вытеснен анонимным торжеством технических девайсов. Нет, конечно, сенситивность и пароксизмы сексуальных ощущений остаются привилегией субъекта, но это «состояние» нуждается в другом названии. Здесь уместнее говорить действительно о *нарциссизме*.

Сегодня это явление коснулось не только сферы любви, которая подверглась упомянутой выше инверсии: от любви к «другому» к любви к «самому себе». Но прежде чем коснуться феномена нарциссизма, в который вырождается «техносекс», обратим внимание на один существенный момент, опять же характеризующий симбиоз «человек-машина».

11

Есть только один «позитивный» смысл в «постчеловеческом» и «трансгуманном». Уточнимся, чтобы быть правильно понятым. Когда вы берете человека, как он есть в реальности (в подавляющем большинстве его слабостей и самопотворств), вы его заведомо умаляете. Среди многих мыслителей об этом догадывался и Фр. Ницше. Поэтому он и выступал с программой «Übermensch» (не путать с плагиатом «сверхчеловека в Третьем рейхе»). Чтобы оставаться «человеком» в классическом и вечном смысле этого выражения, надо поневоле быть не только «имманентным» (сродни) повседневной «среде обитания», но и романтически и героически «трансцендентным», т. е. быть «сверх-обычного», «сверх-повседневного» состояния.

12

Интересно отметить, что расколдованной сексуальной доминанте, наблюдаемой в современном мире, соответствует и «новое видение» упомянутого симбиоза «человек-машина». В самом деле, с одной стороны, «другой» как привычный сексуальный партнер тихо и недраматично исчезает. Его место занимает «технический», «искусственный», «виртуальный», «цифровой» элемент, «гаджетный субъект».

По мнению ряда социологов, которым не откажешь в наблюдательности, нарциссизм уже не первое десятилетие стал чуть ли повседневной судьбой современного общества. В лидерах — американский образ жизни. Упомянутое выше сочинение Дж. Твенге и К. Кэмпбелла «Эпидемия нарциссизма» живописует панорамную картину этого социального недуга на американском континенте: «Сегодня никто больше не удивляется тому, что взрослые выглядят и ведут себя как психологически незрелые подростки: избегают ответственности; не читают книг и не умеют грамотно писать; смотрят реалити-шоу; делают селфи при каждом удобном случае, расстаются через несколько месяцев после брака; ходят на вечеринки вместо того, чтобы присматривать за детьми; и регулярно покупают вещи, которые им не по карману. Однако так было не всегда. Если сравнить с тем,

что было еще несколько десятилетий назад, то масштаб перемены становится очевиден. Что же произошло за эти годы в культуре, экономике, воспитании детей, масс-медиа и технологиях? Что обусловило настолько сильный акцент на собственном Я и как противостоять этому тренду?» [10]. Здесь важнее всего подчеркнуть даже не столько перечень наблюдений, так похожих на диагноз «тотального нарциссизма», сколько авторский возглас: «Как противостоять этому тренду?» Для социологии, уже давно привыкшей к нейтралитету и безоценочной фиксации «фактов», это что-то новенькое. И одновременно достойное отрядного внимания. Гегель не случайно говорил, что «идея не настолько бессильна, чтобы породить только идею» в том смысле, что «идея есть не только познание, которое лишь отражает действительность, но и такое познание, которое дает действительности определение». Давать вещам определение, как известно еще из аристотелевской логики, значит говорить, как вещь выглядит и *должна* выглядеть в полном соответствии со своей природой. Нарциссизм в любви не соответствует природе и истине любви. И поэтому социология любви так и должна ставить вопрос, как это сделали вышеприведенные американские авторы: «Как противостоять этому тренду [любви, изуродованной нарциссизмом]?»

Социальная мысль (социологическая не в меньшей степени) — это не столько область эпистемологии, но прежде всего область онтологии с ее главной критической заботой напоминать, а значит, возвращать феноменам (в нашем случае феномену любви) образ «нормы» и «подлинности». Похоже, что сегодня социальная мысль готова вдохновляться возвращением к своим непозитивистским дебютам в лице таких известных теоретиков и критиков, как М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Ч. Р. Миллс, Э. Этциони, А. Гоулднер, П. Бурдьё, его ученик Л. Болтански и др.

Сегодняшняя теоретико-социологическая заминка перед лицом «культы» солипсизма, индивидуалистичности, нарциссизма, гедонизма и проч. говорит, возможно, не только о состоянии самого социологического сообщества. Речь идет скорее о масштабе и укорененности этого культа, в том числе среди в молодежной зумер-аудитории. Ситуация с нарциссизмом, говорят Дж. Твенге и К. Кэмпбелл, близка к «пандемии». Неужели феномен любви, который, как известно, «победил брак» и преодолевает не только это «препятствие», не выдержит испытания перед «новыми веяниями»? Неужели подлинность любви не выдержит конкуренции с мнимостями и суррогатами настоящей любви? Что дает надежду на то, что человеческая история распорядится не так скудоумно, а гораздо роскошнее? И как это происходит?

13

Чем мрачнее ночь, тем ярче звезды! Почти как у Г. Гейне: тем ярче сияют звезды, которые суть не что иное, как лучшие человеческие мысли. И вообще в стихотворении «Звезды и люди» немецкий поэт пишет, что звезды поэтому заинтересованно наблюдают за земной любовью.

Социологу, однако, приходится выражаться в более конструктивных терминах. Если в «love story» мы зашли не туда, то с этим надо что-то делать. Тем более что «так было не всегда». «Главными ценностями Америки, — пишут авторы книги «Эпидемия нарциссизма», — с самого начала были свобода и равенство. Как же самолюбование постепенно заняло центральное место в ценностях нашей культуры?» [10]. Авторы не только профессионально описывают «этиологию» и «патогенез» этого «культурного заболевания», но и проявляют завидную социологическую настойчивость и волю в части «рецептурной-терапевтической». Значимо и парадигмально у авторов выделен тот факт, что «великое поколение, которое воспитывалось во время Великой депрессии и сражалось во Второй мировой войне, было последним ненарциссическим поколением в истории Америки» [10]. С этого или подобного ему момента начинается ряд эвристически важных для нашей темы выводов или, лучше сказать, рассуждений.

14

В практической жизни нарцисс часто и не слабо расплавляется за свой биографический выбор. В любви же этот выбор в пользу себялюбия не кажется ему столь драматичным. В нем он скорее находит массу «эготических» удобств и приятностей. В каком-то смысле это состояние может продолжаться длиною в жизнь. Счастье любви к «другому» его не искушает. Он погружен в необратимость своего состояния. В международной терапевтической практике это часто классифицируется как «нарциссическое расстройство личности (НРЛ)». Такой персонаж проживает не «свою» жизнь, а ту, которая характеризуется нарративом избалованности. «Романтическая любовь» строится на других онтологических основах.

15

Означает ли это, что в обществе «массового нарциссизма» романтическая любовь находится в зоне критических испытаний? И тогда что? Когда-то еще простительное французское определение любви как

«эгоизм вдвоем» скатилось до неприхотливой «любовной» практики «эгоизма поодиночке»? Если так, то не будет ли это поспешным поклепом на стойкость и сопротивляемость человеческой цивилизации, в которой «романтическая любовь» совсем не случайный феномен (эпифеномен), а нечто гораздо фундаментальнее, ее (цивилизации) цель, «telos», как сказал бы Аристотель.

Фермент надежды, которые нам дарит человеческая любовь, лежит, конечно, в ее онтологическом базисе. О ее самоценности, т. е. бескорыстности, простоте, наивности, о том, что она «ничего не стоит», она всегда «даром» и поэтому «не продается» и т. д. уже говорилось многими и неоднократно. Но подлинность и прочность любви имеет и другое измерение и опору. Об этой стороне медали пишут меньше и неопределеннее. Среда обитания, в которой доминирует феномен нарциссизма, — это «жизнь в эпоху избалованности» [10] тем, жизнь всегда и по определению «штука серьезная». Отсюда и бесконечная тема страдания не как акциденция, а как самый настоящий атрибут любви.

Страдание хрестоматийно определяется как состояние боли, болезни, горя, печали, страха, тоски и тревоги». В то же время — об этом и речь, — как свидетельствуют все толковые словари, «это форма активного напряжения физических и духовно-нравственных сил человека». Конечно, страдания не цель, но... так и напрашивается слово «неизбежность», — та неизбежность, которая сопровождает всякое ДОСТИЖЕНИЕ в ценностном смысле этого слова. Вот почему «благословенны трудности ... ибо ими растем». Вот почему восторг любви свободного субъекта не депотищен по отношению к «другому», а подлинен, и именно только тогда, когда этот восторг рифмуется и приобретает с модусом «быть объектом», «быть страдающим». Вот почему справляться с рисками и страданиями от неразделенной любви, одиночества и неустроенности в общительности с другой(им), решать таким вот облегченным способом, как «секс-туризм» в страну техносекса, значит «недотягивать» до сущности человека. Или, выражаясь онтологически, — до «дефиниции» человека. Такое бывает. И даже часто. Экзистенциальная грусть и ностальгия, однако, состоит при этом в том, что, как метко выразился М. Хоркхаймер: «Сам человек по своей природе и возможностям до сих пор лучше, чем он есть на самом деле» [11].

Источники

1. *Горбатов В.* Мишель Фуко. История сексуальности: от заботы о себе до политического надзора [Электронный ресурс] // Level One. — URL: <https://levelvan.ru/pcontent/fuko-6/sexuality> (дата обращения: 24.12.2025).

2. Блоггеры обсуждают «Половой вопрос» в СССР [Электронный ресурс] // ИА «Амител». — 28.09.2012. — URL: <https://www.amic.ru/news/bloggery-obsuzhdayut-polovoy-vopros-v-sssr-194235> (дата обращения: 21.12.2025).
3. *Стендаль*. О любви. — М.: Правда, 1989. — 528 с.
4. *Бек У.* Любовь как светская религия [Электронный ресурс] // Парантеза. — 13.02.2021. — Обновлено: 29.10.2022. — URL: <https://www.paranteza.info/post/beck-love-as-secular-religion> (дата обращения: 08.01.2026).
5. *Погребняк М.* Их не волнует секс, они не любят деньги. Кто такие зумеры на самом деле? [Электронный ресурс] // Нация. — 10.03.2020. — URL: <https://nationmagazine.ru/people/ikh-ne-volnuet-seks-oni-ne-lyubyat-dengi-kto-takie-zumery-na-samom-dele/> (дата обращения: 08.01.2026).
6. А девушки потом: почему зумеры не интересуются личной жизнью? [Электронный ресурс] // Известия. — 09.01.2025. — URL: <https://lady.mail.ru/article/555891-a-devushki-potom-pochemu-pochemu-zumeryi-ne-interesuyutsya-lichnoj-zhiznyu/> (дата обращения: 09.01.2026).
7. *Беляев Д. А.* Постчеловек как тип сверхчеловека техногенной культуры XXI в. // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 8. — С. 23–24. — EDN ОУКОНР.
8. *Haraway D.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. — New York: Routledge, 1991. — 312 p.
9. *Скайнская Д.* Оргазм уже не будет прежним! Секс-робот станет повседневным гаджетом? VR-очки и ИИ заменят любовь? Отвечает эксперт [Электронный ресурс] // Sobaka.ru. — 01.06.2023. — URL: <https://www.sobaka.ru/health/sex/167301> (дата обращения: 12.01.2026).
10. *Twenge J. M., Campbell W. K.* The narcissism epidemic: Living in the age of entitlement. Free Press, 2010. — 343 p.
11. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. — М.: Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2011. — 224 с..

Сведения об авторе

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
evgora.ru@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 24.01.2026;
принята к публикации: 26.01.2026.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

*Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation*

LOVE AND THE OBSTACLES TO IT: THE AUTHENTICITY AND ILLUSIONS OF HUMAN INTIMACY

Abstract. Obstacles preventing human love from being realized can be external or internal. In the former case, these are social, political, economic, religious, and even ideological. The latter occurs when people voluntarily renounce the practice of love. A prime example is the “asexuals” of the “zoomer” generation. This flight from romantic love is accompanied by a selfish indifference to the public sphere. A preoccupation with the self reaches the proportions of a “narcissism epidemic.” In this atmosphere, love degenerates into sexual unpretentiousness and pampering: the use of sex robots has increased unprecedentedly. This article analyzes the existential price people pay for the loss of their “spontaneity” and “subjectivity” in the realm of “electronic intimacy.” At the same time, the author draws attention to the growing concern and alarm among sociologists regarding the symptoms of the loss of the “cult of love”, the growth of the psychology of narcissism and the policy of an antidote to this trend.

Keywords: love, romantic love, asexuals, narcissism, e-sex

For citation: Shchelkin A. G. Love and the Obstacles to It: The Authenticity and Illusions of Human Intimacy. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 96–114. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.5nr6-ch35; EDN: YBYBDQ

References

1. Gorbатов V. Michel Foucault. The History of Sexuality: From Care of the Self to Political Surveillance [Electronic Resource]. *Level One*. URL: <https://levelvan.ru/pcontent/fuko-6/sexuality> (access date: 24.12.2025).
2. Bloggers Discuss the “Sex Question” in the USSR [Electronic Resource]. *Amic News Agency (“Amitel”)*. 28 Sep 2012. URL: <https://www.amic.ru/news/bloggery-obsuzhdayut-polovoy-vopros-v-sssr-194235> (access date: 21.12.2025).
3. Stendhal. *De l’amour*. Transl. from French. Moscow, Pravda, 1989, 528 p.
4. Beck U. Love as a Secular Religion [Electronic Resource]. *Paranteza*. 13 Feb 2021 (updated: 29.10.2022). URL: <https://www.paranteza.info/post/beck-love-as-secular-religion> (access date: 08.01.2026).
5. Pogrebnyak M. Sex Doesn’t Interest Them, and They Don’t Love Money. Who Are Zoomers Really? [Electronic Resource]. *Natsiya Magazine*. 10 Mar 2020. URL: <https://nationmagazine.ru/people/ikh-ne-volnuet-seks-oni-ne-lyubyat-dengi-kto-takie-zumery-na-samom-dele/> (access date: 08.01.2026).

6. And Then Girls Ask: Why Aren't Zoomers Interested in a Personal Life? [Electronic Resource]. *Izvestia*. 09 Jan 2025. URL: <https://lady.mail.ru/article/555891-a-devushki-potom-pochemu-zumeryi-ne-interesuyutsya-lichnoj-zhiznyu/> (access date: 09.01.2026).

7. Belyaev D. A. The Posthuman as a Type of Superman of 21st-Century Technogenic Culture. *Theory and Practice of Social Development*. 2011, no. 8, pp. 23–24. EDN: OYKOHF.

8. Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York, Routledge, 1991, 312 p.

9. Skayanskaya D. “An Orgasm Will Never Be the Same Again!” Will a Sex Robot Become an Everyday Gadget? Will VR Glasses and AI Replace Love? An Expert Answers [Electronic Resource]. *Sobaka.ru*. 01 Jun 2023. URL: <https://www.sobaka.ru/health/sex/167301> (access date: 12.01.2026).

10. Twenge J. M., Campbell W. K. *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*. New York, Free Press, 2010, 343 p.

11. Horkheimer M. *The Eclipse of Reason: Toward a Critique of Instrumental Reason*. Moscow, Canon Plus Publishing, 2011, 224 p.

Information about the author

Shchelkin Alexander G., Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. evropa.ru@gmail.com

Received: 20.01.2026;

revised after review: 24.01.2026;

accepted for publication: 26.01.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.rj54-gj84

EDN: JBJSYV

УДК 316:061.3

МАРИНА ЮРЬЕВНА СУРМАЧ

*Гродненский государственный медицинский университет
Гродно, Республика Беларусь*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ»

Ссылка для цитирования: Сурмач М. Ю. Международная научно-практическая конференция «Здоровьесбережение в преемственности поколений» // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 115–120. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.rj54-gj84; EDN: JBJSYV

В представленном обзоре освещены основные итоги международной научно-практической конференции «Здоровьесбережение в преемственности поколений», организованной кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Гродненского государственного медицинского университета совместно с Институтом социальных наук Сеченовского университета, Институтом социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Восточно-Сибирским государственным университетом технологий и управления, ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы». Конференция инициирована по итогам выполнения научного проекта «Здоровьесбережение в преемственности поколений», поддержанного Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований в номинации «Ученый-2024».

25–26 ноября 2025 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Здоровьесбережение в преемственности поколений» на базе Гродненского государственного медицинского университета (город Гродно, Беларусь).

Инициатором проведения конференции явилась кафедра общественного здоровья и здравоохранения Гродненского государственного медицинского университета, где реализуется научный проект «Здоровьесбережение в преемственности поколений», поддержанный Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований в номинации «Ученый-2024» (грант Г24У-007 от 02.05.2024), и где на протяжении более 20 лет изучается здоровье молодежи, подростков, а последние годы — также населения возраста 60+.

Проблемное поле конференции было изначально обозначено как междисциплинарное. Решение многоаспектной и мультифокусной проблемы здоровьесбережения в преемственности поколений актуально для всех: в этой связи организацию конференции поддержали медики, социологи, специалисты по социальной работе, менеджеры здравоохранения. Соорганизаторами выступили Институт социальных наук ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), г. Москва, Российская Федерация; Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), г. Москва, Российская Федерация; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (ВСГУТУ), г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация; ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы».

К участию в конференции были приглашены научные сотрудники и преподаватели, специалисты практического здравоохранения. Обсуждались следующие вопросы:

1. Здоровье населения: тренды, детерминанты, современные вызовы и их преодоление.
2. Здоровье населения как потенциал общества и государства.
3. Индивидуальное и общественное отношение к здоровью и поведение в сфере здоровья.
4. Роль социальных институтов в формировании здоровья.
5. Роль профессиональной культуры медицинского работника в формировании культуры здоровьесбережения.
6. Семья как основа преемственности поколений в здоровьесбережении.
7. Социальные технологии укрепления здоровья населения.
8. Современные методы изучения здоровья.
9. Социальная обусловленность здоровья.

В рамках конференции был организован круглый стол с онлайн-участием «Кадры медицинских организаций: потенциал и ответственность», посвященный анализу роли специалистов в развитии системы здравоохранения и сохранения здоровья населения. Для обсуждения выносились такие аспекты здоровьесбережения, как роль профессионалов в формировании у населения приверженности здоровому образу жизни, квалификация медицинских специалистов: ее повышение и институционализация оценки, новые требования к медицинским специалистам — «здравоохранение будущего», пациентоцентричность и новые технологии, а также другие, не менее актуальные вопросы.

На пленарном заседании конференции, которое прошло 25.11.2025 в гибридном формате, прозвучали очные и дистанционные доклады из Гродно, Москвы, Минска, Архангельска, Улан-Удэ. Сопредседатель пленарного заседания, заместитель директора по научной работе Института социальных наук Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (г. Москва) Надежда Владимировна Присяжная представила доклад «Цифровая трансформация и преемственность социокультурных кодов здоровья», где показала динамику социокультурных трендов в процессе глобализации, цифровизации и на примере влияния постпандемийных социальных изменений.

Ряд докладов был посвящен аспектам стареющего общества: активному долголетию, финансовому обеспечению старшего поколения, а также связанным с ними вопросам развития социальной работы. Так, Елена Юрьевна Голубева, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного Арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Российская Федерация), посвятила свой доклад проблеме здорового долголетия в России: концепциям и современным направлениям исследований. Аркадий Константинович Соловьев, директор Научно-исследовательского Центра развития государственной пенсионной системы Российской Федерации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заслуженный экономист России (г. Москва, Российская Федерация), представил сообщение на тему «Факторы финансового обеспечения старших поколений и нетрудоспособных граждан — базовое условие здоровьесбережения». Юлия Юрьевна Шурыгина, заведующая кафедрой социальных технологий ВСГУТУ (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация), рассказала о подготовке социальных работников для системы здравоохранения Республики Бурятия, раскрыв актуальные проблемы и опыт Улан-Удэ в их решении.

Перекликающиеся по единству острых вопросов доклады были представлены социологами и организаторами здравоохранения. Инна

Борисовна Назарова, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, представила доклад «Защита населения от вреда курения: роль профессионала»; Марина Михайловна Сачек, профессор кафедры организации здравоохранения Института повышения квалификации и переподготовки кадров здравоохранения Белорусского государственного медицинского университета (ИПКиПКЗ БГМУ, г. Минск, Беларусь), главный редактор журнала «Здравоохранение», озвучила подготовленный совместно с Мариной Викторовной Щавелевой, заведующей кафедрой организации здравоохранения ИПКиПКЗ БГМУ, доклад на тему «Электронные сигареты — новая угроза общественному здоровью в Республике Беларусь».

Острые темы были подняты в докладах «Баланс между альтруизмом и прагматизмом в современной России (социологическая оценка медицинских последствий)», авторы Серебряный Р. С., ведущий научный сотрудник Национального НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко (г. Москва, Российская Федерация), и Худоногов И. Ю., старший преподаватель кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация); «Стратегии здоровьесберегающего просвещения городского населения учетом социально-демографических особенностей», авторы Волкова О. А., главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, и Чиж Н. В., заведующий отделом Российской музея медицины Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко (г. Москва, Российская Федерация).

Завершающим докладом пленарного заседания стал доклад Сурмач М. Ю., заведующей кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Гродненского государственного медицинского университета (г. Гродно, Республика Беларусь), «Потенциал здоровья подростков и активное долголетие в фокусе внимания научного и профессионального сообщества».

Острая дискуссия разгорелась 26.11.2025 при обсуждении докладов **круглого стола «Кадры медицинских организаций: потенциал и ответственность»**, посвященного обсуждению роли профессионалов в развитии системы здравоохранения и сохранения здоровья населения. Дискуссия затронула такие вопросы, как роль профессионалов в формировании у населения приверженности здоровому образу жизни; квалификация медицинских специалистов: ее повышение и институционализация оценки; новые требования к медицинским специалистам — «здоровоохранение будущего»; пациентоцентричность и новые технологии, и другие.

В программе круглого стола было представлено 12 работ из Российской Федерации и Беларуси, в том числе доклад «Проблемы реализации

медицинскими специалистами функции формирования у населения приверженности здоровому образу жизни» (Александрова О. А., Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, НИИОЗММ ДЗМ, г. Москва, Российская Федерация), «Исследование ценностей, образа жизни и отношения к здоровью среди обучающихся медицинского вуза» (Крикова А. В., Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Российская Федерация), «Вопросы экологизации общества и здоровье нации» (Медведева Е. И., НИИОЗММ ДЗМ, г. Москва, Российская Федерация), «Возрастно-нозологическая характеристика демографических потерь женского населения фертильного возраста северных территорий Иркутской области» (Алексеевская Т. И., Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Российская Федерация), «Моделирование эффективной деятельности медицинского работника с использованием CRM» (Крошилин С. В., НИИОЗММ ДЗМ, г. Москва, Российская Федерация), «Качество прививочной работы медицинской сестры прививочного кабинета детской поликлиники по данным социологического опроса» (Демидова Т. В., Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Российская Федерация), «Состояние здоровья медицинских работников: факторы риска и современные тенденции» (Лях М. А., Мороз И. Н., Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск, Республика Беларусь). Оригинальный доклад «Учебный материал как средство популяризации здоровья на занятиях по иностранному языку (неязыковые специальности вуза)» представила Шабашова Е. В., Московский физико-технический институт (г. Долгопрудный, Российская Федерация). Формат круглого стола был также гибридным. Особый интерес вызвали очные доклады делегации от Иркутского государственного медицинского университета. Коллеги из Иркутска впервые посетили Гродно и Беларусь и в дни конференции ознакомились с культурно-историческими достопримечательностями нашего города.

В рамках конференции состоялись также **два секционных заседания**: «Здоровье населения и технологии его сбережения», и секция молодых ученых. В программу было включено 95 докладов и кратких сообщений. География участников включила регионы и города Российской Федерации, Беларуси, США.

По итогам конференции издан электронный сборник статей. Все участники получили электронные сертификаты.

Международная научно-практическая конференция «Здоровьесбережение в преемственности поколений» вновь показала единство остроты проблем формирования здоровья для разных стран, необходимость

межкультурного диалога и междисциплинарного подхода в ее решении. Очевидно, что содержание деятельности в данном направлении должно быть гибким, отвечать изменяющимся потребностям социума. В этой связи невозможно переоценить исследовательскую функцию научного сообщества по изучению современных факторов, формирующих потенциал здоровья. Актуален обмен опытом успешных социальных технологий, формирование единых подходов в условиях цифровизации и социальных трансформаций.

Сведения об авторе

Сурмач Марина Юрьевна, доктор медицинских наук,
Гродненский государственный медицинский университет,
Гродно, Республика Беларусь.
marina_surmach@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 16.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 18.01.2026;
принята к публикации: 22.01.2026.

MARINA YU. SURMACH

*Grodno State Medical University
Grodno, Belarus*

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “HEALTH PRESERVATION IN THE CONTINUITY OF GENERATIONS”

For citation: Surmach M. Yu. International scientific and practical conference “Health care in the succession of generations”. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 115–120. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.rj54-gj84; EDN: JBJSYV

Information about the author

Surmach Marina Yu., Doctor of Medical Sciences,
Grodno State Medical University, Grodno,
Republic of Belarus.
marina_surmach@mail.ru

Received: 16.01.2026;
revised after review: 18.01.2026;
accepted for publication: 22.01.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.pa8g-mq72

EDN: JSDGGF

УДК 316.334.22

Владислав Юрьевич Бочаров^{1,2},
Юлия Владимировна Васькина^{1,2},
Светлана Вячеславовна Егорова¹

¹ Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Самара, Россия

² Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

**РАЗВИВАЯ ТРАДИЦИИ:
УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В НАУЧНОМ СЕМИНАРЕ
«НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТРУДА.
НАУЧНЫЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ»**

Ссылка для цитирования: Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В., Егорова С. В. Развивая традиции: участие студенческого научного общества социологического факультета Самарского университета в научном семинаре «Новые горизонты в исследованиях труда. Научный и практический опыт» // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 121–129. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.pa8g-mq72; EDN: JSDGGF

21 октября 2025 г. студенты социологического факультета приняли участие в научном семинаре «Новые горизонты в исследованиях труда. Научный и практический опыт», организованном Центром исследований социально-трудовой сферы им. Б. Г. Тукумцева (руководитель — к. ф. н., в. н. с. **Г. В. Еремичева**) ФНИСЦ РАН СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН при участии научно-исследовательского комитета Российского общества социологов (НИК РОС) «Социология труда» (председатель комитета — к. с. н., доцент **В. Ю. Бочаров**). В рамках семинара был специально организован студенческий телемост, в котором наряду с молодыми исследователями из Самарского государственного университета, входящими в студенческое научное сообщество (СНО)

социологического факультета (куратор — заведующая кафедрой социологии и культурологии, к. с. н., доцент **Ю. В. Васькина**), приняли участие студенты Северо-Западного института управления (СЗИУ) РАНХиГС (г. Санкт-Петербург) и Санкт-Петербургского государственного университета¹. Отметим, что подобные совместные мероприятия проходят уже не в первый раз и становятся доброй традицией сотрудничества между молодыми учеными Санкт-Петербурга и Самары².

С приветственным словом к участникам семинара обратилась декан социологического факультета, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, к. с. н., доцент **С. В. Егорова**, отметившая разнообразную тематику студенческих докладов и подчеркнувшая важность подобных совместных научно-воспитательных мероприятий для молодого поколения социологов. Обращаясь к участникам семинара, Ю. В. Васькина акцентировала внимание, что имя **Будимира Гвидоновича Тукумцева** продолжает объединять исследователей Самары и Санкт-Петербурга³, в том числе начинающих, и что данный семинар способствует установлению долгосрочных связей исследователей и студентов разных учебных заведений и городов.

В рамках семинара молодые исследователи из Самарского университета (студенты бакалавриата и магистратуры) представили разнообразные аспекты анализа современных трансформаций в сфере труда и образования. Выступления охватили ключевые вызовы цифровой эпохи — от алгоритмизации управления человеческими ресурсами до изменения основ формирования компетенций.

Цифровая трансформация, которая является характерной чертой современного ранка труда, — основной лейтмотив всех выступлений молодых самарских социологов. В докладе **Марии Бочаровой** (гр. 5101-390401Z) «Алгоритмы против соискателей: AI в рекрутинге и социальные последствия» было обращено внимание на правовой

¹ ФГМУ на передовой социологической мысли: студенты и преподаватели Президентской академии в Санкт-Петербурге приняли участие во Всероссийском научном семинаре. — URL: <https://spb.ranepa.ru/news/fgmu-na-peredovoj-socziologicheskoy-mysli-studenty-i-prepodavateli-prezidentskoj-akademii-v-sankt-peterburge-prinyali-uchastie-vo-vserossijskom-nauchnom-seminare/> (дата обращения: 01.12.2025).

² *Васькина Ю. В., Бочаров В. Ю.* Опыт участия студенческого научного общества социологического факультета Самарского университета в научном семинаре «Форсайт труда и профессии будущего» // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 23. — С. 123–129. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-23.47pv-nv48; EDN: HXLCFX

³ *Аводошина Н. В., Васькина Ю. В., Бочаров В. Ю.* Самарская школа социологии труда: история и современность // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 23. — С. 39–56. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-23.m4m3-vj34; EDN: QTCPDZ

вакуум в сфере использования технологий искусственного интеллекта в российском рекрутинге, приводящий к масштабированию человеческих стереотипов через алгоритмы. В качестве решения был предложен комплекс мер — от независимого аудита систем до законодательного закрепления ответственности: *«Использование технологий искусственного интеллекта в российском рекрутинге стало распространенной практикой, однако это происходит в условиях правового вакуума, создавая потенциал для социальных проблем. Алгоритмы, обучаясь на исторических данных, автоматизируют и масштабируют существующие человеческие стереотипы. Этот невидимый фильтр усиливает неравенство и размывает этическую и юридическую ответственность за дискриминацию кандидатов. Решение требует комплексного подхода: введения независимого аудита AI-систем, сохранения итогового решения за человеком и, наконец, разработки отраслевых норм на государственном уровне для защиты прав соискателей».*

Продолжила тему новых технологий в сфере занятости **Сабина Токторбаева** (гр. 5402-390301D) с докладом **«Молодежный сленг о трансформации рынка труда под влиянием искусственного интеллекта»**, продемонстрировавшая, как молодежный сленг отражает адаптацию к меняющемуся рынку труда. Такие термины, как «деплой» и «хакнуть», не только облегчают коммуникацию в профессиональной среде, но и символизируют проникновение цифровой культуры в повседневные практики: *«Молодежный сленг — это динамичный язык, отражающий идентичность и коммуникацию молодых людей, особенно в сфере ИТ и технологий. Он постоянно обновляется за счет соцсетей и медиа, облегчая быстрый обмен информацией и адаптацию к новым условиям труда, вызванным развитием ИИ. В профессиональной среде молодежный сленг помогает эффективнее коммуницировать, хотя иногда вызывает недопонимание между поколениями. Важным примером являются термины “деплой”, “фидбек” и “хакнуть”, которые связаны с современными технологиями и динамикой рынка труда».*

Прозвучали доклады, в фокусе внимания которых были процессы трансформаций в сфере современного образования. Так, **Данил Лукьянов** (гр. 5401-390301D) в своем докладе **«Цифровая кафедра как ответ на вызовы современного высокотехнологичного производства»** подчеркнул, что *«цифровая кафедра — это образовательный проект, призванный сократить разрыв между вузовской подготовкой и реальными требованиями современной экономики. Проект направлен на формирование специалистов современного типа, сочетающих основную профессию с цифровыми компетенциями. Обучение строится*

на проектной работе с реальными кейсами от компаний-партнеров и включает прямое взаимодействие с работодателями. Студенты осваивают как базовые цифровые навыки (работа с облачными сервисами, визуализация данных, основы Python, кибербезопасность), так и специализированные — от веб-разработки до управления IT-проектами. Гибкий формат позволяет оперативно обновлять учебные планы, включая изучение перспективных технологий. В результате выпускники повышают свою конкурентоспособность, получают больше карьерных возможностей».

Критический взгляд на школьное образование представил **Олег Гнутов** (гр. 5402-390301D) в своем докладе **«Школьное образование как фактор успешной профессиональной самореализации»**, проанализировавший подготовку к ЕГЭ через концепцию «макдональдизации» Джорджа Ритцера. Молодой исследователь показал, как доминирование формальных критериев эффективности вытесняет содержательный компонент обучения: *«Появившиеся унифицирующие и стандартизирующие школьные экзамены (ЕГЭ), а также процесс подготовки к ним точно описывает концепция “макдональдизации” американского социолога Джорджа Ритцера. Содержательный компонент (в данном случае — получение / проверка знаний, умений и навыков) отходит на второй план, в центре внимания оказывается формальная составляющая — жесткие рамки, в которые неизбежно приходится вписываться каждому школьнику. Обучение, нацеленное на успешную сдачу ЕГЭ, осуществляется в соответствии с ритцеровскими принципами “макдональдизации”: эффективность, предсказуемость, акцент на количественные показатели и технический контроль»*.

Следующие доклады самарских исследователей были посвящены возможностям анализа человеческого капитала в современных условиях. В докладе **Ирины Горбуновой** (гр. 5201-390301D) **«Ценностные ориентиры студентов как основа формирования человеческого капитала. Мотивация к приобретению новых компетенций»** анализировались ценностные основы формирования человеческого капитала и акцентировалось внимание на трех ключевых мотивационных траектории студентов: личная выгода, причастность и социальный смысл. Исследовательница доказывала, что традиционные образовательные форматы уступают интерактивным методам (тренингам), способным связать обучение с личным опытом и ценностями: *«Современное формирование человеческого капитала студентов невозможно без учета их ценностных ориентиров, которые напрямую определяют*

мотивацию к обучению и выбор компетенций. Согласно данным ВЦИОМ (2024–2025), ключевые ценности студентов — успешная учеба, установление контактов с работодателями, поиск друзей, самостоятельность и активность. При этом запросы к работодателям все чаще включают не только материальные, но и смысловые аспекты: причастность к значимым проектам, общественную пользу и личную выгоду (карьера, зарплата). Эти ценности формируют разные траектории развития компетенций: ориентированные на личную выгоду студенты развивают предпринимательские навыки, стремящиеся к причастности — коммуникативные, а ориентированные на социальный смысл — участвуют в НКО и социальных инициативах. Традиционное лекционное обучение часто не отвечает этим запросам, тогда как интерактивные форматы — особенно тренинги — успешно связывают теорию с практикой, личным опытом и немедленной применимостью знаний. Таким образом, эффективное развитие человеческого капитала требует персонализированного, ценностно-ориентированного подхода к обучению, где мотивация рождается не из внешнего давления, а из внутреннего смысла. Тренинги выступают мощным инструментом такой трансформации, делая обучение значимым, вовлеченным и ориентированным на реальные жизненные и профессиональные задачи).

В докладе Елены Супрун (гр. 5402-390301D) «Спорт и киберспорт: эволюция компетенций в контексте человеческого потенциала» была рассмотрена эволюция человеческого потенциала в спортивной сфере. Сравнивая традиционный спорт и киберспорт, молодая исследовательница выявила их объединяющую основу — требования к стратегическому мышлению, адаптивности и психологической устойчивости, демонстрируя тем самым многогранность человеческой одаренности: «Эволюция человеческого потенциала от традиционного спорта к киберспорту представляет собой увлекательный пример расширения граней человеческой одаренности. Исторически сложилось, что классический спорт стал эталоном физического развития, где доминируют такие качества, как мышечная сила, кардиовыносливость и координация всего тела. Данные физические атрибуты веками оттачивались через систематические тренировки и соревновательную практику, формируя идеал атлетического совершенства. Однако с возникновением киберспорта человечество открыло для себя совершенно новое измерение соревновательной деятельности, где на первый план вышли прежде всего когнитивные способности. Феномен киберспорта демонстрирует,

что современные достижения в области человеческого потенциала не отменяют прежних, а дополняют их, создавая более многогранную картину развития. В виртуальной соревновательной среде проявляются уникальные способности человеческого мозга и нервной системы: невероятная скорость реакции, прецизионная моторика пальцев, многозадачность обработки информации и стратегическое прогнозирование в условиях ограниченного времени. При этом, несмотря на кажущиеся различия, оба направления обнаруживают поразительное сходство в требованиях к фундаментальным ментальным характеристикам. И в традиционном спорте, и в киберспорте успех определяется стратегическим мышлением, способностью к мгновенной адаптации и устойчивостью к психологическому стрессу. Таким образом, эволюция от спорта к киберспорту представляет собой естественный процесс адаптации человеческих способностей к изменяющимся условиям современного мира, где физическое и цифровое все чаще переплетаются, создавая новые формы состязательности и самопознания».

В докладе **Арины Терентьевой** (гр. 5402-390301D) «**Молодежное NEET-движение как актуальная повестка современного социологического дискурса**» были рассмотрены социальные риски и новые формы исключения, связанные с феноменом NEET в молодежной среде. Исследовательница показала, что этот феномен отражает не просто безработицу среди молодежи, но разрыв связей с институтами социализации, требующий пересмотра классических социологических подходов: «*NEET-движение сегодня — это большая проблема молодежной безработицы. Статус NEET указывает на глубокую проблему — разрыв связей с основными институтами социализации. Причины, по которым тот или иной человек может быть отнесен к данной группе, различны: от сокращения трудовой занятости вследствие крупных изменений в системе производства до протеста человека против общества. Это сложный, многогранный социальный феномен, который находится на стыке экономики, политики, культуры и психологии. Его изучение заставляет социологию отказываться от устаревших концепций и разрабатывать новые подходы для понимания меняющейся природы социальной интеграции и протеста в постиндустриальную эпоху*».

Завершая обзор докладов молодых самарских исследователей, необходимо подчеркнуть, что все представленные исследования (которые в основном ведутся в рамках подготовки дипломных проектов)

демонстрируют единство методологического подхода самарской социологической школы — внимание к эмпирической конкретике в сочетании с теоретическим осмыслением масштабных социальных трансформаций. Все работы объединены пониманием фундаментальной перестройки традиционных институтов российского общества под влиянием технологий и меняющихся ценностных ориентиров новых поколений.

Участники семинара «Новые горизонты в исследованиях труда. Научный и практический опыт».

(г. Самара, Самарский университет, социологический факультет, студенческое научное общество, 21.10.2025)

Самарские участники семинара с вниманием выслушали выступления своих петербургских коллег — студентов СЗИУ РАНХиГС и СПбГУ, отметили их практическую составляющую, включенность авторов докладов в тематику исследования, а также высоко оценили демократичность отношения между исследователями со стажем и студентами, только начинающими свой путь в науке.

Выражаем искреннюю благодарность организаторам семинара **«Новые горизонты в исследованиях труда. Научный и практический опыт»** за предоставленную возможность участия молодым исследователям из Самары. Подобный формат сотрудничества, ставший возможным благодаря цифровизации, стирает географические границы и создает единое профессиональное пространство. Мы высоко ценим этот опыт и надеемся на его продолжение!

Сведения об авторах

Бочаров Владислав Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
bocharov@ssau.ru

Васькина Юлия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
vaskina.yuv@ssau.ru

Егорова Светлана Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия.
egorova.sv@ssau.ru

Статья поступила в редакцию: 18.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 20.01.2026;
принята к публикации: 23.01.2026.

VLADISLAV YU. BOCHAROV^{1,2}, YULIA V. VASKINA^{1,2}, SVETLANA V. EGOROVA¹

¹ Samara National Research University, Samara, Russian Federation

² Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation

**DEVELOPING TRADITIONS:
PARTICIPATION OF THE STUDENT SCIENTIFIC
SOCIETY OF THE FACULTY OF SOCIOLOGY
OF SAMARA UNIVERSITY IN THE ACADEMIC
SEMINAR “NEW HORIZONS IN LABOR RESEARCH:
SCIENTIFIC AND PRACTICAL EXPERIENCE”**

For citation: Bocharov V. Yu., Vaskina Yu. V., Egorova S. V. Continuing with Traditions: Participation of the Student Scientific Society of the Sociology Faculty of Samara University in the Scientific Seminar “New Horizons in Labor Research. Scientific and Practical Experience”. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 121–129. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.pa8g-mq72; EDN: JSDGGF

Information about the authors

Bocharov Vladislav Yu., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, Samara, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. bocharov.vyu@ssau.ru

Vaskina Yulia V., Candidate of Sociological Sciences, Head of Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, Samara, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. vaskina.yuv@ssau.ru

Egorova Svetlana V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, Samara, Russian Federation. egorova.sv@ssau.ru

Received: 18.01.2026;

revised after review: 20.01.2026;

accepted for publication: 23.01.2026.

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

2026

Том 18, № 1

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 — 55387 от 17.09.2013

У ч р е д и т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: *И. И. Елисеева*

Научные редакторы: *И. И. Елисеева, Н. В. Колесник*

Журнал «Петербургская социология сегодня» включен в базу РИНЦ
Права на материалы, опубликованные «Петербургской социологией сегодня»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без письменного разрешения редакции.

Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
на официальном сайте журнала: <https://petersociology.ru/ru/about>
на сайте издателя: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3067
на сайте РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=33540

И з д а т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Телефон издателя: 8 499 125-00-79. Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Телефон редакции: 8 812 316-24-96. Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*. Корректор *А. А. Нотик*. Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*. Подписано в печать 20.02.2026. Формат 60×84^{1/16}. Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,46. Тираж 300 экз. Заказ № 033. Свободная цена. Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru. www.renomespb.ru